МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР
ФЕРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. УЛУГБЕКА

С. С. ГУБАЕВА

НАСЕЛЕНИЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ
в конце XIX—начале XX в.
(этнокультурные процессы)

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1991

В монографии рассматривается формирование населения Ферганской долины — одного из густонаселенных и многонациональных районов не только Средней Азии, но и всей нашей страны, что всегда определяло своеобразие во взаимоотношениях представителей разных этнических групп; освещаются этнические процессы, протекавшие здесь в конце прошлого и начале нынешнего века.

Основным источником при написании монографии послужили этнографические материалы, собранные автором.

Для этнографов, историков, краеведов и широкой читательской аудитории.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б. Х. Кармышева*

Рецензенты:
кандидаты исторических наук *В. Н. Басилов, А. Шарафиддинов*

Г 0505000000—447 / М355(04)—91 20—91

ISBN 5—648—01322—1

© Издательство «Фан» УзССР, 1991 г.

ВВЕДЕНИЕ

Ферганская долина — одна из древнейших историко-этнографических областей Средней Азии. Ее относительная географическая изолированность (наряду с другими факторами) возможно, способствовала тому, что этническая история региона, формирование материальной и духовной культуры его населения имели своеобразные черты, хотя в целом были такими же, как и на остальной территории Среднеазиатского Междуречья.

Именно здесь сохранился, правда в несколько модифицированном виде, тот староузбекский язык, который выделился когда-то из языковой общности караханидского периода (177, с. 23; 185, с. 102). Не случайно в основу современного литературного узбекского языка легли ферганские (и ташкентские) городские говоры (185, с. 108). Именно здесь устойчивее, чем во многих других областях Мавераннахра, держались основы традиционной узбекской культуры, которые являются выражением этнической специфики этого народа. На этой небольшой территории в силу целого ряда причин процесс консолидации узбекского народа и становления узбекского национального самосознания начался раньше и шел интенсивнее, чем в некоторых других районах современного Узбекистана. И, наконец, именно Фергана стала одним из центров этнокультурных контактов на территории Мавераннахра. Здесь более, чем на остальной территории современного Узбекистана, культура узбекского народа обогащалась за счет проникновения в нее элементов культуры других народов.

В древности через Ферганскую долину проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, соединявшего Восток с Западом (29, II, с. 170; 130, с. 46, 47, 65; 124, с. 364, 370, 372). Впоследствии по нему шли караваны из Самарканда, Бухары, Ташкента, Туркестана в Восточный Туркестан. Через северные и северо-восточные горные перевалы Фергана была связана с Таласом, Прииссыккульем, Семиречьем, через южные — с Матчой, Каратегином, Бадахшаном, Кулябом, Гиссаром и другими горными странами Памиро-Алая.

Выгодное географическое положение Ферганской долины не только определило усиленное экономическое и культурное развитие края, но и обусловило значительный приток сюда разных этнических элементов. Кроме того, в силу географической изолированности Фергана была относительно спокойным краем и иногда оставалась вне политических событий, происходивших в остальных областях Средней Азии. Смуты, войны, голод, имевшие место на других территориях, а также надежда найти заработок, политические и религиозные преследования гнали сюда людей не только из сопредельных, но и из довольно отдаленных от Ферганы районов. В результате Ферганская долина к концу XIX—началу XX в. превратилась в один из самых густонаселенных и многонациональных регионов Средней Азии.

Изучение этнической истории того или иного народа и этнических процессов, протекавших в том или ином регионе, всегда было одной из важных задач советской этнографии. Особую актуальность эти проблемы приобретают в настоящее время, когда во всем мире, в том числе в нашей стране, идет процесс усиления самосознания народов, вызывающий обостренный интерес как к тому, что определяет национальную специфику каждого из них, так и к межнациональным отношениям.

Понять смысл современных этнических процессов довольно трудно без знания течения их в прошлом. В настоящей книге исследуются этнические процессы, имевшие место в Фергане в конце XIX—начале XX в. Этнический состав населения Ферганы и этническая история ее, особенно позднего времени, изучены далеко не достаточно[1]. Правда, определено современное расселение основных народов на территории Ферганской долины (83; 47). Сравнительно хорошо изучены родо-племенной состав, расселение и этногенетические связи киргизов (212; 46; 3 и др.) и каракалпаков (217) Ферганы. В определенной степени исследовано население Ленинабадской области ТаджССР, в первую очередь таджикское (223). Среди узбекской части населения Ферганской долины серьезно изучались лишь кипчаки (236; 237). Отдельные сведения о различных группах ферганских узбеков разбросаны по статьям и страницам обобщающих монографий как дореволюционных, так и советских исследователей. Автором этих строк была сделана в свое время попытка восстановить по данным топонимии (с привлечением письменных источников и этнографических материалов) этнический состав населения Ферганы последних столетий и, особенно, родо-племенной состав узбеков (60).

Не изучались специально и малочисленные народы, жившие в прошлом в Ферганской долине, за исключением уйгуров (79). Нет работ, посвященных этническим процессам, протекавшим до революции в Фергане, хотя на эту проблему, особенно на консолидационные процессы среди узбеков, киргизов, в том числе и на территории Ферганской долины, обращалось внимание (43; 210; 3; 236; 237; 79; 91).

[1] Об этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы написано немало работ. Одними из последних являются статьи Н. Г. Горбуновой (55) и Б. А. Литвинского (119; 121), а также глава в монографии Г. А. Брыкиной (34). В них приведена и исчерпывающая литература по вопросу.

Узбеки были самым многочисленным народом в Ферганской долине, что определило их роль в этнических процессах на этой территории. По этой причине, а также потому, что они менее изучены на сегодняшний день (по сравнению с киргизами и таджиками), большая часть монографии посвящена им. Неравнозначное внимание уделено в работе этнографическим группам и малочисленным народам. Некоторые из них и вовсе не рассматриваются. Это объясняется как изученностью одних (например, каракалпаков, кипчаков), так и невозможностью охватить в небольшой монографии все группы и народы. В связи с тем, что в позднефеодальной Фергане преобладало сельское население, главное внимание при исследовании уделялось ему.

В настоящее время Ферганская долина в административном отношении входит в состав трех союзных республик (Узбекской, Таджикской и Киргизской). Но в работе она рассматривается в физико-географическом аспекте, так как эта межгорная впадина издавна представляла собой единую историко-этнографическую область.

Разнообразные природные условия Ферганы обусловили многообразие занятий ее населения. Высокогорье служило преимущественно в качестве летних пастбищ. Полупустынные, покрытые эфемеровой растительностью предгорные холмы—адыры использовались как ранневесенние пастбища и под богарное земледелие, а долины рек — под орошаемое земледелие. Пустынно-солончаковые районы, занимавшие в основном центральную часть котловины, были пригодны для выпаса скота в весенне-осенне-зимний период.

Основным источником при написании монографии послужили этнографические материалы, собиравшиеся мной в течение многих лет (с 1970 по 1988 г.) как в составе экспедиций[2], так и в индивидуальных поездках. Кроме того, будучи жительницей Ферганы, я имела возможность постоянно пополнять материалы в процессе повседневного общения с местным населением.

Не менее важный источник этнографических сведений — дневники, мемуары, очерки путешественников, с разными целями побывавших в дореволюционной Фергане, отчеты представителей ферганской администрации, исследования дореволюционных ученых. Среди них наибольший интерес представляют книги и статьи В. П. и М. Наливкиных (150—153), А. П. Федченко (229), А. Ф. Миддендорфа (143), В. И. Кушелевского (115), П. Е. Куз-

[2] Предгорный отряд Среднеазиатской экспедиции в 1971 г. под руководством Б. Х. Кармышевой; Ферганский отряд Среднеазиатской экспедиции в 1972 г. под руководством Н. П. Лобачевой; Ферганский отряд Среднеазиатской экспедиции под руководством А. Н. Жилиной в 1977, 1988 гг.

нецова (110; 111), В. В. Вельяминова-Зернова (44; 45) и др. Ценность этих работ возрастает в связи с тем, что авторы их были свидетелями описываемых ими событий.

Работы советских этнографов и археологов (во многих археологических работах содержатся и этнографические сведения) важны были при написании данной монографии не только в методологическом плане, но и как великолепный источник, так как многие из авторов собирали материал сразу после революции, а также в 20—40-е гг., когда еще было немало информаторов, живших в дореволюционной Фергане, и сохранились многие традиции, обычаи, обряды, элементы материальной культуры, характерные для конца XIX—начала XX в. Среди этих работ следует в первую очередь назвать исследования М. С. Андреева (7—10), Н. Н. Ершова (72), Н. А. Кислякова (103—105), О. А. Сухаревой (202—211), Е. М. Пещеревой (166—167), А. К. Писарчик (168—171), Е. И. Маховой (141), К. И. Антипиной (11, 12), Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (63; 118—123) и многих других.

В работе широко использовались архивные данные, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА) и в Центральном государственном историческом архиве УзССР (ЦГИА), а также статистический материал по Ферганской долине конца XIX—начала XX в.

В заключение пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность сотрудникам сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР, и особенно Т. А. Жданко, не только за неоценимую помощь, оказанную мне при подготовке данной книги, но и за школу, полученную за многие годы контакта с этими требовательными, доброжелательными и преданными науке людьми.

Глава I. ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ФЕРГАНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Основные этапы политической и этнической истории позднефеодальной Ферганы

Этническая ситуация, имевшая место в Фергане конца XIX—начала XX в., стала складываться задолго до этого времени. Рассмотрим основные моменты политической истории, непосредственно предшествовавшие сложению ее, а именно период возникновения и укрепления Кокандского ханства и завоевания Ферганской долины Россией.

Фергана превратилась в самостоятельную политическую единицу во второй половине XVIII в., хотя выделение (и обособление) ее из состава государства Аштарханидов произошло уже в конце XVII в.[3] В 1710 г. власть в Фергане захватил Шахрухбий из узбекского племени минг. Основанная им династия правила этим краем вплоть до присоединения его к России. Основателем Кокандского ханства считается Алим-хан (время правления 1798—1810) не только потому, что он первым из ферганских правителей принял титул хана, но и потому, что сумел восстановить распавшееся было государство, расширить и укрепить его.

Вначале Кокандское ханство ограничивалось территорией равнинной части Ферганы. Киргизские племена, кочевавшие в горах и предгорьях, были независимы, но с конца XVIII в. они начинают постепенно попадать под власть ферганских правителей. Горные районы, окружающие Фергану, представляли серьезный интерес для Коканда. Через них проходили пути, связывающие долину с сопредельными территориями: Ташкентским и Ангренским оазисами, Таласом и Семиречьем, Кашгаром и горными областями современного Таджикистана. Поэтому Алим-хан предпринимает ряд военных действий против киргизских биев. При брате и преемнике его Умар-хане (время правления 1810—1822/23) было завершено покорение ближайших к Фергане киргизских территорий, в частности верховьев Нарына и районов, лежавших на юго-востоке долины (81, с. 201—203). При Мадали-хане (время правления 1823—1842) под власть Коканда попадают киргизы Алая и бассейна Иссык-Куля вплоть до границ Кашгарии (81, с. 203),

[3] О политической истории Кокандского ханства см. работы В. П. Наливкина (151), В. В. Бартольда (19, с. 286—290), П. П. Иванова (81, с. 108—110, 178—213), О. Д. Чехович (234), Р. Н. Набиева (147), Т. К. Бейсембиева (26, с. 6—27, 91—134).

хотя подчинение киргизов Коканду, особенно южных, было чисто номинальным и ханы вынуждены были считаться с ними (173, с. 9). Политическое подчинение киргизских племен кокандским ханам мало что изменило в существовавшей этнической ситуации Ферганы позднего времени, так как киргизов, перемещавшихся сюда начиная с XVI в. (81, с. 67, 70, 96), связывали с оседлыми жителями долины тесные хозяйственные контакты задолго до возникновения Кокандского ханства.

При Алим-хане были завоеваны и присоединены к Кокандскому ханству Чимкентский и Ташкентский оазисы. Ташкент, которым во второй половине XVIII в. управляли казахские ханы, играл в то время важную роль в торговле Средней Азии с Россией и казахскими степями (80, т. 104—105) и представлял особый интерес для молодого, набирающего силу Кокандского ханства. Умар-хан еще больше расширил северные и северо-западные владения. При нем в Кокандское ханство вошли почти весь бассейн средней и нижней Сырдарьи, а также обширные степи от Аральского моря до реки Или, принадлежавшие казахам Старшего и Среднего Жузов.

При Алим-хане начались попытки овладеть районами Ура-Тюбе и Джизака. Расположенные у входа в Ферганскую долину, они имели важное стратегическое значение не только для Кокандского, но и для Бухарского ханства, и борьба за обладание ими велась непрерывно с переменным успехом вплоть до завоевания Средней Азии Россией. Эти политические события не могли не усложнить этническую ситуацию в Фергане. Присоединение к ханству новых земель сопровождалось миграциями в Фергану (часто принудительными) населения захваченных территорий.

Кокандские ханы пытались расширить свои владения и на востоке. В XVII в. и, особенно, в XVIII—первой половине XIX в. они активно вмешивались во внутренние дела соседней Кашгарии, находившейся под властью Китая. Хотя Кашгария так и не была присоединена к Кокандскому ханству, в Фергану прибывали большие группы кашгарцев (уйгуров), которые, в силу своей многочисленности, оказали серьезное влияние на этнические процессы в Ферганской долине.

Одним из направлений экспансии Кокандского ханства, превратившегося уже в первой четверти XIX в. в сильное среднеазиатское государство, были и таджикские горные владения. Кокандцы в течение почти всего XIX в. (вплоть до 70-х гг.) не раз находили повод для вмешательства во внутренние дела таких горных стран, как Матча, Каратегин, Дарваз, Шугнан, Куляб, что часто кончалось захватом их. Правда, подчинение большинства горных областей было временным, непрочным и часто номинальным. Но число переселенцев из этих районов в Фергану было так велико, что также имело значение для усложнения этнической ситуации в ней.

В период восстановления политической целостности Бухарского ханства при последнем Аштарханиде Абуль-Фейз-хане в 1711—1747 гг. усилилась междоусобная борьба, сопровождавшаяся мятежами, грабежами, насилием и приведшая к полному разорению и запустению этого края. Население Бухары, Самарканда и окрестных селений бежало в более спокойные районы, в том числе в Фергану (81, с. 93; 240, с. 22; 26, с. 9). Только в 1717 г. из Самарканда в Фергану переселилось несколько тысяч человек (26, с. 9).

Создание централизованного феодального государства дало возможность кокандским ханам объединить и использовать имеющиеся в крае ресурсы, что благотворно повлияло на экономическое развитие края. При Умар-хане и последующих правителях в Фергане создается широкая сеть оросительной системы, в том числе такие крупные каналы, как Шахрихансай, Янгиарык, Чинабад, Улугнар, Мусулманкул, осваиваются значительные площади пустовавших раньше земель. Ханы практиковали заселение этих земель не только ферганцами (22, с. 121—122), но и жителями тех владений Кокандского ханства, которые лежали за пределами Ферганской долины: Ташкентского, Ангренского, Ура-Тюбинского, Зааминского оазисов, Каратегина и т. д. (236). Именно с массовыми переселениями в XVIII—XIX вв. связано возникновение значительной части ферганских оазисов, особенно в центральной части долины.

Оживляется в это время сельская и, особенно, городская жизнь: расширяются ремесленное производство, торговля, усиливаются хозяйственные связи с кочевниками, растет культура, углубляется процесс общественного разделения труда, развиваются товарно-денежные отношения, хотя, как писал В. В. Бартольд, при кокандских ханах «натуральное хозяйство преобладало над денежным» (19, с. 24). Растут города. Экономический рост обусловил приток в Фергану ремесленников, строителей и других специалистов из разных районов. Военные победы обеспечивали ханство рабами, хотя в Коканде их труд использовался меньше, чем наемный, в отличие от других среднеазиатских ханств (87, с. 146). Словом, «Фергана в экономической и умственной жизни Туркестана заняла при кокандских ханах выдающееся место, какого никогда не занимала прежде» (19, с. 290).

После завоевания в 1876 г. Кокандского ханства царскими войсками Ферганская долина (без западной ее части, которая под названием «Ходжентский уезд» стала частью Самаркандской области) вошла в состав Российской империи как «Ферганская область». Присоединение Средней Азии к России было, как известно, продиктовано как военно-стратегическими планами царизма (в результате обострения англо-русского соперничества в этой части Востока), так и потребностями набирающего силу российского капитализма в расширении рынков сбыта и источников сырья.

Ферганская долина имела для России особое стратегическое и

экономическое значение. Она была непосредственным соседом Кашгарии, которая представляла интерес и для России, и для Англии, так как через нее пролегал один из важных торговых путей, ведших из Средней Азии в Индию (87, с. 246). На юге Ферганская долина граничила с припамирскими странами, на которые опять-таки имели виды и Россия, и Англия (87, с. 247—252; 86). Фергана давно привлекала царскую Россию и как один из самых развитых экономических районов Средней Азии. Кроме того, климатические условия, благоприятные для развития хлопководства, должны были способствовать превращению Ферганы в основной источник хлопкового сырья для развивающейся промышленности России.

Присоединение Ферганской долины к России и создание здесь района монокультуры хлопчатника ускорило развитие производительных сил края, способствовало окончательному переходу полунатурального хозяйства в товарно-денежное. Вовлечение края в орбиту капиталистических отношений не могло не отразиться на течении этнических процессов в Фергане. Кроме того, в этот период сюда прибывают новые этнические группы из внутренних губерний России (русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры и др.), часть которых говорили на языках славянской группы и исповедовали христианство.

Таким образом, к концу XIX—началу XX в. здесь сложилась следующая этническая ситуация. В Ферганской области Русского Туркестана больше всего было издавна оседлых узбеков без родо-племенного деления — 828 080 человек, что составляло 52,69% жителей края. Следующими по численности были киргизы — 423 639, или 26,3%; полукочевые узбеки — 153 780, или 9,78%; каракалпаки — 25 971, или 1,65%; русские — 9 848, или 0,63% (136, с. 62). Кроме того, здесь жили среднеазиатские евреи, среднеазиатские арабы, уйгуры, дунгане, татары, персы, индусы и др.

В Ходжентском уезде Самаркандской области, находившемся на территории Ферганской долины[4], больше всего было таджиков — 94 304, или около 50%; полукочевых узбеков — 61 622, или более 33%; киргизов — 11 465, или более 6%; русских — 2 422, или примерно 1,3%[5]. Кроме того, здесь жили издавна оседлые узбеки, среднеазиатские евреи и др.

По данным переписи 1897 г., большая часть населения Ферганской области — 1 411 553, или 91,05% — говорила на языках тюркской группы (узбеки, киргизы, каракалпаки, уйгуры, казахи, татары и др.). На языках иранской группы говорил 114 081 человек, или 7,26% (таджики, персы, среднеазиатские евреи, среднеазиатские цыгане), на языках славянской группы — 9 842 человека, или 0,63% (русские, украинцы, белорусы), на прочих языках— 16 738 человек, или 1,06% (138, с. 11). В Ходжентском уезде, по тем же данным, на языках иранской группы говорили 94 304 человека, или около 50% населения, на языках тюркской группы — 87 852 человека, или более 47%, на языках славянской группы — 2 422, или примерно 1,3%, на прочих языках — 557, или около 0,3% (138, с. 29).

Почти все население Ферганской долины исповедовало ислам суннитского толка. Иудаизм в Ферганской области исповедовали лишь 2 784 человека (0,18%), в Ходжентском уезде — 85 человек; христианство же в Ферганской области исповедовали 12 164 человека (0,78%), в Ходжентском уезде — 2685 человек (1,3%) (138, с. 11, 13).

Социально-экономические факторы этнических процессов

Природно-хозяйственные зоны и межхозяйственные связи народов Ферганской долины. Одним из важнейших факторов, оказавших серьезное влияние на развитие этнических процессов в Фергане колониального периода, было начало развития здесь капитализма. Прежде, чем перейти к интересующему нас периоду становления капиталистических отношений, необходимо рассмотреть сопровождавшиеся этнокультурным взаимопроникновением межхозяйственные связи, которые сложились в крае на протяжении веков и в значительной степени сохранялись в первые десятилетия колониального периода.

Несмотря на разнообразие природных зон, Ферганская долина тем не менее представляла собой единый хозяйственный комплекс. В различных природно-хозяйственных зонах ее развивались разные типы хозяйства, которые не просто сосуществовали, а взаимно обусловливали и дополняли друг друга. Большую роль в жизни Ферганы позднефеодального периода, как и всей Средней Азии, играло взаимодействие оседлого и кочевого (полукочевого) населения, бывшее, как писала Б. Х. Кармышева, «одним из самых существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического развития Мавераннахра эпохи феодализма» (96, с. 46).

З е м л е д е л и е. Фергана считается одним из самых древних оазисов Средней Азии. Но как единый оазис, по замечанию В. С. Батракова, она сформировалась только в начале XIX в., с созданием здесь централизованного феодального государства — Кокандского ханства и расширением в связи с этим сети ирригационных сооружений (22, с. 113—114). До начала XIX в. она состояла из ряда отдельных оазисов, расположенных по берегам горных рек Ходжабакырган, Исфана, Исфара, Сох, Шахимардан, Исфайрам, Араван, Акбура, Куршаб, Карадарья, Нарын, Касан, Ашт и др. Сырдарья, будучи одной из самых крупных и полноводных рек Средней Азии, из-за крутых и высоких берегов почти не использовалась для орошения ферганских земель. Только в

[4] Этот уезд захватывал и часть территории за пределами Ферганской долины.

[5] По Ходжентскому уезду подсчет процентов мой.— *С. Г.*

относительно пологих местах существовало каирное земледелие (175). Во второй половине XIX в. зона поливного земледелия увеличилась. Оазисы вобрали в себя значительную часть каменисто-щебнистых равнин и солончаков, служивших раньше лишь скудными пастбищами.

Наиболее благоприятные условия для ведения земледелия были в речных долинах и предгорных равнинах. Здесь выращивали такие высокоинтенсивные культуры, как хлопчатник, фрукты, виноград, а также зерновые, огородные, бахчевые.

Несмотря на одинаково благоприятные условия для земледелия по всему этому кольцу, размещение тех или иных культур было неодинаковым, что объясняется как географическими, так и историческими причинами. Так, рис — одна из любимых культур местного населения—выращивался практически везде, где позволяли условия (преимущественно в присырдарьинских районах и у выхода горных речек на равнину). Каждый рисосеющий микрорайон обеспечивал рисом не только себя, но и близлежащие территории, где он не выращивался. Исфара снабжала рисом Канибадам, Бешарык, Яйпан и даже Коканд (194, с. 130). Рис из Камышкургана поставлялся на рынки Бешарыка, Ашта, Пангоза, Ашоба (223, с. 218; 175), из присырдарьинских селений Майгир и Джумашуй — во многие волости Андижанского и Наманганского уездов (175), из равнинных районов Ошской и Араванской волостей — в Андижан, Ассака, а также киргизам предгорий (195, с. 133) и т. д. Особенно благоприятными для возделывания этой культуры были долины рек Карадарьи и Куршаба. Здесь было достаточно не только воды, но и чернозема, который является лучшей почвой для нее. На всю долину славился рис из Узгена (город на берегу Карадарьи), а также из Джалалабада, вернее, из селения Сузак в окрестностях этого города, которое находится у впадения речки Караморт в Карадарью. Не случайно Андижанский уезд, на территории которого были расположены Узген и Джалалабад, до революции стоял на первом месте в Ферганской долине по выращиванию риса. Рисовые посевы занимали здесь 47,89% посевной площади (136, с. 312).

Для разведения садов и виноградников природные условия также были благоприятными по всей долине, но особенно на западе ее. Такое положение В. С. Батраков объясняет историческими условиями: более ранним освоением запада Ферганы, причем согдийцами, принесшими с собой культуру фруктовых деревьев и виноградников (22, с. 134). При этом юго-западные районы (Ходжент, Канибадам, Исфара, Сох, Чимион, Риштан) специализировались преимущественно на выращивании абрикосовых деревьев. Например, в селениях Шанхай и Ханабад Исфаринской волости 98,4% садовой площади было занято абрикосовыми деревьями и только 1,6% приходилось на виноградники (194, с. 35). Сушеный урюк из этих районов, считавшийся лучшим в Средней Азии, вывозился в большом количестве не только в другие ее районы, но

и в Россию. А об исфаринском и канибадамском миндале упоминает в своих мемуарах Бабур (16, с. 13, 14).

Тутовое дерево (шелковица) растет почти по всей Ферганской долине, особенно в предгорных районах, на территории древних оазисов. Но больше всего выращивали шелковицу, по словам информаторов, в Сохском и Исфаринском оазисах, причем в первую очередь для получения листьев, которые являются основной пищей гусениц шелкопряда. Наманганский и Аштский оазисы также славились своим тутовником, но здесь он выращивался в основном ради ягод (153, с. 133; 175), которые употреблялись местным населением не только в свежем виде, но и в сушеном *(тут-маиз)*, и в толченом *(толкон)* для добавок в тесто, и в прессованном *(калонканд)*[6]. Излишки продавались не только в окрестностях Намангана и Ашта, но и далеко за пределами их: в Ходжентском, Кокандском, Ангренском и даже Ташкентском оазисах. Плоды тутового дерева охотно покупало как оседлое, так и полукочевое население, считая их полезными для почек, печени, легких, селезенки, кишечника.

В северо-западных оазисах (Ашт, Пангаз, Пап, Чуст, Ахсикет, Наманган), кроме ягод тутовника, хороши были яблоки, виноград, груши. Фрукты из этих районов охотно раскупались в Маргилане, Коканде и даже Ташкенте, причем на базарах они объявлялись как «наманганские». Вывозили отсюда также изюм и грецкие орехи.

Земли, расположенные вдоль крупных рек (Сырдарья, Карадарья, Нарын) и каналов, вокруг родников, имели высокий уровень грунтовых вод и не нуждались в искусственном орошении. Аллювиальные почвы в этих районах отличались высокой плодородностью, но здесь земледелец сталкивался с необходимостью осушать заболоченные участки, вырубать камыш и тугайные леса. В заболоченных поймах указанных рек кипчаки и каракалпаки занимались каирным земледелием и сеяли пшеницу, просо, джугару, рис, бахчевые, а также в незначительном количестве маш, горох и т. д.

Обработка каменисто-щебнистых равнин, или, как называют их местные жители, какыров, представляла для земледельца не меньшую трудность. Но трудолюбивый крестьянин сумел приспособить для земледелия и их. Сеяли здесь пшеницу, джугару, кукурузу, бобовые. Хлопчатник выращивался в очень незначительном количестве.

Большие пространства солончаковой пустыни служили в основном зимними пастбищами для скотоводов. При кокандских ханах с расширением оросительной системы значительная часть солончаковых степей была приведена в пригодное для земледелия

[6] Калонканд делался следующим образом. Толокно из сушеных ягод тутовника засыпали в хумы и утрамбовывали деревянным пестом или рукой. При этом оно спрессовывалось до такой степени, что извлечь его можно было только разбив хум. Продавался калонканд в разрезанном виде.

состояние путем выщелачивания их. Крестьяне использовали для вымывания солей зимние поливы, обведя предварительно поля заурами (коллекторными каналами, собирающими остаточные и сбросовые воды после поливов полей). Так была освоена территория обширного Кокандского оазиса, а также всей восточной оконечности солончаковой степи (Язъяванский, Бозский, Шахриханский оазисы).

Одной из первых культур, которую начали возделывать на солончаках, была люцерна (143, с. 136), со временем стали выращивать и другие культуры, в частности пшеницу, ячмень, кукурузу и даже хлопчатник. Но особенно хороши были здесь джугара и дыни. Джугара — очень неприхотливый вид культурного растения. Она не требует большого количества воды (ее в этих краях было мало) и, что не менее важно, предпочитает солонцеватую почву, в отличие от пшеницы и других зерновых. Не случайно в Кокандском уезде, земли которого состоят в основном из солончаков, посевы джугары до революции были на первом месте: они занимали 40,86% посевной площади. В Маргиланском уезде, земли которого тоже в значительной степени были солончаковыми, джугара занимала 35,53% посевной площади. В Андижанском, Наманганском и Ошском уездах, имевших незначительную площадь солончаковых земель или вовсе их не имевших, под джугарой были заняты соответственно 4,22; 4,83; 1,39% посевных земель (136, с. 312). Именно поэтому основными поставщиками этой культуры на базары уездов и в киргизские кочевья, по словам информаторов, были Кокандский и Маргиланский уезды.

Другой культурой, облюбовавшей солончаки, были дыни. Благодаря слегка солонцеватой почве (каковой она становилась после усиленного выщелачивания) и умеренному поливу (из-за недостатка воды) дыни в этих районах, по словам информаторов, были особенно сладкими. Наряду с другими бахчевыми они занимали значительное место среди посевов многих волостей Кокандского уезда, Шахриханской и Язъяванской волостей Маргиланского уезда, Алтынкульской и Балыкчинской волостей Андижанского уезда и Ахси-Шахандской волости Наманганского уезда (еще Бабур высоко ценил дыни из Ахси, особенно сорт мир-тимури, и считал, что они лучше бухарских (16, с. 15)). Выращиванием дынь на солончаках занимались не только издавна оседлые узбеки, но и недавние полукочевники: каракалпаки, кипчаки, юзы. Вышеуказанные волости были основными поставщиками дынь на Ферганские базары.

Достаточное количество осадков в предгорьях позволило выращивать на богарных землях зерновые: яровую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу. Посевы на богарных землях не были значительными, так как урожаи здесь были неустойчивые. В основном посевы эти принадлежали скотоводам: киргизам, кипчакам, юзам, кураминцам, тюркам, арабам. Оседлое же население, привыкшее к стабильным урожаям на поливных землях, относилось к богаре

с пренебрежением и пользовалось ею не столько для получения зерна, сколько для дополнительного корма скоту.

Предгорья, особенно северной и северо-восточной Ферганы, были и основными поставщиками грецких орехов и фисташек.

Население городов составляли в основном чиновный, служилый, ремесленный и торговый люд, который, тем не менее, не терял связи с землей. Каждый домовладелец в городе имел хотя бы небольшой приусадебный участок, который служил ему дополнительным источником существования. Определенная часть горожан имела и загородные участки, куда переезжала всей семьей на период сельскохозяйственных работ[7]. Там выращивали фрукты, овощи, часть которых запасали и на зиму, держали коров, откармливали овец. Функцию снабжения населения городов выполняли и пригородные кишлаки. Например, Араван снабжался свежими фруктами и овощами кишлаком Иркекашка, Маргилан — селениями Ташлак, Ходжамагыз, Кергиль и др., Андижан — селениями Хакан, Джалабек, Кумакой, Ярбаши, Заурак и др. (175). В целом же в Ферганской области земледелием занимались 12,27% всех горожан (136, с. 17).

Скотоводство. Природные условия Ферганской долины обеспечивали возможность для развития экстенсивного скотоводства, основанного лишь на вертикальном кочевании. К лету отгоняли скот в горные долины окружающих Фергану хребтов, зимой — в равнинную часть. Пастбищным скотоводством в конце XIX в. занимались в основном более или менее состоятельные представители полукочевников Ферганы. Скот бедняков, если он имелся, как и скот издавна оседлого населения, выпасался чаще всего в окрестностях селений.

Лучшими летними пастбищами были знаменитая Алайская долина и долина Арпа (у восточного подножия Ферганского хребта). Правда, они находились за пределами собственно Ферганы, но издревле были связаны с ней экономическими узами. Каждый уезд имел свои близлежащие пастбища, которыми пользовалось с давних пор население только данного уезда, как полукочевое, так и оседлое. Например, земли, лежащие к югу от селений Вуадиль, Учкурган, Ходжаарык, Белькишлак (т. е. вся горная часть Маргиланского уезда, за исключением искусственно орошаемых и богарных земель в урочище Тамаша), были пастбищами киргизов Ичкиликской, Найманской, Яукесек-Бостонской волостей Маргиланского уезда. Здесь же пасло скот полукочевое население, разбросанное по всем волостям Маргиланского уезда (тюрки, кипчаки, юзы, арабы, киргизы). Сюда же после весенних полевых работ выгоняло рабочий скот и оседлое население уезда (таджики, издавна оседлые узбеки и др.). В результате на этих пастбищах скапливалось до полумиллиона голов (ЦГАИ, ф. 19, оп. 1, д. 5984, л. 5; ф. 23, оп. 1, д. 2292, л. 1—16, 19). Скот населения

[7] О дислокальном поселении горожан см. работы О. А. Сухаревой (206, с. 203—211), Н. О. Турсунова (223, с. 115), А. К. Писарчик (171, с. 98).

Баястанской, Кутлук-Сеидской, Касанской и отчасти Варзикской и Тюракурганской волостей Чустского уезда пасся летом в Чаткальской долине (ЦГАИ, ф. 19, оп. 1, д. 871, л. 1) и т. д.

Основными зимними пастбищами служили песчаные и солончаковые пустыни Центральной Ферганы, где в зимнее время сосредоточивался скот почти всех уездов области (ЦГАИ, ф. 23, оп. 1, д. 2291, л. 7; д. 2292, л. 1—16). На пустынных пространствах северной части Ходжентского уезда зимовал скот кураминцев и юзов, кочевавших у подножия Кураминского хребта (175).

К концу XIX— началу XX в. у всех полукочевников Ферганы состав стада был относительно однородным и зависел в значительной степени от взаимосвязей с оседлым населением, которое покупало у них предпочтительно курдючных овец. В меньшем количестве в стадах были козы, кони, крупный рогатый скот, верблюды. В немалой степени состав стада зависел и от этнических традиций. Так, киргизы, помимо овцеводства, уделяли внимание и коневодству, которое раньше преобладало в их хозяйстве. Лишь усиление торговых связей с земледельческим населением Ферганы после вхождения киргизских кочевий в состав Кокандского ханства вынудило киргизов разводить в значительном количестве и овец, которые во второй половине XIX в. стали преобладать в их стаде (176, с. 19). Разводили они и крупный рогатый скот (киргизы были одним из основных поставщиков оседлому населению волов для нужд земледельческого хозяйства), и верблюдов.

Юзы и тюрки занимались главным образом овцеводством. Лошадей в их стадах было относительно немного и использовались они в основном как вьючные животные и для верховой езды. К козам те и другие относились с пренебрежением и содержали их лишь для того, чтобы козлы были вожаками в стаде. У кураминцев, напротив, в стадах, помимо овец, было большое количество коней и коз. Последних они ценили за высококачественное молоко, за прочную, хотя и грубую шерсть, из которой делали мешки, основу для паласов, вили веревки. Было в их стадах и некоторое количество крупного рогатого скота молочного направления, и верблюдов для перевозки тяжестей (например, юрт). Но в рассматриваемый период овцы в стадах кураминцев все-таки преобладали, так как служили основным предметом сбыта оседлому населению долины (175). В стадах каракалпаков было больше крупного рогатого скота, меньше овец и лошадей (217, с. 68). У кипчаков основной отраслью скотоводческого хозяйства было овцеводство; занимались они и разведением крупного рогатого скота и породистых карабаирских коней (236, с. 190).

Оседлое сельское население содержало скот в основном для надобностей земледельческого хозяйства. У середняка в Тюракурганской волости Наманганского уезда, имевшего 10 танапов земли (5,5 танапа равно 1 га), как показывает полевой материал, были пара волов, осел, редко лошадь и корова, две-три овцы для забоя к особо торжественным случаям или продажи, а также для

получения шерсти, которую продавали или копили для домашних нужд, например, для изготовления войлока. У бедняков, имевших один-полтора или даже полтанапа, было по одному волу на пять—десять хозяйств, по одной корове на махаллю (в лучшем случае) и ни одной овцы. Свой клочок земли они пахали супрягой или вскапывали кетменем. Такая картина наблюдалась и в других районах Ферганы.

Отсутствие во многих хозяйствах даже рабочего скота вынуждало нанимать его на период сельскохозяйственных работ или покупать на время у полукочевников с тем, чтобы потом продать за бесценок (143, с. 289; 72, с. 152). У занимающихся извозом были лошадь или осел.

Выпасали скот оседлые жители на выгонах в окрестностях селений в течение дня, на ночь пригоняли в стойло. Для пастьбы сельского стада нанимали общественного пастуха. В селении Насретдинбек (близ Шахрихана) такой пастух работал только за харчи для себя и своей семьи. Платили ему по очереди в зависимости от количества скота, принадлежавшего тому или иному скотовладельцу. Выгоны здесь располагались в двух-четырех километрах от селений на неосвоенных землях. У населения Алтыарыкской волости выгоны находились между кишлаками Паласан и Файзаабад, у населения Маргиланской волости — в районе селения Шура, Джуйдам, Ходжа-магыз (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 2292, л. 19). Выгоны принадлежали населению определенных кишлаков и посторонний скот на них не допускался. При отсутствии выгонных земель скот пасся либо по жнивью, либо по обочинам посевов.

Для городского населения было характерно стойловое содержание скота. Здесь держали в основном молочный скот и несколько овец для особых случаев. Богатые горожане-скотопромышленники откармливали большое количество овец для продажи (24, 176; 72, 155—156).

Ремесло. В разных районах Ферганской долины, как и вообще в Средней Азии, ремесло имело различный характер и функции. Например, в кочевьях оно не было товарным и служило в основном для удовлетворения собственных нужд, иногда для обмена предметов своего ремесла на те, которые полукочевники не производили. В городах и крупных селениях оно издавна имело ярко выраженный товарный характер, что в немалой степени было связано с близостью рынка. В 1907 г. в Ферганской области промыслами и торговлей занимались 20,95% населения, в основном городские жители (87,65% городского населения) (136, с. 17). Почти все необходимые предметы производились в долине, удовлетворяя нужды не только местного оседлого и кочевого населения края, но отчасти и сопредельных областей, а также вывозились на рынки России, в частности в Сибирь (157, с. 8), и за рубеж (40, с. 392; 222, с. 87, 173).

Шелководство и шелкоткачество издавна были одними из ведущих ремесел края. Не случайно, когда Фергана была присоединена к России, ей был дарован герб «бабочка шелкопряда» (62,

с. 60). Средоточием разнообразных шелкоткацких мастерских были Маргилан и Ходжент. В Маргилане их было 120, в Ходженте — 97, в Коканде — всего 40 и изготавливаемые там ткани уступали по качеству маргиланским и ходжентским. В Андижане и Оше это ремесло было развито еще слабее (180, с. 9—11). Маргиланские шелковые ткани, одеяла, платки отправляли в Кашгар, Бухару, Турцию (40, с. 392; 180, с. 10; 211, с. 21), ходжентские — в Сибирь, Европейскую Россию, на Кавказ, в Иран, Афганистан (222, с. 87, 173). Хлопчатобумажный полосатый тик (тимпаи), который пользовался особой популярностью у киргизов, производили в Намангане (40, с. 391).

Ходжент и Риштан славились своими гончарными изделиями не только в самой Фергане, но и далеко за ее пределами (180, с. 38—44; 167, с. 202). Наманган обеспечивал хумами всю западную часть долины. Их доставляли на плотах по Сырдарье (175). Одним из развитых ремесел Ферганской области было производство обуви. Самыми крупными поставщиками ее считались Андижан и Коканд с их уездами (157, с. 8). В обработке металла и кузнечном ремесле достигли совершенства жители Ашта (223, с. 218; 175), хотя каждый город и крупное селение Ферганы имели чугунолитейные и кузнечные мастерские (51, с. 112). Чуст славился ножами (68, с. 92—102, 175) и тюбетейками. Другим центром тюбетеечного производства был Маргилан[8].

Характер промысловой деятельности определяли и этнические традиции, связанные с различными направлениями хозяйства. Издавна оседлое население занималось в основном ткачеством из хлопка и шелка. Скотоводы, как и везде, выделывали преимущественно шерстяные ткани[9], паласы, ковры, катали войлок.

К концу XIX—началу XX в. различия в характере промысловой деятельности разных этнических групп начали постепенно стираться, и тем не менее традиции в том или ином виде ремесла были еще сильны. Так, многие полукочевники, жившие в Фергане (арабы, тюрки, кураминцы), выучились к рассматриваемому периоду ткать ворсовые ковры. Но лучшими коврами в Ферганской долине считались все-таки киргизские, причем ковры группы ичкилик (144, с. 67—82; 145, с. 86—87). Лучшие паласы из шерсти ткали арабы. Каракалпаки были известны как специалисты по плетению изделий из камыша, в частности циновок разного качества и назначения, хотя плели их и издавна оседлые узбеки, и юзы, и кипчаки. Каракалпаки изготавливали и различные корзины из ивовых прутьев. Плетение корзин было основным ремеслом и одной из групп кашгарских цыган — аякчи, причем их изделия были более качественные и славились во всей долине.

Уйгуры и дунгане были известны как отличные повара и содержали небольшие харчевни почти во всех крупных селениях и городах Ферганы, особенно в восточной ее части. Традиционным для многих уйгуров было и пекарское ремесло, а также кузнечное и столярное. Так, в Араванской волости, где уйгуры составляли 15% населения, кузнечным и столярным делом занимались только они (195, с. 119). Дунгане же занимались еще и врачеванием, а также товарным огородничеством. Таджики-каратегинцы, осевшие в Фергане, были мастерами высокого класса по возведению глинобитных стен. На местных маслодавильнях также работали в основном каратегинцы и таджики-матчинцы (175). В кураминских кочевьях, как показывает полевой материал, пользовались предпочтительно столярными изделиями (ленчики седел, деревянные части юрт и т. д.), выполненными юзами-баявутами. Промыслами среднеазиатских евреев были красильное ремесло, шелкоткачество и торговля (90, с. 614; 222, с. 59), среднеазиатских цыган — изготовление и продажа щепного товара, дешевых украшений из меди, плетение сеток для паранджи и т. д. Сетки для паранджи плели и кураминки (175).

Среди женских видов промыслов были распространены шитье одежды, вышивание тюбетеек, поясных платков, многочисленные операции, связанные с выработкой хлопчатобумажной пряжи, отчасти ткачество, ковроткачество, выкармливание шелковичных червей, а в некоторых районах, например в Араванской волости (195, с. 113), в северных районах современной Ходжентской области (175), изготовление гончарной посуды.

На характер промысловой деятельности оказывали влияние не только локальные и этнические традиции, но и социальное положение. Так, одним из единственных способов заработать на жизнь для многих бедняков, независимо от этнической принадлежности, был сбор топлива (полынь, верблюжья колючка, тамариск, тростник, камыш) и продажа его. «Степным» топливом пользовались не только в домашнем хозяйстве, но и в кирпичных и гончарных мастерских, пекарнях и т. д. Только на маргиланском рынке ежегодно продавали до 30 000 арб «степного» топлива (143, с. 46, 59). В горах киргизы и кураминцы рубили лес и выжигали уголь для продажи. Бедняки занимались и нелегким горнорудным ремеслом: добычей золота, свинца, олова, каменного угля, выпаривали и продавали соль.

Таким образом, наличие в Фергане различных природно-хозяйственных зон и этнических групп с определенным направлением хозяйственной деятельности составило естественную основу для общественного разделения труда. Центром экономического взаимодействия населения и межэтнических контактов испокон веков были базары, куда представители разных этнических групп прибывали со своими товарами из отдаленных мест Средней Азии и даже из-за рубежа (Кашгарии, Афганистана, Закаспия и др.). Особенно большие торги были в городах. Крупнейшим торговым городом Ферганской долины являлся Коканд. «На долю Коканда

[8] О локальных формах тюбетеек в Средней Азии, об их стилевых особенностях см. статью О. А. Сухаревой (203, с. 149—166).

[9] Об отражении этнических особенностей в ткачестве и прядении см. статью Б. Х. Кармышевой (93).

приходилось 41,3% всех торговых оборотов Ферганской области, на долю Скобелева и Старого Маргилана — 10,8%, Андижана — 11,2%, Намангана — 10,2%» (137, с. 299).

Еженедельные базары были в каждом более или менее крупном селении, куда стекались жители не только окрестных селений, но и отдаленных кишлаков. Районов, тяготеющих к тому или иному базару, которые М. Вахабов назвал микроэкономическими, в Ферганской долине было 78 (43, с. 60). Каждый такой район снабжал себя всем необходимым: зерном, скотом, овощами, фруктами, тканями, металлическими изделиями и т. д. При отсутствии какого-либо товара в данном районе торговцы привозили его из других.

Базар в селении Бешарык, конечно, нельзя сравнить с базарами Коканда, Андижана, Маргилана, Ходжента и других городов долины. Но значимость его увеличивалась в связи с тем, что он находился на стыке густонаселенного Кокандского оазиса, одного из крупных хлопковых районов Ферганы, и кочевой степи (с севера к Бешарыкской волости примыкали обширные участки солончаковой пустыни, использовавшиеся кураминцами и юзами как пастбища). Кроме того, Сырдарья связывала Бешарык с наманганским оазисом и каракалпакскими селениями, расположенными вдоль этой реки. Через соседнюю Исфаринскую волость, кстати зерново-рисово-садового направления, Бешарык имел контакт с Матчой, через Канибадам — с Ходжентом.

В базарные дни сюда приезжали не только жители окрестных селений, но и киргизы, кураминцы из предгорий, юзы и тюрки, как кочующие в Фергане, так и из Ура-Тюбе и Заамина, казахи из-под Ташкента, Чимкента, Туркестана, таджики из Матчи и Гиссара. Пшеницу поставляли частично оседлые жители района, частично из предгорий Исфаринской волости (сорт кайроки) и Заамина. Рис поступал из Исфары, Воруха, Камышкургана. Особенно ценился на бешарыкском базаре рис из селения Чонгра. Джугара хороша была камышкурганская. Из Камышкургана же привозили соль (здесь было известное месторождение самосадочной соли). Фрукты и овощи поставляли в основном окрестные селения. Особым спросом пользовались персики и урюк из Ходжента и Исфары, виноград сорта «катта-курган» из селения Нурсук, яблоки из Ашобы, Камышкургана и Намангана, миндаль из Канибадама, орехи из Намангана, плоды тутовника в сушеном и прессованном виде из Ашта. Сам Бешарык поставлял на свой базар ароматные сладкие дыни. Селение Рапкан специализировалось на выращивании белого лука (*ок пиёз,* или *тухум пиёз,*— «яйцевидный лук»), селение Бешкапа — на выращивании желтой моркови, которую местные жители предпочитают красной.

Кустарно-ремесленные изделия продавались как местного производства, так и привозные. Аштцы привозили в Бешарык изделия из металла: кетмени, серпы, топоры и т. д. Из Чуста везли ножи и тюбетейки. Сыновья баев, например, щеголяли только в

чустских тюбетейках. Мату продавали в основном только собственного производства. Обувь, шелковые ткани покупались предпочтительно канибадамские и ходжентские. Деревянные изделия — от ложек до арб — выделывали главным образом юзы-баявуты из селения Бешсары. Гончарные изделия везли на плотах по Сырдарье из Намангана.

Базары были не только в населенных пунктах, но и вдали от них. О таком базаре в горной местности, который «устраивался без всякого кишлака (кругом только киргизские аулы)», писал М. Андреев (8, с. 127). Базар этот предназначался, видимо, для обмена товарами между скотоводами и земледельцами Наманганского уезда и имел локальный характер. Подобный базар был в Янтаке, который находился у самой оконечности Кураминского хребта. Удобное местоположение Янтака (на стыке крупных историко-культурных областей: Ташкентского оазиса с Ангреном и Бекабадом, Ура-Тюбинского оазиса и Ферганской долины) превратило его в крупнейший оптовый скотный базар интерлокального значения на территории Ферганской долины. Через Янтак шли караваны в Кашгарию из Ташкента, Чимкента, Туркестана, иногда даже из Бухары и Самарканда.

Янтак не являлся населенным пунктом. Здесь было всего три караван-сарая, принадлежавших трем богачам из Ура-Тюбе, Бекабада и Ферганы, а также небольшой кирпичный завод, продукция которого предназначалась, по-видимому, для строительства и расширения караван-сараев. На янтакском базаре каждую субботу продавали скот кураминцы из Ангрена, Ташкента, Буки, Бекабада, юзы и тюрки из Ура-Тюбе и Заамина, таджики из Матчи, казахи из Чимкента и Туркестана (кстати, последний поставлял овец ценной породы «каракашка»). Сюда же пригоняли скот и ферганские полукочевники (кураминцы, юзы), пастбища которых располагались на всем западном правобережье Сырдарьи, в частности около Янтака. Фергана закупала в основном скот. Скотопромышленники из Коканда, Маргилана, Андижана и других ферганских городов и крупных селений покупали его (преимущественно овец) тысячами голов, откармливали на горных пастбищах и продавали с большой выгодой оседлому местному населению.

Продавали овец в Янтаке до 15—20 и более тысяч голов в день, но в большинстве случаев с помощью маклеров заключались сделки на отсутствующий скот. При переговорах решали с 1000 овец, например, платить только за 900. 100 голов сбрасывали на предполагаемый брак. Оставшиеся 900 голов делили априорно на три части по сортам. За каждый сорт платили отдельно. И только после сделки покупатель со скотовладельцем отправлялись за скотом на пастбище. Посредник получал свою долю. Базар в Янтаке был только летом и осенью. Кроме скота здесь продавали рис из селения Теляу (Ангренский оазис), пшеницу из Ташкентского оазиса, Заамина и ферганских предгорий, урюк, фисташки,

изюм, овощи из Ходжента и Ура-Тюбе, бахчевые из Сырдарьинской области, соль из Камышкургана и т. д.

Таким образом, в Фергане, как и в других районах Средней Азии, к последней трети XIX в. сложились определенные межхозяйственные связи локального и интерлокального характера между скотоводами и земледельцами, а также между отдельными земледельческими районами, свидетельствующие о развитии производительных сил в крае, расширении и углублении общественного разделения труда и еще большем развитии товарно-денежных отношений, что сопровождалось усилением этнокультурных контактов и культурным взаимообогащением народов.

Становление капиталистических отношений. Присоединение Ферганской долины к России и превращение ее в район монокультуры хлопчатника за счет вытеснения жизненно важных культур изменило специфику и структуру сельского хозяйства долины и издавна сложившиеся взаимоотношения между различными типами его. Это в конечном счете повлияло и на этнические процессы в крае.

В первые годы колониального периода (вплоть до 900-х гг.) здесь еще сохранялось прежнее полунатуральное хозяйство. По-прежнему подавляющая часть поливных земель Ферганы была занята зерновыми, которыми она не только снабжала свое многочисленное оседлое и полукочевое население, но даже вывозила излишки далеко за пределы долины. Так, в 1884 г. в Фергане было собрано 10 978 976 пудов зерновых. Излишек составлял 1 526 140 пудов, который вывезли в Сырдарьинскую область и Кашгарию (221, с. 178).

Хлопчатнику в этот период отводилось всего около 10% пашни (244, с. 18). Но после удачного внедрения в крае американского сорта хлопчатника главным занятием ферганского земледельца вообще, а не только таджика и издавна оседлого узбека, стало выращивание хлопка[10] — самый выгодный вид деятельности, так как ему способствовала экономическая политика царского правительства. Уже в начале XX в. культура хлопчатника занимала около трети орошаемых земель Ферганской области, а к 1915 г.—половину (142, с. 14; 64, с. 52). В отдельных же районах например, в Ассакинской, Сегазинской, Каратепе-Чаукентской волостях Маргиланского уезда, Алтынкульской, Балыкчинской, Хакентской волостях Андижанского уезда, Ханаватской волости Наманганского уезда, площади под хлопчатником занимали 70—80% распашки (244, с. 75). Ферганский хлопок составлял больше половины и даже 4/5 вывозимого из Туркестана хлопка. В 1897 г. Фергана давала 2 млн пудов из 2,5 млн пудов получаемого Россией хлопка (21, с. 447).

Хлопковая специализация привела к перераспределению земельных фондов Ферганы, так как под хлопчатник стали использовать все более или менее пригодные для него земли равнинной части долины и даже предгорных и горных районов (естественно, там, где позволяли климатические условия и он успевал вызревать). В связи с этим увеличилась роль в снабжении населения продуктами питания тех территорий, которые не подходили для культивирования хлопчатника, но были пригодны для других видов сельскохозяйственных культур. Это, в первую очередь, среднегорные и межгорные оазисы (долины рек Сох, Исфара, Шахимардан и других, преимущественно в верхнем и среднем течении их), отдельные участки солончаковой и каменистой пустынь, каирные земли.

Неизмеримо возросла роль богарных земель. В доколониальный период и в первые колониальные годы площадь богарных посевов была незначительна по отношению ко всем занятым посевами землям и они были лишь подспорьем для скотоводов, не всегда надежным. К концу XIX в., а особенно в начале XX в., предгорья стали поставщиками в долину не столько скота, сколько богарного зерна. Начала складываться, по выражению В. С. Батракова, специализированная зона, где земледелие сочеталось с животноводством; она служила дополнением к зоне орошаемого земледелия. Это было значительным вкладом в общественное разделение труда, в дальнейшее развитие производительных сил (24, с. 179). Более того, теперь уже животноводство в ряде предгорных и горных районов стало подспорьем к хлебопашеству, а не наоборот, как раньше. В результате к 1907 г. орошаемые земли в Фергане составляли 41,5% всех земель, а богарные — 17,4%, т. е. почти половину орошаемых (136, с. 102).

Резкое сокращение земель, занятых под жизненно важными культурами, заставляло земледельцев выжимать из своего клочка все, что можно, снимая по нескольку урожаев в год и высевая одни культуры между другими. Так, в молодых садах, особенно в первые годы после закладки их, между деревьями высевали пшеницу, ячмень, люцерну. Люцерна (ее косили несколько раз в год), выращиваемая на корм скоту, к тому же удобряла и обновляла почву. Края арыков, омывающих крохотные хлопковые поля, обсаживались тутовыми деревьями, листья которых шли на выкормку шелковичных червей. Виноградники часто тоже не занимали специального участка, а выращивались во дворе. Виноградные лозы, закрепленные на специальных шпалерах, кроме плодов, давали и тень, живительную прохладу в жаркий летний день. Широко практиковался последовательный посев разных культур на одном участке. Так, после жатвы ячменя (поспевает в мае) или пшеницы (в июне) на этом же поле сеяли просо (вызревает за 40—50 дней), маш, кукурузу (за 100 дней) или же, для восстановления почвы, люцерну. После бахчевых сеяли репу или кукурузу и т д. (175).

В целом Фергана к началу XX в. уже не могла обеспечить

[10] О причинах превращения Ферганы в основную базу хлопкового производства в царской России см.: 244, с. 3—10.

продуктами питания свое население и вынуждена была ввозить хлеб из Самарканда, Ташкента, Заамина, Каратегина и даже из России. Так, только с августа 1911 г. по август 1912 в Ферганскую долину должны были ввезти 18 млн пудов хлеба (102, 933). Сюда начинают ввозить даже овощи и фрукты (87, с. 275), так как ради хлопка в Фергане стали вырубать и сады, не говоря уже о ликвидации огородов.

Изменился и этнический состав земледельцев. В период Кокандского ханства земледелием занимались в основном узбеки без родо-племенного деления и таджики. Полукочевникам оно служило лишь подспорьем к скотоводческому хозяйству. К началу XX в. каракалпаки составляли 89,61% общего числа земледельцев, киргизы — 75%, сарты — 59,50%, полукочевые узбеки — 44,72%, русские — 35% (136, с. 85). Хлебопашеством, преимущественно на богарных землях, занимались в основном киргизы, жившие в адырной и горной зонах, и русские переселенцы. Киргизы, населяющие равнинную часть, выращивали чаще всего хлопок и лишь в качестве подспорья — немного огородных, бахчевых и др.

Хлопчатник вытеснил с равнинной части не только другие земледельческие культуры, но и пастбища. Использование значительной площади пастбищ в предгорной и горной зонах под зерновые, изъятие «излишков» земель у скотоводов для переселенцев из России[11], падеж скота (в значительной степени из-за нехватки кормов) и, наконец, проникновение капиталистических отношений в кочевья усиливали процесс разорения и классовой дифференциации полукочевников, способствуя начавшемуся процессу их оседания, а, значит, и подрыву животноводческого хозяйства Ферганской области. По официальным данным, только с 1880 по 1893 г. в Ферганской области осело 9054 полукочевых хозяйства (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 24). Сокращение выгонов, почти полное исчезновение кормовых и уменьшение посевов зерновых, с чем связан и недостаток кормов для скота, привели к уменьшению скота и у оседлого населения. В результате только с 1878 по 1888 г. поголовье скота в области уменьшилось почти наполовину (115, т. 1, с. 367). К 1907 г. в Ферганской области земледелием занимались 74,28%, скотоводством — лишь 4,77% населения края (136, с. 82, 83). Таким образом, Фергана стала преимущественно земледельческой страной.

Упадок скотоводства в долине нарушил издавна сложившийся внутриферганский обмен между скотоводческим и земледельческим населением. Фергана вынуждена была в большем количестве, чем раньше, покупать скот в соседних и более отдаленных областях: Каратегине, Матче, Кулябе, Гиссаре, Заамине, Самарканде, Ура-Тюбе, Чимкенте, Туркестане, Аулие-Ате, Семиречье и даже в Кашгаре и Афганистане (117, с. 170—171; 136, с. 212; 197, с. 2—5; 215, с. 113—114; 175). По официальным данным, в начале XX в. в Фергану ежегодно пригонялось до 3,5 млн голов скота (78, с. 79).

[11] На внушительные размеры изъятий указывала сама царская администрация (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3886, л. 22).

Фергана закупала не только овец, но и рабочий скот. Хороших лошадей пригоняли обычно из Сырдарьинской и Самаркандской областей и по месту их разведения называли «аулиеатинскими», «уратюбинскими» и т. д. Самые ценные экземпляры получали из Бухары и Туркмении (115, т. 1, с. 369). Локайцы тоже продавали лошадей в Фергане (94, с. 128). Гнали сюда волов и даже ослов, причем особенно ценились ослы из Самаркандского оазиса.

Буржуазные отношения стали вторгаться и в ремесленное производство. Если раньше кустарная промышленность обеспечивала местное население всем необходимым, то к началу XX в. положение несколько изменилось. Отрасли, не выдержавшие конкуренции с привозными фабричными товарами, резко сокращали производство или исчезали. Например, значительно пострадали от конкуренции с фабричными товарами специалисты по изготовлению металлических изделий, гончарной посуды (87, с. 284—285). Сократилось, а в ряде мест и исчезло производство кустарных хлопчатобумажных тканей, вытесненных более качественными и дешевыми фабричными, привозимыми из России (87, с. 284—285; 222, с. 31, 79). Зато шелкоткачество не только сохранилось, но еще более расцвело в связи с возросшей потребностью в шелке не только у местной зарождающейся буржуазии, но и у русских чиновников. Шелковые ткани ферганского производства по-прежнему были одним из основных предметов вывоза в Россию и за границу.

В сохранившихся видах ремесел, и в первую очередь в ткачестве, растет разделение труда, усиливается концентрация производства, увеличивается в мастерских число наемных рабочих, наблюдается дальнейшее расслоение ремесленников и выделение из их числа крупных мастеров-предпринимателей и наемных рабочих, появляется совершенно новый, не характерный для периода феодализма институт скупщиков (87, с. 285—286; 222, с. 108—170).

Превращение Ферганы в источник хлопкового сырья определило направление развития промышленного производства. Царское правительство было заинтересовано в развитии здесь предприятий, перерабатывающих преимущественно сельскохозяйственное, а именно хлопковое, сырье. Почти в каждом городе (и городке) появились хлопкоочистительные и маслобойные (выжимающие масло из семян хлопчатника) заводы. Несмотря на однобокое развитие промышленности, темпы развития капиталистических отношений в Ферганской долине были более ускоренными, чем в других областях Русского Туркестана. Так, к 1914 г. в Ферганской области существовало 309 предприятий капиталистического типа, в то время как в Сырдарьинской области — 117, в Самаркандской — 112 (43, с. 100). Здесь одной из первых в Туркестане была построена и железная дорога (78, с. 85; 43, с. 98).

Развитие капиталистических отношений способствовало клас-

совому расслоению земледельцев, скотоводов и ремесленников края. Оставшиеся без земли и других средств производства пауперизированные массы частично находили работу в своем же селении, нанимаясь издольщиками или поденщиками к крупным и средним землевладельцам. Значительная же часть уходила в другие волости, уезды и даже области. Так, на Бешарыкском участке Кокандского уезда из 854 хозяев 208 не имели ни дворовых участков, ни земли. 35% безземельных нанимались чернорабочими к зажиточным землевладельцам, до 20% шли в издольщики по месту жительства, 5% занимались мелкими промыслами (плотницким, кузнечным, лепешечным и пр.), 40% — отходным промыслом (ЦГИА, ф. 300, оп. 1, д. 317, л. 9). В Канибадамской волости того же уезда большая часть безземельных уходила на заработки в Ташкентский и Андижанский уезды. Из 211 безземельных Араванской волости Маргиланского уезда большинство уходило на заработки в Коканд, Андижан, Ташкент (ЦГИА, ф. 300, оп. 1, д. 317, л. 16—27, 44—57), кураминцы предгорий Кураминского хребта — в Ангренский оазис (175). Традиционным стало отходничество ремесленников. Так, по свидетельству информаторов, в Бешарыкской волости работало немало кузнецов из Ашта, которые славились как мастера своего дела. Приходили они весной с началом сельскохозяйственных работ, а возвращались осенью, когда надобность в сельскохозяйственных орудиях отпадала. По данным Н. О. Турсунова, в текстильных заведениях Ходжента работало немало мастеров из Коканда, Маргилана, Андижана (222, с. 126). В целом по тому или иному уезду, например по Наманганскому, число уходивших на заработки в другие районы достигало 30 тысяч человек в год (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3341, л. 91).

В свою очередь, в Фергану шли отходники с сопредельных территорий. С возникновением и развитием капиталистической промышленности здесь резко возрастает спрос на наемных работников, которые стали основной рабочей силой на заводах и фабриках, рудниках и копях, на железнодорожных станциях и обширных хлопковых плантациях. Фергана привлекает бедноту не только возможностью найти работу, но и более высокой оплатой труда (тому и другому способствовал быстрый экономический рост края). В то время как цена на рабочие руки в Русском Туркестане в целом была 15—25 рублей в месяц при своих харчах, в Фергане платили от 25 до 35 рублей в месяц (102, с. 933). В результате на промышленных предприятиях долины бок о бок с ферганскими бедняками работали отходники из Каратегина, Матчи, Куляба, Гиссара, Кашгарии, Афганистана и др. Чайханы на базарах превратились в своеобразные биржи для найма рабочих (195, с. 130). На многих рынках появились и так называемые «мардикор бозори» (букв. «базар, где продаются чернорабочие»), где можно было нанять рабочего (175).

Углубление товарно-денежных отношений привело к вовлечению в товарное производство и женщин. Это выражалось не только в развитии женских видов промыслов и продаже продуктов их производства на рынке[12], в вовлечении женщин в мужское производство (увеличивающаяся зависимость от рынка вынуждала женщин и детей всех этнических групп помогать мужчинам, выполняя несложные операции в их ремесле), но и в участии их в наемном труде. В Ходженте, например, как отмечает Н. О. Турсунов, на относительно крупные шелкомотальные предприятия (где работали 3—4 шелкомотальные установки) хозяева привлекали к перемотке грежи на малые шпульки наемных работниц, которые трудились на женской половине у хозяина или у себя дома (222, с. 41). Такая картина наблюдалась и в других городах Ферганы. По данным В. В. Заорской и К. А. Александер, в начале XX в. среди фабрично-заводских рабочих Ферганской области было 2309 женщин. Из них 46 русских работали чернорабочими, остальные, сартянки,— в гренажных мастерских и коконосушильнях (78, с. 99). Работа последних часто имела надомный характер. Женский труд использовался преимущественно на хлопковых плантациях во время сбора урожая. Так, в Ходжентском уезде на сбор хлопка нанимали как мужчин, так и женщин (72, с. 147). В Наманганском он считался исключительно женским видом труда (210, с. 51). Как писала О. А. Сухарева, «роль поденщицы в XX в. значительно увеличилась в районах, где хлопок успел превратиться почти в монокультуру, вытеснив остальное» (210, с. 51).

Городская жизнь была развита в Ферганской долине и раньше (18, с. 165—166), но экономические преобразования, происшедшие в долине в последней трети XIX—начале XX в., усилили урбанизацию края. Расширились старые города за счет появления в них новых частей, ставших центрами административной жизни. Строились новые. Появился город Новый Маргилан, переименованный позже в Скобелев (ныне Фергана), и ряд городков при железнодорожных станциях (Посьетовка, Мельниково, Дорогомилово, Серово, Горчаково, Федченко, Ванновское и др.), при рудниках и копях (Сулюкта, Кызыл-кия, Кадамджай, Туямуюн и др.). Только

[12] Продукты своего производства женщины в Ферганской долине продавали на базаре сами, одетые в паранджи, часто с детьми, которые выступали посредниками между ними и покупателями. Иногда женщины образовывали и своеобразную кооперацию, как, например, было в Бешарыке. Несколько женщин, объединившись, продавали товар всех участниц по очереди. Очень редко занимались его продажей мужчины (175). В Фергане, как писали супруги Наливкины, женщинам ходить на базар считалось неприличным, но тем не менее, в базарный день их было там немало, причем не только покупающих, но и продающих пряжу, лепешки и т. д. (153, с. 119—120). Видимо, в связи с тем, что в Фергане раньше, чем в других областях Русского Туркестана, стали развиваться капиталистические отношения, нормы шариата в быту стали здесь в какой-то степени нарушаться. В Самарканде же, как отмечала О. А. Сухарева, в силу затворнического образа жизни, предписанного женщине исламом, продукты ее производства продавали только мужчины (208, с. 208).

с 1897 по 1907 г. городское население Ферганской области увеличилось на 30,9% (136, с. 57). При этом население городов пополнялось за счет не только прибывших из Росссии, но и местных жителей, которые составили 30,54% пришлого городского населения (13 658), что свидетельствует и о росте местных кадров рабочих.

В результате экономических изменений Ферганская долина после завоевания Россией стала одним из основных районов этнического смешения в Русском Туркестане. Превращение Ферганы в источник хлопкового сырья и развитие здесь капиталистических отношений расширяли интерлокальные связи края и увеличивали географию этнических контактов ферганцев. Усиленное оседание полукочевников, явившееся в значительной степени результатом моноспециализации экономики Ферганской долины, совершенно меняло хозяйственно-бытовой уклад и связанные с ним традиции оседающих, что ускоряло сближение недавних полукочевников с издавна оседлым населением Ферганы. Замена прежнего полунатурального хозяйства товарно-денежными отношениями усилила территориальное разделение труда и в самой Фергане, что существенно расширяло межэтнические контакты. Возрастающий спрос на орудия производства, одежду, обувь, ткани как кустарного, так и фабричного производства начал вносить изменения в область материальной культуры, особенно у господствующих слоев населения. Появление многочисленных харчевен, прежде всего в городах, разнообразило состав традиционных блюд Ферганской кухни. Высокая плотность и пестрый этнический состав, тесные производственные и бытовые взаимоотношения создавали благоприятные условия для развития двух- и трехъязычия, для культурного и физического смешения разных этнических групп.

Но в Фергане сохранялись еще разные типы хозяйства у полукочевых и издавна оседлых народов. И хотя между теми и другими существовали давние межхозяйственные связи и они составляли практически два взаимосвязанных компонента единого комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, сложившегося в Фергане (как и в других районах Средней Азии), именно факт принадлежности к скотоводам и земледельцам был существенным моментом, препятствовавшим консолидационным и интеграционным процессам. Как писал В. В. Бартольд, «признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника (и полукочевника, и оседлого жителя.— *С. Г.*) важнее, чем признак национальности и языка» (20, с. 461).

Консолидационным процессам мешало и сохранение пережитков патриархально-феодальных отношений, которые консервировались феодально-байской верхушкой и царской администрацией. Замкнутый образ жизни в сельских или квартальных общинах у издавна оседлого населения и в родо-племенных общинах у полукочевников, в сословных группах (ходжа), браки, совершавшиеся предпочтительно внутри групп, производственная жизнь, часто ограниченная преимущественно кругом данного коллектива — все это затрудняло процессы консолидации. Несмотря на усиленное развитие капиталистических отношений в Фергане, что в целом, как уже говорилось, благотворно повлияло на течение этнических процессов объединительного характера, экономическая общность здесь (как и во всем Туркестане) в конце XIX—начале XX в. еще не сложилась, что не могло не препятствовать консолидации и интеграции народов края.

Глава II. КОНСОЛИДАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ УЗБЕКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

К вопросу о формировании узбексого населения Ферганы

К концу XIX—началу XX в. в Фергане, как и на остальной территории современного Узбекистана, в составе узбекоязычной части населения четко выделялись три крупных субэтноса, которые имели различия в антропологическом типе, говорах, материальной и духовной культуре. Один из них — издавна оседлое население городов и селений, не имевшее родо-племенного деления и известное до революции под названием «сарт». Как известно, он сформировался в результате длительного смешения древних ираноязычных народов Среднеазиатского Междуречья (в том числе и Ферганы) и тюркоязычных племен, которые начали проникать в Среднюю Азию в конце I тысячелетия до н. э. и продолжали прибывать в последующие века. Второй был известен до революции под названием «тюрк». Это исторические потомки тюркских и тюрко-монгольских племен, которые поселились в Средней Азии задолго до нашествия узбеков Шейбани-хана и вплоть до начала XX в. сохраняли полукочевой образ жизни и родо-племенные традиции. Третьей группой в составе узбекского народа были потомки даштикипчакских узбеков, прибывших в Мавераннахр в конце XV—начале XVI в. Их, как и тюрков, характеризовали полукочевой быт, наличие родо-племенных традиций (43, с. 31—57; 240, с. 17—20; 92, с. 162—164). И хотя представители этих групп четко сознавали свое отличие друг от друга, в их быту, традициях и языке было так много общего, что, как пишет Б. Х. Кармышева, «не остается сомнения в принадлежности их всех... еще в дореволюционный период к единой узбекской народности» (92, с. 67).

Сарты. В Фергане, как и на других территориях Средней Азии (Ташкентский и Хорезмский оазисы), термином «сарт» кочевое и полукочевое население называло жителей городов и селений, не только узбеко-, но и таджикоязычных. Так же называли и окончательно осевших полукочевников, которые стали заниматься исключительно «сартовским» делом, а именно земледелием, ремеслами, торговлей. В данном разделе будет рассмотрена узбекоязычная часть сартов.

Сарты постоянно, вплоть до начала XX в. пополнялись за счет оседающих кочевников. В различных районах Мавераннахра этот

процесс протекал с разной степенью интенсивности. В Ферганской долине, в силу разных обстоятельств, он шел гораздо быстрее, чем на остальной территории Среднеазиатского Междуречья. В результате к концу XV—началу XVI в., ко времени появления в Фергане даштикипчакских узбеков, здесь уже было густое тюркоязычное оседлое население, хотя и не утратившее родо-племенного деления.

Анализ «Бабур-наме» и других письменных источников, а также топонимии Ферганской долины привел в свое время автора этих строк к выводу о том, что до появления даштикипчакских узбеков здесь жили следующие тюркские и тюрко-монгольские племена: ягма, карлук, чигиль, ашпар, турукшар, чограк, каучин, джалаир, барлас, найман, ктай, минг, кырк, чурас, канглы, бахрин, нарын, тагай, дуглат, утарчи, аргын, бөлыкчи (60, с. 49—60) и, по-видимому, другие. В частности, отметим тюрков анди, чей след, по предположению В. П. Наливкина, сохранился в названии города Андижан (151, с. 6)[13], бачкиров, алчинов[14]. Большинство этих племен, судя по «Запискам Бабура», были уже в это время оседлыми. Названий кочевых племен Бабур приводит не так уж много. В частности, он упоминает тюркские племена ашпар, турукшар и чограк, кочевавшие в горных районах к югу и востоку от Андижана (16, с. 77). В северных горах тоже обитали какие-то племена, названия которых Бабур, к сожалению, не приводит. Все эти горцы должны были поставлять Бабуру скот и время от времени, в период междоусобий, привлекались им в качестве союзников (16, с. 44, 77).

О племенах, кочевавших в равнинной части долины, Бабур ничего не пишет. Можно предположить, что если они и были из прикочевавших с других территорий (ведь для ферганских скотоводов издавна характерно вертикальное кочевание), то число их было невелико или они находились на стадии оседания. Вряд ли Бабур, столь тонко описавший Фергану, ее города и селения, занятия, быт и нравы жителей, не упомянул хотя бы бегло кочевавшие в долине племена, если бы число их было значительным.

Бабур пишет: «Жители Андижана — все тюрки (Бабур четко отличает древнее население края — сартов от тюрков. — *С. Г.*); в городе и на базаре (а на базар приезжает обычно немалое число крестьян не только из окрестных селений, но и из довольно отдаленных.— *С. Г.*) нет человека, который бы не знал по-тюрк-

[13] Любопытно, что среди чувашских языческих имен В. Магницким были приведены Аднаган, Андуган, Антуган (128, с. 60). А поскольку в основе тюркских этнонимов часто лежали собственные имена (и наоборот) и древними формами названия Андижан были Андиган и Андукан, приведенные антропонимы могут служить дополнительным свидетельством к указанному предположению. В пользу него говорит и наличие одноименных топонимов, приведенных Б. Х. Кармышевой (92, с. 171), и сообщение «Тарихи-Шахрухи» о племенах анди, кочевавших в Ташкентском районе, Кураме, Южном Казахстане (26, с. 78—79).

[14] Об этом свидетельствуют данные топонимии.

ски. Говор народа сходен с литературным»[15] (16, с. 12). Необходим, думается, немалый срок, чтобы говор недавнего полукочевника, живущего даже не в городе, а в селении, стал близок литературному языку. Все это свидетельствует о том, что большинство тюркских племен, живших в Фергане в период появления здесь даштикипчакских узбеков, было уже оседлым.

Среди прибывших в начале XVI в. узбеков могли быть следующие племена, помимо указанных[16]: кунграт, кыят, катаган, кенегес, мангыт, сарай, юз, кипчак, уч-уру и др. (60, с. 60—74). Они тоже довольно быстро осели. Как писал автор XVII в. Махмуд ибн Вали, в большей части деревень близ Андижана обосновывались узбеки (даштикипчакские.— *С. Г.*), что является свидетельством оседлого их состояния в этот период (140, с. 17).

Основными причинами оседания узбеков, как в свое время и оседания тюрков, были, естественно, глубокие социально-экономические изменения, связанные с усиливающимся процессом расслоения внутри кочевого общества. Быстрое оседание их в Фергане, думается, связано с отсутствием здесь больших необитаемых пространств, которые, по К. Марксу, являлись главным условием для развития кочевой формы хозяйства (1, с. 724). Горные и предгорные районы, которые можно было приспособить для вертикального кочевания, были, во-первых, уже заняты тюркскими кочевыми племенами (о которых, в частности, писал Бабур), во-вторых, для перехода на эту форму кочевания, совершенно новую для степняка-узбека, необходимы были и особые породы скота, приспособленные для пастьбы в горах, и навыки, для приобретения которых нужно время.

Замкнутость и небольшие размеры Ферганы, а также относительно высокая для того времени плотность населения обусловливали близкое соседство вновь прибывших скотоводов с земледельцами долины, что также содействовало более быстрому оседанию узбеков Даштикипчака именно в этом районе Мавераннахра. И, наконец, близкие говоры отдельных групп тюрков Мавераннахра и даштикипчакских узбеков, одинаковые родо-племенные названия некоторых групп тех и других облегчали оседание узбеков и слияние их с оседлым тюркским населением Ферганы, что увеличивало число тюркоязычных сартов долины.

По мнению В. П. Наливкина, наиболее успешно шло оседание узбеков-кочевников в средней и особенно восточной части долины, в местности между Маргиланом, Андижаном, Араваном, Ошем и Узгеном (151, с. 20—21). Одна из главных причин колонизации узбеками именно востока долины, думается, состоит в том, что западная часть ее была к этому времени уже освоена и имела довольно густое население (22, с. 114). Кроме того, на заселение узбеками восточной Ферганы оказало влияние достаточное количество воды и плодородной земли в этом районе, отсутствие болот, каковых было много, например, в центральной Фергане (151, с. 21). В районе Намангана оседание кочевых узбеков особенно успешно шло, по В. П. Наливкину, между Наманганом, Чартаком, Наукентом и Пишкораном (151, с. 25). Центральную часть Ферганы, в частности территорию нынешнего Кокандского оазиса, даштикипчакские узбеки начали осваивать, видимо, гораздо позже, примерно в конце XVII—начале XVIII в. (151, с. 20). Причем, похоже, что они были едва ли не первыми поселенцами этих, тогда еще пустынных, солончаковых и песчаных, местами болотистых земель (к этому времени более удобные для обитания территории были уже заняты). О густом узбекском (даштикипчакском) населении в этом районе говорят данные топонимии: карта Кокандского оазиса пестрит названиями кишлаков, в которых отразились родо-племенные деления узбеков (кырк, минг, кунград, кенегес, катаган, мангыт, сарай, тама и др.). Об этом же свидетельствуют и материалы ревизии Туркестанского края, проведенной в 1907 г. Больше всего узбеков на территории Ферганской области отмечено в Кокандском уезде — 31,87%, в то время как в Маргиланском — всего 3,02%, в Наманганском — 0,02%, в Андижанском и Ошском —по 0,01% (136, с. 66). А ведь заселение кочевыми узбеками Ферганы началось, как уже говорилось, именно с последних территорий. Следовательно, к началу XX в. в этих районах они почти полностью слились с сартами. Те немногочисленные представители кочевых узбеков, которые отмечены здесь ревизией, являются, скорее всего, не былыми поселенцами, а более поздними мигрантами (юзы, кипчаки и др.).

Пополнение ферганских сартов за счет новых пришлых элементов не закончилось с приходом даштикипчакских узбеков. Вплоть до начала XX в. в Фергану продолжают прибывать мигранты. Постоянные междоусобицы в Бухарском ханстве в течение XVIII—XIX вв. вынудили жителей Бухары, Самарканда и других городов и окрестных селений бежать в более спокойную Фергану. Среди беженцев были не только узбеки, но и таджики, и представители других народов (81, с. 93, 180; 240, с. 22). Около 250 лет назад прибыли в Фергану узбеки-кунграты из Хорезма, Бухарского ханства, районов современного Казахстана. Ареал распространения их в Фергане был довольно широк: от крайнего запада (селение Гулякандоз современной Ходжентской области) до востока долины (окрестности Андижана). Примерно в это же время появилась в Фергане и часть сараев. Потомки подразделений сараев акбуралы-сарай, каркаралы-сарай, анджигалы-сарай зарегистрированы мною в нынешнем Тюракурганском районе Наманганской области. Выявлены они и в районах Шахрихана, Андижана и Чартака. Около 200 лет назад переселились на территорию Аштского района и небольшие группы карлуков и карактаев из Ташкентского оазиса (223, с. 228). В середине XIX в. из ташкентского селения Катаган мигрировала часть катаганов в Тюракурганский

[15] Разрядка моя.— *С. Г.*

[16] Названия некоторых племен даштикипчакских узбеков совпадали с тюркскими.

район, создав одноименный кишлак. Потомки катаганов зарегистрированы мною в Маргилане (здесь был одноименный квартал), Куве и Коканде. Катаганы довольно широко были распространены в Ферганской долине даже в первой четверти XX в. (43, с. 56; 73, с. 16; 223, с. 120).

Постоянная борьба Бухарского и Кокандского ханств в конце XVIII—начале XIX в. за территории Ура-Тюбе и Джизака привела к переселению не только значительных групп тюрков и юзов, уходивших со своими стадами в более спокойные места, но и оседлых жителей этих районов. Нашествие джунгар (калмыков) в 1723 г. на казахские и киргизские кочевья вынудило бежать в Фергану казахов, киргизов, каракалпаков, ряд узбекских племен, например, кипчаков, кураминцев и др. (217, с. 17; 236, с. 103; 228; 175). Вторжение калмыков на короткий срок в Фергану после разгрома китайцами Джунгарского царства в середине XVIII в. (151, с. 60—61) также не прошло бесследно для этнической истории края, о чем свидетельствуют и данные топонимии, и сообщения информаторов. В сложении сартовского населения Ферганы частично приняли участие среднеазиатские арабы и уйгуры, мигрировавшие сюда в течение XVIII—XIX вв., и многие другие этнические группы.

Таким образом, оседлое тюркоязычное население Ферганы, именумое «сарт», представляло в рассматриваемый период сложный синтез разнородных этнических элементов, объединенных общим типом хозяйства, одинаковым бытом, близкими говорами и единым самосознанием.

Ходжа. Среди исконно оседлого населения Ферганской долины (узбеко- и таджикоязычного), как и остальной территории Средней Азии и вообще мусульманского мира, четко выделялись привилегированные группы сейидов и ходжей, представители которых считали себя потомками пророка Мухаммада, его сподвижников (19, с. 276; 205, с. 66; 92, с. 148), арабов вообще и даже местных «святых». Все они считали себя «белой костью» *(ок суяк)* и противопоставляли остальной массе населения, «черни». В связи с тем, что население часто объединяло сейидов и ходжа общим наименованием «ходжа» (92, с. 148), в данной работе тоже не будет особого разграничения их.

Среди ферганского населения ходжи составляли значительный слой и часто играли видную политическую роль в Кокандском ханстве, чему в немалой степени содействовали их родственные связи с кокандскими ханами[17]. В конце XIX—начале XX в. ходжи жили практически во всех земледельческих волостях Ферганской долины. Но особенно большое число их было в городах (Маргилан, Андижан, Ош, Коканд, Наманган, Ходжент, Канибадам, Касан, Чуст, Пап и др.), городках и крупных селениях (Чадак, Ходжаабад, Тюракурган, Кува, Чимион, Файзаабад, Бешарык и др.). По административным данным за 1902 г., только в Маргиланском уезде была зарегистрирована 1091 семья «святого» сословия, в том числе 343 семьи сейидов, 668 — ходжей, 8 — тюра. Причем половина сейидов (153 семьи) и третья часть ходжей (210 семей) сосредоточились в Маргилане. Среди сельских волостей наиболее «святыми» были Чимионская (69 семей сейидов и 88 — ходжей), Файзаабадская (44 семьи сейидов, 96 — ходжей, 2 — шейха), Шахриханская (9 семей сейидов, 54 — ходжей), Каратепе-Чаукентская (20 семей сейидов, 4 — ходжей), Алтыарыкская (7 семей сейидов, 21 — ходжей)[18].

Жили они компактными, изолированными от остального населения группами, занимая отдельное селение или квартал в городе либо селении, которые назывались обычно Ходжакишлак или Ходжамахалля. Даже на кладбищах, по данным Р. Я. Рассудовой, захоронения ходжей располагались в отдалении от других (182, с. 3). Но особенно «исключительность» ходжей подчеркивалась эндогамными браками. Запрет вступать в брачные отношения с «чернью» прежде всего касался женщин, но распространялся и на мужчин. Нарушивших этот запрет якобы преследовали различные несчастья (например, неизлечимые, чаще психические болезни, увечья и т. д.) и даже не в одном поколении. Истинные причины, не всегда осознаваемые местным населением, заключались, скорее всего, в нежелании ходжей нисходить до черни (потомство мужчин-ходжей и «простых» матерей — второе поколение — теряло принадлежность к этому сословию (205, с. 67)) и принимать в свой клан простолюдинов (потомство женщин-ходжей и «простых» мужчин приобретало все права этого сословия (19, с. 276)). Детей ходжи и простолюдина в Фергане называли «чалаходжа», т. е. «наполовину ходжа», подчеркивая тем самым их неполноценность, «второсортность».

Благодаря многовековой замкнутости, сословная группа сейидов и ходжей приобрела со временем этническое своеобразие. Не случайно некоторые информаторы считают ходжей особой этнической общностью, а среди этнонимов многих народов встречается и ходжа (58, с. 117—119; 75, с. 161, 164—165; 92, с. 148—153). Привилегированное положение этой группы увеличивало число мнимых сейидов и ходжей, поэтому в доказательство своего благородного происхождения потомки их даже в наши дни предъявляют родословную «шаджара» (чаще всего недавнего происхождения), подчеркивают «истинность» свою добавлением к самоназванию прилагательного *«асил»* (букв. настоящий, верный). Свидетельством того, что значительная часть ходжей стали принадлежать к этому сословию в обозримом прошлом, служат различные легенды о родоначальниках их, обязательно «святых» и творивших чудеса, но живших тем не менее относительно недавно.

[17] О родственных связях верхушки ходжей с кокандскими ханами и их политических притязаниях см. работу Т. К. Бейсембиева (25).

[18] ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 1030, л. 2—3.

О том, что часть ходжей имела далеко не «благородное» происхождение, свидетельствуют и такие названия подразделений ходжей, как *шаптоли-ходжа,* т. е. «персик-ходжа», *калампир-ходжа,* т. е. «перец-ходжа», *джинни-ходжа,* т. е. «ненормальный ходжа», *найза-ходжа,* т. е. пика-ходжа, и т. д. (175).

Несмотря на в целом исключительное положение ходжей, большая часть их была простыми тружениками: земледельцами (часто искусными), ремесленниками. Они освоили очень многие пустынные и безводные земли Ферганской долины. Так, селение Ходжакишлак в Кувинском районе возникло около 150—200 лет назад, когда 25 семей ходжей переселились сюда из Маргилана, пробили тоннель сквозь адыр, провели воду из Исфайрамсая и превратили сухой участок каменистой степи в цветущий оазис. В селении Авваль жили ходжи — мастера по изготовлению арб. К ним как к хорошим специалистам обращались жители не только данного и соседних кишлаков, но и относительно отдаленных, например таких, как Каптархана, Наукат, Вуадиль. Ходжи, жившие в Учкургане Ошской области, были отличными кузнецами, в Маргилане — медниками, в Бешарыке — строителями, в Насреддинбеке (ныне Боз) — ткачами, обувщиками, в Чимионе ходжи занимались извозом и т. д. (175).

Тюрки (в широком смысле этого слова) жили в Ферганской долине задолго до появления здесь узбеков Шейбани-хана. Часть из них давно слилась с древним ираноязычным населением, приняв участие в формировании тюркоязычных сартов долины, часть сохранила свой образ жизни к началу XX в. По всей вероятности, Ферганская долина была одним из кочевий тюрков с давних пор, составляя единую территорию их расселения с Ура-Тюбе, Заамином, Сурхандарьей и Ташкентом (92, с. 175). Передвигаясь со своими стадами, тюрки прикочевывали в Фергану с этих территорий, возвращались назад, затем опять в Ферганскую долину и т. д. Об этом свидетельствуют и предания, и тот факт, что многие тюрки долины считают себя выходцами из указанных районов, в то время как тюрки Джизака, по материалам Г. Ф. Благовой и Х. Д. Даниярова, называют своей родиной Андижан (29а, с. 92), тюрки-багрины Самаркандского оазиса — окрестности Маргилана (143, с. 411), а тюрки-лолаки Ура-Тюбе — окрестности Ходжента (50, с. 8).

В литературе существовало мнение, что в Ферганской долине тюрки поселились в основном в ее юго-восточной части, в частности в нынешних Мархаматском районе Андижанской области и Араванском районе Ошской области, а также в нескольких кишлаках Кокандского, Кувинского и Маргиланского оазисов (83; 47, с. 389). Собранный мною материал позволил дополнить эти данные. В период перекочевок тюрки выбирали места, удобные прежде всего для выпаса овец. В Фергане это в основном адыры (невысокие холмы, покрытые эфемеровой растительностью) и приадырные равнины, свободные от посевов. Оседающие тюрки,

естественно, селились преимущественно в местах своих кочевий. Поэтому тюркские поселения в Ферганской долине расположились вблизи адыров, окружающих долину с юга, начиная с западных ее окраин и кончая восточными. Правда, самые крупные массивы этих поселений зарегистрированы на юго-востоке долины. Так, по административным данным за 1890 г., в Араванской волости Маргиланского уезда было зафиксировано 629 хозяйств тюрков, в соседней Кулинской — 946, Сегазинской — 769, Шахриханской — 539, Каратепе-Чаукентской — 401 (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 532, л. 231—237).

Составить генеалогию тюрков Ферганы, впрочем, как и других территорий[19] в настоящее время довольно трудно. Процесс исчезновения родо-племенных делений (а, значит, и названий), начавшийся в прошлом веке, а, может быть, и раньше, и являющийся, несомненно, результатом консолидации узбеков, особенно усилился в наши дни. Информаторы обычно помнят только наименования семейно-родственных групп, к которым принадлежали их предки, в редких случаях — принадлежность к племени, чаще всего к барласам, иногда к кальтатаям (судя по топонимии и этнографическим данным, в Фергане осели именно барласы и кальтатаи)[20]. Кстати, по свидетельству информаторов, те и другие были братьями. Старшим из них был Барлас. На различных празднествах его потомки сидели на самом почетном месте и праздник начинался только после их благословения. Этот род был самым знаменитым в Среднеазиатском Междуречье: сам Тимур был из барласов.

Юзы, одно из крупных узбекских племен, представляли в дореволюционной Фергане довольно значительную группу, но точных сведений об их численности, к сожалению, нет. Первые юзы прибыли в Фергану, вероятно, с войсками Шейбани-хана, но, думается, эта группа осела давно, как и многие другие племена дашткипчакских узбеков, и слилась с оседлым тюркоязычным населением долины. В данном случае рассматриваются юзы, прибывшие сюда в более обозримое время, в конце XVIII—XIX в.[21] Родиной предков большинства ферганских юзов были сопредельные с Ферганой территории Заамина и Ура-Тюбе, меньшая часть прибыла из Хисара. А эти территории, как известно, были основными местами расселения юзов в рассматриваемый период (57, с. 91—93; 146, с. 17; 92, с. 222).

Значительная часть юзов осела в Ходжентском уезде Ферганской долины (районы Нау, Пролетарский и др. в нынешней Ходжентской области), т. е. в той части края, которая во второй

[19] Об этом см. работу Б. Х. Кармышевой (92, с. 165).

[20] Названия семейно-родственных групп ферганских тюрков публиковались мною раньше (60, с. 70—71).

[21] О времени появления юзов в Фергане по литературным данным и полевым этнографическим материалам, а также о расселении их здесь см. работу: 60, с. 65—67.

половине XVIII в. входила в состав Ура-Тюбинского владения (146, с. 17—18), а также на территории Кокандского уезда, граничившего с Ходжентским (окрестности Коканда, Бешарыка и др.). Сад-юзы из хисарских кишлаков Галакапа, Чугунтепа, Четарык осели в селениях Янтак, Каттахайри, Унджи Ходжентского уезда, крупные сообщества юзов — в окрестностях Кувы, Насреддин-бека, Шахрихана, Ассаки и других селений близ Андижана. Отдельные поселения юзов разбросаны почти по всей равнинной части Ферганы и даже в предгорьях Кураминского хребта (175).

Юзы, по словам информатора узбека Нишанбая Абдуллаева (1903 г. р.) из селения Марка-юз близ Андижана, входили в состав Младшего Жуза и подразделялись на марка, карапчи, кырк[22]. Все они были братьями, причем старшим из них был марка, а младшим кырк. На празднествах на почетном месте сидел представитель марка, справа от него — карапчи, а слева — кырк. Вареную голову барана как самую почетную часть туши ставили перед марка, который, попробовав, передавал ее карапчи, затем кырку, а уж потом всем остальным. Марка имел трех сыновей: Хтай-юз (произносят: Хтаб-юз), Реджаб, Солин. У Хтай-юза в свою очередь было 12 сыновей от трех жен. От первой жены — Ханходжа, Сад-юз (не сарт-юз)[23], Небусо (Немусо), Каракурсак; от второй — Куруккозон, Бешкуви, Тыгырык, Бахмачаи; от третьей — Увол, Мугол, Ходжа-бачча, Чиркыроук[24]. Реджаб тоже имел 12 сыновей, но от двух жен. От первой — Бешюз, Бешбола, Чаллар, Чолджувит, Чиялы, Джувансирак, Туяклы; от второй — Оламан, Алями, Джумалакбаш и еще двое, имен которых информатор не помнил. Солин тоже имел большое количество сыновей. Информатор помнил имена лишь семерых: Давлей-солин, Кырсадак, Кавряк-соли, Джовчи-соли, Шадман-тови (топи), Тагайтови, Ляпкяряш. Карапчи подразделялись на 13 ветвей: Карабуйин, Парча-юз, Баявут, Куштамгалы, Сагиссары, Очамайлы, Кунгирвой, Найман, Тарнов-карапчи, Каконi-карапчи, Оювлы[25]. Двух имен информатор не помнил. К сожалению, он не мог привести и подразделений кырков. В Ферганской долине, судя по этнографическим и топонимическим данным, жили юзы всех трех ветвей.

В селении Янтак мною записана еще одна версия о происхождении юзов. Исанбай Санджаров, потомок сад-юзов 72 лет, рассказал, что все юзы делились на три части: Улугджуз, ведущий свой род от Байориса, Уртаджуз — от Джонариса, Кичиджуз — от Бийариса. Марка-юзы представляли собой шестое колено Улугджуза: Байорис→Байджура→Мастанхан→Бахтиёр→Актойлак →Кулика →Марка. Кстати, Кулика, брат Марка, был родоначальником правящей династии юзов в Хисаре (146, с. 18; 32, с. 223).

В селении Боз близ Шахрихана записана еще одна легенда о юзах. Все юзы являются потомками семи братьев (етти огаини): Марка (старший), Балгалы, Уроклы, Сулоклы, Каравош, Карабуйин, Карапчи. По именам этих братьев они и назывались. В Фергане будто бы жили представители всех этих групп, кроме сулоклы.

Каждая из указанных групп имела свои подразделения. Но составление их полной генеалогической таблицы в наши дни дело тоже довольно трудное. Ограничусь приведением еще небольшого ряда родо-племенных наименований юзов, собранных в Ферганской долине: балои-азим, барчавек-юз, ганч-юз, диванбеги, калляр, кипчак, найман, мулла-топи, напкарач-юз, сыргалы, хаштияк, чаукен (чункан с подразделениями каратепе-чаукен, бахрин-чаукен, курама-чаукен), эрганаклы-юз, чоркесар.

Курама — одна из крупных этнографических групп узбекского народа, расселена в основном в Ангренском оазисе Ташкентской области. В Ферганской долине Всероссийской переписью 1917 г. их было зарегистрировано 1324 человека (132, с. 42, 44). Думается, их было гораздо больше, так как только в Маргиланском уезде в 1895 г., по официальным данным, их было 1112 человек (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 699, л. 164).

Происхождение кураминцев довольно сложное. Большинство исследователей считают, что в их формировании приняли активное участие и группы казахов, которые переселились в долину Ангрен (185; 226, с. 232—239). Информаторы также считают, что кураминцы образовались из смеси представителей разных племен, при этом значительную роль в их этногенезе сыграли казахи. В крупном селении Гулякандоз и его окрестностях, где жили как юзы, так и кураминцы, местное население называло последних курама-узбяк или казакча-узбяк (т. е. «казахские узбеки»), а юзов — тоза-узбяк (т. е. «чистые узбеки»). Свою генеалогию ферганские кураминцы возводят к двум казахским джузам: Улугджуз («большой джуз») и Уртаджуз («средний джуз»). Но, видимо, в их формировании приняли участие и племена Малого Джуза (Кичиджуз), так как этнонимы теляу, тама, алчин, имеющиеся у ферганских кураминцев, были известны и Малому джузу казахов (200, с. 37).

В Ферганскую долину кураминцы переселялись, как свидетельствует местное население, несколькими волнами. Одни называют временем переселения своих предков конец XVIII—начало XIX в., другие — и более давние сроки: XVII в. Причины переселения были те же, что и у других полукочевников. Прибывали в Фергану преимущественно из ангренских кишлаков Теляу, Ханабад,

[22] По Х. Даниярову, юзы подразделялись на марка, карабчи, реджаб (67, с. 83).

[23] По мнению Н. Абдуллаева и других информаторов, у юзов не было подразделения сарт-юз. Так якобы ошибочно называли сад-юзов.

[24] Ср. подразделения хтай-юзов, приведенные А. И. Макшеевым (129, с. 39). Почти полное их совпадение с моим материалом убеждает в правильности генеалогии, данной информатором.

[25] В Заамине, по словам информаторов, все эти этнонимы бытуют по сей день. Немало там и одноименных селений.

Джалаир, Абджаз, Каратай и других через перевалы Кураминского хребта Сарымсаклык (самый пологий и удобный), Каракия, Кендырдаван и др. Часть кураминцев стала кочевать тут же у подножия Кураминского хребта и вплоть до революции сохраняла полукочевую жизнь. Другая часть отправилась в глубь Ферганской долины, выбирая места, более или менее удобные для пастьбы скота. Но высокая плотность населения в центре и недостаток пастбищ привели к относительно быстрому, по сравнению с первой группой, оседанию и слиянию с оседлым населением.

По свидетельству информаторов, в Фергану переселились следующие группы кураминцев: джалаир с подразделениями кереит, джапалак, турайгыр, тупар, карачапан, чувалдак, джастабан; тама с подразделениями чубаланчи, алчин; уйшун с подразделениями чувилдак, абиз, бешкаль, курпа; теляу с подразделениями карагуйли, карасийрак; унгут; абджаз; уроклы; балгалы; гышлык и, возможно, другие. Почти все эти этнонимы отразились в названиях поселений кураминцев. Из всех переселенцев в Ферганской долине особо почитаемыми и уважаемыми считались джалаиры как представители Старшего джуза.

В настоящее время потомки бывших переселенцев расселены, как свидетельствует полевой материал, в значительной степени вдоль подножья Кураминских гор. Эта территория входит в состав Чкаловского, Ходжентского, Матчинского, Кайраккумского и Аштского районов Ходжентской области. Группы кураминцев зарегистрированы мной и в районах Нау и Пролетарский той же области, Н. Турсуновым в г. Ленинабаде и его окрестностях (233, с. 120). Немало их осело в Тюракурганском, Учкурганском, Уйчинском, Янгикурганском и Касансайском районах Наманганской области, в окрестностях Бешарыка, Коканда, в Кувинском и Риштанском районах Ферганской области; в Ленинском, Московском, Алтынкульском, Пахтаабадском районах Андижанской области.

Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области материальной культуры

По материалам ревизии Туркестанского края, в 1907 г. в Ферганской области 59,5% сартов занимались земледелием, 39,97% — торговлей, ремеслами, извозом и тому подобными занятиями, 0,53% — скотоводством (видимо, скотопромышленники). Таким образом, почти все издавна оседлые узбеки без родо-племенного деления, а именно 99,47%, были заняты своим традиционным делом. В то же время 99,6% узбеков, бывших в недавнем прошлом скотоводами, занимались нехарактерными для них видами деятельности: земледелием — 44,72%, торговлей, ремеслами, извозом — 54,88%. И только 0,4%, т. е. даже меньше, чем сартов, занимались своим исконным делом — скотоводством (136, с. 85). Эти цифры свидетельствуют не только о стремительном, хотя в значительной степени вынужденном оседании полукочевников в

Фергане конца XIX—начала XX в., но и о не менее стремительном сближении их с издавна оседлым населением в области хозяйственной деятельности, а значит и в области материальной культуры.

Земледельческое хозяйство недавних полукочевников еще значительно отличалось от земледельческого хозяйства сартов не только меньшими знаниями в ведении его, но и приверженностью к определенным видам культур, в первую очередь зерновым (пшенице, ячменю, просу, кукурузе), привычным им издавна. Поселившись среди оседлого населения, они стали выращивать уже и огородные (преимущественно лук и морковь и только для собственных нужд), что было совершенно не свойственно хозяйству полукочевника. Тюрки восточной части Ферганы (Джалалабадский и Узгенский районы Ошской области), древнего рисоводческого района, под влиянием сартов стали выращивать даже рис, очень капризную и трудоемкую культуру. Рисосеянием занялись и кипчаки, поселившиеся в низовьях реки Нарын. Выращиванием масличных и бобовых, разведением садов и виноградников недавние полукочевники стали заниматься под влиянием сартов, хотя эти занятия носили пока случайный характер.

В хозяйственной деятельности имело место и обратное влияние. Так, сарты раньше почти не выращивали проса, особенно итальянского. Последнее, например, выращивалось в минимальном количестве по окраинам бахчевых полей для перепелок, которых держали как певчую или бойцовую птицу, а также для кур, которых в хозяйстве было не больше пяти—шести. У полукочевников же посевы проса, в частности итальянского, занимали значительное место. Его ценили за урожайность и скороспелость, важные качества для полукочевника. Кроме того, итальянское просо устраивало их больше потому, что готовить из него было проще, чем из обычного; блюда из него считались более вкусными. В рассматриваемый период сарты в ряде районов (например, Тюракурганском, Задарьинском, Учкурганском современной Наманганской области, Бозском и Алтынкульском Андижанской области и т. д.) под влиянием соседей-полукочевников стали не только употреблять в пищу просо, но и выращивать в своем хозяйстве. Правда, итальянское просо по-прежнему выращивали только для перепелок и кур.

В дореволюционный период в значительной степени сохранялись различия в способах хранения продуктов земледелия и скотоводства у издавна оседлых жителей и недавних полукочевников, хотя и в этой области не обходилось без взаимовлияния. Как известно, эти способы также зависели как от этнических традиций, так и от природных и исторических условий, а в рассматриваемый период в значительной степени и от традиций окружающего населения. Если у древних земледельцев более разнообразны были способы хранения продуктов земледелия, то скотоводы, естественно, знали больше способов хранения мясных и молочных продуктов.

Способы хранения молочных продуктов были у всех полукочевников примерно одинаковыми. Из молока для хранения впрок готовили в основном два вида продуктов: масло, которое взбивали из квашеного молока; курут — особый вид подсоленного и высушенного в виде шариков творога, получаемого из сколотины путем ее кипячения. Масло в нетопленном и слегка подсоленном виде хранили в своеобразном сосуде из желудка овцы или козы (последний предпочитали использовать кураминцы). Желудки заготавливали заранее, когда резали скот. Их тщательно промывали, очищали от жесткой внутренней пленки, а затем подвешивали в надутом виде (как шар) для просушки и хранения. В период заготовки масла желудки замачивали, еще раз промывали, набивали соленым маслом и туго завязывали. Затем на шкуру (старую или новую, безразлично), обмазанную со стороны мездры круто соленой творожной массой, укладывали желудок с маслом и туго заворачивали. В таком виде масло могло храниться в течение года, вплоть до новых заготовок. Желудок только что зарезанного животного не использовался для хранения масла, так как он быстро портился. Предварительно заготовленного желудка хватало на одну консервацию масла, поскольку потом он становился ломким. Перетапливали масло обычно только в том случае, если оно начинало портиться. Топленое масло хранили в керамических сосудах — хумах и использовали лишь для приготовления пищи, но вообще его не очень любили.

У полукочевников имелось несколько способов консервации мяса. Например, обжаривали мясо на сливочном масле и складывали в хум, который закапывали в землю, накрыв сначала досками, а затем засыпав землей. В таком виде мясо могло храниться до трех и более лет. Другой способ: вяление предварительно подсоленного мяса. Третий — обжаренное на сливочном масле мясо складывали, как и сливочное масло, в желудок овцы или козы, заворачивали также в шкуру, смазанную соленым творогом, и хранили до четырех—пяти месяцев. Кроме того, в желудке хранили и сырое, но подсоленное мясо. Правда, срок хранения в этом случае небольшой — всего один месяц. Любопытно, что в желудок того или иного вида могло поместиться все мясо зарезанного животного. Существовала даже поговорка: «Жонли нарсанинг ичида бола мечкайди, жонсиз нарсанинг ичида корин мечкайди», т. е. «Среди одушевленных предметов никогда не наедается ребенок, среди неодушевленных желудок».

К концу XIX в., когда скотоводческое хозяйство в Фергане свелось к минимуму и оседающие скотоводы стали переходить почти целиком на растительную пищу, способы длительного хранения мясных и молочных продуктов оказались большинству ненужными. Гораздо важнее стало сохранение продуктов земледелия, в первую очередь зерновых — основы питания среднеазиатского земледельца.

Издавна оседлые земледельцы, например, сарты, в зависимости

от материального состояния и локальных традиций, хранили зерно в мешках, бордонах[26], хумах, деревянных ларях[27], в сосудах из крупных тыквин. Деревянные лари больше использовались в городах и пригородных селениях, чаще состоятельными земледельцами. В сельских местностях с высоким уровнем грунтовых вод и изобилием камышовых зарослей, в частности на присырдарьинских территориях, предпочитали хранить зерно в бордонах. Камыш, растущий в болотистых местах, в отличие от дерева, устойчив к сырости, поэтому зерно в бордонах сохраняется в сырых местах превосходно. Кроме того, крысы и мыши, которых немало водится в этих районах, не в состоянии прогрызть камыш. Там, где было развито гончарное производство (например, в окрестностях Намангана), зерно хранили в хумах. Впрочем, хумы и циновки для бордонов поставлялись и на довольно отдаленные территории от места их производства. Так, из Намаганского уезда их везли на плотах во все районы, лежащие вниз по течению Сырдарьи вплоть до Ходжента. Просо, джугару, лук хранили, связав стебли в пучки и подвесив к потолку.

У полукочевников был универсальный способ хранения зерна: в ямах. Кураминцы, кочевавшие у подножия Кураминского хребта, яму глубиной 2—2,5 м, предназначенную для хранения зерна, обкладывали ферганской полынью (оқ шувок) и засыпали зерном. Сверху зерно также накрывали слоем полыни (она предохраняла его от гниения) и замазывали глиной, делая чуть выпуклым верх для стока дождевой и снеговой воды. Выбор места для ямы определялся качеством земли: она должна быть сухой и не каменистой (в последней, по словам информаторов, высоко располагаются грунтовые воды). При откочевках зерно в ямах оставалось до возвращения хозяев. Кураминцы, осевшие в Тюракурганской волости Наманганского уезда, тоже хранили зерно в ямах, но последние предварительно обжигались, так как здесь были высоки подпочвенные воды. Затем яму обкладывали циновкой или просто камышом, которые должны были предохранять зерно от влаги. Кураминцы и юзы, осевшие в Ассакинской волости, тюрки Кувинской волости Маргиланского уезда в рассматриваемый период хранили зерно уже не в ямах, как их предки, а в бордонах и деревянных сундуках, как их соседи-сарты.

В экстремальных случаях, например, во время грабительских набегов, и осевшие полукочевники, и сарты хранили урожай в ямах,

[26] Бордон — ларь из толстой камышовой циновки (которая тоже называлась бордон), свернутой в виде цилиндра, иногда обмазанной сверху глиной. В нем помещалось 400—500 кг зерна.

[27] Лари делали обычно из наиболее прочных пород дерева — грецкого ореха или кайрагача. Из остальных пород, например, из ивы, делать эти сундуки было бесполезно: прогрызали крысы. Иногда такие лари были выше человеческого роста, назывались они «туя-сондык», т. е. «верблюд-сундук» и разделялись на три-четыре отделения для разных видов зерна. Глиняные лари (хампа) выкладывали из сухих катышей глины — гуваля и обмазывали глиной с внешней стороны (175).

замазанных вровень с землей так, чтобы никто, даже их дети, не знали, где расположен тайник. В Тюракурганской волости, где зерно по традиции хранили в хумах, в тревожные времена зарывали его в тех же хумах (иногда замазывали их в стенных нишах). В ряде районов и сарты, и осевшие полукочевники делали из проса в смеси с землей гуваля, которые при необходимости раскалывали и размачивали, чтобы извлечь зерно (другие злаки нельзя было прятать подобным образом, так как они, в отличие от проса, прорастали)[28]. Таким образом, даже неблагоприятные условия способствовали сближению различных пластов узбекоязычного населения Ферганы в области хозяйства.

Изменение хозяйственно-бытового уклада бывших скотоводов, связанное с переходом к оседлой жизни и занятию земледелием, привело к постепенному изменению и типа их жилища: замене юрты глинобитным домом, характерным для земледельца[29]. Появившись лишь как зимнее жилище стационарного характера, он со временем стал основным видом жилья у всех осевших полукочевников. Решающую роль в этом сыграли не преимущества глинобитного дома перед юртой (напротив, как говорили многие старики-информаторы, недавний полукочевник очень долго не мог привыкнуть к такому виду жилья), а неблагоприятные экономические условия, создавшиеся в Фергане в конце XIX—начале XX в. Они привели, как уже говорилось, к резкому уменьшению поголовья скота, а значит и шерсти, необходимой для выработки войлока — важнейшей составной части юрты. Правда, в ряде районов Ферганы юрта бытовала вплоть до 30—40-х гг. XX в., но, естественно, у тех групп, которые продолжали заниматься скотоводством.

Этнокультурные контакты полукочевников с оседлым узбекским (и таджикским) населением проявились не только и не столько в замене юрты сартовским домом, сколько в заимствовании у окружающего населения техники постройки дома, исходного материала, планировки, интерьера. Для ферганских городов второй половины XIX в. были характерны дома с так называемыми каркасными стенами, т. е. с однорядными и двухрядными деревянными креплениями, пространство между которыми заполнялось кусками сухой глины или гуваля (168, с. 260—261). В сельской местности, как показывает полевой материал, такие дома были только у зажиточных, так как из-за отсутствия строительного леса в Ферганской долине бедноте он был не доступен. Бедняки возводили стены без всякого крепления из гуваля, дерновых кирпичей

[28] Похожий способ хранения проса описан Н. Н. Ершовым: в Ходжентском уезде в период набегов просо смешивали с глиной и штукатурили этой смесью стены. После набегов обмазку размельчали и зерно отсеивали (72, с. 11).

[29] Типы жилищ оседлого населения Ферганы и некоторых полукочевых групп (кипчаков, кураминцев, тюрков) в целом освещены в литературе (168, с. 216—299; 213, т. II, с. 69—111; 91, с. 17—19; 236, с. 223—248; 238, с. 25—66; 228, с. 13—14; 48, с. 48—69).

(чим) или битой глины (пахса). Более прочными считались стены из битой глины. Если их выкладывал хороший специалист, то пахсовые стены, по словам информаторов, стояли до 100 лет. Они были сейсмо- и влагоустойчивыми. Влагоустойчивыми были и стены из дерновых кирпичей. Поэтому в солончаках и там, где высоки были подпочвенные воды, использовали два последних вида строительного материала. Так, в Джумашуе и его окрестностях (левобережье Сырдарьи), где были солончаки с высоким уровнем грунтовых вод, жилище строили без фундамента, но с высоким цоколем, выложенным из камня в один ряд. На цоколь с внутренней и внешней сторон стен укладывали толстые пуки камыша (в изобилии росшего в этой местности), связанные в виде балок. Камыш выполнял функцию нижней обвязки стены (*чорчуп*) и предохранял стены, выложенные из дерновых кирпичей или битой глины, от сырости и солей. В Бешарыкской волости (район сухих солончаков) осевшие юзы и кураминцы строили дома, как и окрестное сартовское население, тоже предпочтительно из дерновых кирпичей. А вот в каменисто-щебнистых равнинах, например, в Кувинской волости, осевшие тюрки, как и издавна оседлое окрестное население, ограничивалось постройкой домов из гуваля. Недавние полукочевники строили дома хуже сартов и потому, если была возможность, приглашали для этого специалиста из среды издавна оседлых жителей.

Заимствовался полукочевниками и интерьер сартовского дома. Так, в рассматриваемый период в Фергане, особенно в городах, уже достаточно широко был распространен очаг с дымоходом типа камина (мори) (171, с. 87). Но во многих сельских районах, особенно отдаленных от центра, как показывает полевой материал, сарты, а вслед за ними и оседающие тюрки, юзы, кипчаки, кураминцы топили еще «по-черному». Готовили пищу на костре, установив над ним металлический треножник или несколько камней; у костра же обогревались. Дым выходил через раскрытую дверь и специальное отверстие в потолке (*туйнук*) круглой или квадратной форм, которое служило и окном (настоящих окон в доме не было, а четырехугольные проемы в стене со ставнями-дарча, предназначенные для света, были лишь у относительно зажиточных). Крышкой для свето-дымового отверстия, которой пользовались в ненастную погоду, могли служить и несколько сбитых досок (если таковые были), и плоская плетеная корзина, утепленная старым халатом или каким-нибудь тряпьем, и пук соломы, прикрученный к палке длиной около метра, для того, чтобы при необходимости можно было вытолкнуть его наружу или, напротив, затянуть в отверстие.

Все большее распространение очага с дымоходом для приготовления пищи и обогревательного устройства сандали[30] не только в городах Ферганы, но и сельских сартовских домах, естествен-

[30] См. работу А. К. Писарчик (171).

но, приводило к появлению их и в домах недавних полукочевников. Более того, сандали под влиянием оседлого населения проникает даже в кочевья, в юрты. Здесь на треножник, устанавливаемый над костром для приготовления пищи, укладывали после сгорания топлива небольшие чурки, что превращало его в подобие столика, и накрывали одеялом.

Таким образом, трансформация жилища у недавних полукочевников в конце XIX—начале XX в. тоже была одним из проявлений консолидации различных групп узбекского народа.

Костюм ферганских узбеков к рассматриваемому периоду был довольно однороден и мало чем отличался от узбекско-таджикского костюма вообще[31], хотя не был лишен некоторых чисто ферганских особенностей, в первую очередь элегантности, бóльшей строгости (209, с. 27). Одежда узбеков собственно Ферганского региона также имела различия локального, этнического и сословного характера, что отразилось в цвете, рисунке тканей, крое одежды, отделке, вышивке. Так, для маргиланского бекасаба (вид шелковой ткани, идущей на мужские халаты) было характерно сочетание широких зеленых и фиолетовых полос, для ходжентского — белых, ярко-зеленых, фиолетовых и малиновых (209, с. 29). В Маргилане мунисаки (вид женской распашной одежды) шили из ткани, в которой сочетались желтый, розовый и зеленый цвета, в Намангане — фиолетовый, синий, серый и красный (181, с. 173). Маргиланские мунисаки, отличавшиеся от мунисаков других территорий и покроем, были элегантны и очень удобны (181, с. 167; 175).

По узору тюбетеек, основного вида мужского летнего головного убора узбеков (и таджиков)[32], можно было определить местность их изготовления. Так, тюбетейки из Чуста имели узор в виде миндалины, из Маргилана — в виде изогнутого стручка перца (тот и другой вышивались белыми нитками на черном, иногда темно-зеленом фоне). Особой популярностью на большей части территории Ферганы пользовались чустские тюбетейки (правда, далеко не всегда они были из Чуста, так как вышивали их во многих местах). Как показывает полевой материал, тюбетейки с маргиланским узором носили лишь на территории от Коканда до Кувы. В остальных местностях: от Коканда до Ташкента, а также от Ассаки до Оша, Узгена и Джалалабада — предпочитали тюбетейки с чустским узором. Особенно высоко ценились чустские тюбетейки из сатина с примесью шерстяной нитки. Его называли «соколли сатин», т. е. «бородатый сатин».

Одежда ходжей в целом не отличалась от одежды исконно оседлого (узбекского и таджикского) населения, тем не менее выделялась наибольшей сдержанностью и элегантностью. Ходжи, для которых в целом характерен был некоторый консерватизм (в силу замкнутого образа жизни), проявляли этот консерватизм и в одежде.

В последней трети XIX—начале XX в. в одежде узбекско-таджикского населения Ферганы, как и остальной территории Средней Азии, под влиянием все более расширяющихся контактов появляются изменения в крое (на смену традиционной туникообразной одежде приходит выкройная), в некоторых элементах одежды, обуви; появляются даже новые виды одежды, вытеснившие старые (209, с. 51—57, 67). Во многих районах Узбекистана стал выходить из повседневного употребления мунисак и заменяться камзолом или халатом наподобие мужского[33]. В Самарканде в начале XX в. мунисак существовал уже исключительно как поминальный костюм, в быту его совершенно не носили (209, с. 36). В Ташкенте к концу XIX в. он также превратился в основном в траурную одежду, хотя еще можно было встретить старух, которые донашивали привычный для них с молодости вид одежды (27, с. 52). В Фергане тоже шел процесс исчезновения мунисака, но в более замедленном темпе (возможно, это связано с относительной замкнутостью и изолированностью края). Здесь в рассматриваемый период мунисак еще бытовал как повседневная одежда, хотя уже далеко не повсеместно. Так, супруги Наливкины в конце XIX в. писали: «В городах у старух, а в кишлаках у всех вообще замужних женщин до сих пор можно встретить старинный «мунисак» — халат с короткими, до локтя только, и очень широкими рукавами» (153, с. 97). Значит, в городах Ферганы (в первую очередь) и даже в селениях он начал исчезать в конце XIX в. (обратим внимание на слова Наливкиных «можно встретить», следовательно, можно и не встретить.— *С. Г.*). Многие информаторы-сартянки, родившиеся в этот период, даже не слышали о нем. Но в костюме женщин-ходжа даже таких крупных селений, как Бешарык, Мархамат, не говоря уж о небольших и отдаленных кишлаках, мунисак бытовал в качестве повседневной одежды, причем существовали зимняя и летняя формы ее. Он обязательно входил в состав приданого (175). Длина мунисака информаторами была определена так: «Длиннее камзола и короче халата». В Самарканде его длина, как пишет О. А. Сухарева, доходила до лодыжек (209, с. 34). Форма и длина рукава ферган-

[31] О среднеазиатской одежде написано немало работ, отдельные страницы которых посвящены и костюму ферганских узбеков (209; 181, с. 164—178; 236, с. 248—271; 238, с. 67—105; 91, с. 21).

[32] Женщины в конце XIX — начале XX в. тюбетеек в Фергане не носили. Об этом нам с Б. Х. Кармышевой сообщила Шаропат Абдувахитова из селения Ходжа-Магиз близ Маргилана (узбечка, 1886 г. р.). В то время, когда ей было 14 лет (в 1900 г.), девушки носили только платки. Однако, по мнению О. А. Сухаревой, традиция ношения девичьих шапочек типа тюбетеек раньше существовала у узбеков и, возможно, вообще у народов Среднеазиатского региона, и стала изживаться лишь в середины XIX в. (209, с. 80—82).

[33] О генезисе этого вида одежды, покроях и разновидностях его см. работы О. А. Сухаревой (207, с. 77—103; 209, с. 34—44), М. А. Бикжановой (27, с. 47—53), Р. Я. Рассудовой (181, с. 164—178).

ского мунисака, судя по описанию Наливкиных, также отличалась от самаркандского варианта: там рукав был длинным, широким у основания и сужающимся книзу (209, с. 34). Впрочем различные варианты имелись и в самой Фергане[34]. В отличие от самаркандцев, ферганские, в частности бешарыкские ходжи считали неприличным надевать мунисак на похороны. Для этих случаев они имели специальные черные халаты, зимние и летние. Таким образом, этот исчезающий вид одежды дольше всего сохранился у ходжей[35] как наиболее консервативной части издавна оседлого населения. Но и у них он был на грани исчезновения. Так, ходжи из Чимиона и не слышали о нем. Это свидетельствует о том, что новые веяния коснулись и этой группы населения.

Костюм полукочевника, как и везде, должен был отличаться от костюма оседлого жителя. Однако массовый переход полукочевников к оседлости привел к утрате ими традиционных видов одежды (например, кожаных и шерстяных шаровар, бараньих тулупов, особого покроя меховых шапок и т. п.), причем не только в связи с резким уменьшением необходимого материала (кожи, шерсти, шкур), но и с отсутствием потребности в них (например, в кожаных шароварах). Под влиянием оседлого населения у недавних скотоводов широкое распространение получили мужское летнее распашное платье ферганского покроя (янтак), зимний стеганый халат, тюбетейка, ичиги с галошами, сначала кустарными кожаными, а со временем фабричными резиновыми.

Женская одежда полукочевников сохраняла больше традиционных черт, чем мужская. В значительной степени это объясняется их более замкнутым образом жизни. Так, у них и в начале XX в. сохранялся исчезающий у сартов мунисак, хотя в свое время он был заимствован полукочевниками у оседлых жителей[36]. По моим материалам, мунисак как повседневная одежда (летняя и зимняя) существовал у всех полукочевников Ферганы. Кураминцы называли его минсак, юзы-баявуты — мусак, кипчаки — мунсак, тюрки — мурсак. Ега надевали и во время похорон, причем допускался любой цвет, кроме красного, хотя траурными считались черный и синий. Это свидетельствует лишь о том, что специально для похорон мунисак не шили, а пользовались повседневным. Процесс исчезновения этого вида одежды дошел и до полукочевников, но гораздо позднее, чем у оседлых жителей, как и все изменения в одежде вообще, однако не из-за консервативности полукочевых групп узбекоязычного населения (как ходжей, например), а, скорее, в силу отдаленности большинства из них от городских центров. У той части полукочевников, которые осели в относительной близости от крупных населенных пунктов, процесс

[34] О различных вариантах мунисака в Ферганской долине см. работу Р. Я. Рассудовой (181).

[35] По материалам Р. Я. Рассудовой, мунисак был также повседневным видом одежды у ходжей (181, с. 168).

[36] См. об этом в работе Р. Я. Рассудовой (181, с. 174).

утраты старых и заимствования новых элементов в одежде шел, конечно, быстрее под влиянием городского и сельского сартовского населения. Так, у тюрков Ходжаабадского района Андижанской области (находившегося в относительной близости от областного центра) в начале XX в. мунисак носили (вернее, донашивали) уже только женщины старшего поколения, что является свидетельством влияния сартовской моды (175).

Головной убор замужней женщины полукочевых групп узбеков в виде тюрбана (локки) также продолжал бытовать на рубеже XIX—XX столетий[37], причем размеры, способы повязывания его зависели от этнической принадлежности носительниц (91, с. 21; 236, с. 263—266). Но и он стал постепенно исчезать и заменяться сартовским платком. Так, кураминки предгорий Чаткальского хребта носили этот чалмообразный убор после 50 лет, хотя это был головной убор замужней женщины вообще, независимо от возраста. То же самое можно сказать о женщинах групп тюрк, юз[38], кипчак. А вот женщины юзов-баявутов в начале XX в. тюрбаны уже не носили, а подвязывались платками, как сартянки (175).

Во многих районах оседающие полукочевники еще шили сами традиционные виды обуви, например, чорик (полуоткрытая обувь из сыромятной кожи) или мукки (сапоги с короткими голенищами, без каблуков), но только для мальчиков и молодых мужчин. Для женщин всех возрастов и стариков в это время обувь уже покупали на ближайшем базаре. Здесь же покупали и почти всю одежду. Как центры продажи одежды славились маргиланский, кокандский, андижанский, ходжентский, ошский и узгенский базары. Но и менее крупные базары (такие, как бешарыкский, чимионский, шахриханский, ассакинский, шахандский и др.) могли обеспечить всем необходимым. Распространение покупной одежды, часто из фабричных тканей, почти среди всех слоев населения еще больше способствовало начавшемуся процессу стирания этнических и локальных черт в этом виде материальной культуры, приводило к нивелированию ее локальных особенностей, а, значит, и к консолидации узбекоязычной части населения в этой сфере.

Пищевой рацион оседлых и полукочевых групп населения сложился прежде всего под влиянием различных видов хозяйственной деятельности, что составило специфику этнических вкусов и традиций в этой области материальной культуры. Основой питания земледельцев служили зерно, овощи, фрукты, а скотово-

[37] Об эволюции черт древнего женского головного убора (в частности, чалмы) и его постепенном изживании см. работу О. А. Сухаревой (204, с. 299—354).

[38] По словам Пулата Умарова из г. Ферганы (узбек, 1940 г. р.), в Заамине женщины юзов до сих пор носят тюрбаны.

дов — мясо, сало, молочные продукты. Но многовековые этнические контакты, хозяйственный обмен между теми и другими в значительной степени сгладили эти различия. Правда, количественное соотношение зерновых и мясо-молочных продуктов в пищевом рационе оседлого и кочевого населения, способах приготовления тех или иных продуктов и приверженность к определенным блюдам продолжали сохраняться не только в конце XIX — начале XX в., но в значительной степени и в наши дни. Тем не менее и в этой сфере материальной культуры шел активный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения.

В рационе полукочевых узбеков Ферганы (и не только ее) увеличился удельный вес мучных блюд, в частности, разнообразных видов хлеба, а также блюд, одним из компонентов которых был хлеб. По популярности они не уступали таким истинно кочевническим блюдам, как шурпа — суп из баранины без заправок, каурма — жареное мясо, казы — колбаса из конины, нимта — целиком отваренный баран, которого подают на стол, лишь разделив на две части и т. д., а также молочным блюдам.

Кураминцы пекли большие сочни из пресного теста в казане, не смазанном жиром. Сочни прилеплялись к внутренним стенкам казана, который устанавливался затем над горячими углями вверх дном (характерный способ выпечки хлеба для всех кочевых и полукочевых народов). Такой вид хлеба назывался у них *юкма* (у тюрков — *чевати*, у кипчаков — *попка*). Ели его, накрошив в мясной бульон. Немногим отличался от юкма другой вид хлеба — *катирма*. Сочни, обжаренные в масле, кураминцы называли *сузма*. На поминки готовили специальные ритуальные лепешки *джайма*. Очень сытным и лакомым блюдом считалось у кураминцев *катлама-патир*: большие, часто величиной с поднос лепешки прилепляли к стенкам казана, не смазанного жиром, и, поставив казан на бок, поворачивали его по ребру у огня до тех пор, пока лепешка не пропечется. Затем в горячей еще лепешке делали несколько отверстий, в которые клали столько сливочного масла, сколько может она впитать. Горячие лепешки, мятые со сливочным маслом, назывались у кураминцев *гачмаш* (юзы такое блюдо называли *мижим*). Еще одно лакомое блюдо готовили из хлеба кураминцы — это *гыльмынды*. Тонкие сочни пекли в казане без масла, затем варили густой кисель из муки и молока, намазывали на сочень, который ели, сложив вдвое и обмакивая в топленое масло. Кипчаки сочень, намазанный киселем и сложенный вдвое, обжаривали в кипящем масле; это блюдо называлось у них *гилбинды*. Праздничным блюдом у кураминцев, как и у других полукочевых (и оседлых) групп узбеков, считалась *катлама* — слоеные лепешки, обжаренные в масле. В дорогу обычно брали *баурсак* — ромбовидные кусочки теста, обжаренные в масле, или *тукач* — круглые кусочки теста, обжаренные в масле, а также толокно из пшеницы. Для приготовления толокна пшеницу предварительно отваривали, затем поджаривали без

масла и толкли в ступе. Любили кураминцы, как и другие полукочевники, пельмени, лапшу и *куритоб* (немясная лапша с добавлением разведенного в воде курута и топленого масла). Но особо лакомым мучным блюдом считался *нарын*. Сочни, нарезанные на большие квадраты, отваривали в крепком мясном бульоне и выкладывали на большое деревянное блюдо для остывания. Затем нарезали на треугольнички острым бараньим ребром. Мясо нарезали на кусочки ножом. Тонко шинкованный лук слегка отваривали в бульоне и смешивали с тестом и мясом. Раскладывали все это в деревянные чашки и заливали горячим бульоном. Юзы и тюрки ели крошево, запивая бульоном, и называли это блюдо *кульчатой*. У кипчаков был несколько иной способ приготовления его (236, с. 275). Все эти мучные блюда считаются, а многие и являются исконными и, несомненно, возникли в результате давних связей скотоводов с земледельцами.

В конце XIX в. оседающие полукочевники стали переходить на лепешки, испеченные в специальных печах — тандырах. Гостям, например, шурпу (блюдо, характерное для кочевника) уже подавали с лепешками, испеченными в тандыре (как у оседлого жителя), хотя в обыденной жизни долго еще отдавали предпочтение традиционному хлебу, испеченному в казане, золе (*комоч*) или на раскаленном камне (как у тюрков). Появилось своеобразное гибридное блюдо — *сук оши*. Это каша из проса (любимый злак полукочевников; оседлые жители, как уже говорилось, не любили его) и фасоли (которую обычно выращивало и употребляло только оседлое население). Широко распространенный ныне среди всех групп узбеков плов (блюдо из рациона оседлого жителя) у полукочевого населения появился относительно поздно, причем сначала в рисосеющих районах и в среде относительно состоятельных.

В период общего упадка скотоводства в Ферганской долине мясные блюда стали малодоступны не только для оседлого жителя, но и полукочевника-бедняка. Как отметил В. С. Батраков, скотоводу гораздо выгоднее стало есть растительную пищу, а не мясную (23, с. 131). Уменьшение посевов зерновых, но увеличение посевов джугары привели к тому, что повседневной пищей бедняка, как земледельца, так и скотовода, стали блюда из джугары. Из нее делали лепешки, варили похлебки, заправленные квашеным молоком, а зимой размоченным курутом, готовили каши. Одним из любимых блюд бедняка-кураминца, например, стала своеобразная квашеная похлебка из джугары. Для этого готовую похлебку наливали в сосуд из тыквы и оставляли на ночь киснуть. Утром подогревали ее и ели с хлебом. Такой вид похлебки считался очень приятным на вкус, кроме того, она утоляла не только голод, но и жажду.

Таким образом, сложившиеся в конце XIX—начале XX в. неблагоприятные социально-экономические условия сыграли решающую роль в изменении и обеднении рациона большинства оседа-

ющих и осевших полукочевых групп узбеков и сблизили их и в этой области материальной культуры с издавна оседлой, но тоже небогатой частью узбекского населения. С другой стороны, пища различных групп узбекского (и неузбекского) населения взаимно обогащалась. Этому способствовали, в частности, усиление роли рынка, а, значит, и такого института, как ошничилик[39], не обходившегося без взаимного угощения «торговых друзей»; появление в городах, крупных селениях, на всех более или менее значительных базарах общественных мест питания (харчевен); обычай устраивать трапезу вскладчину, часто в чайхане, по какому-либо поводу, например, после удачного базарного дня; массовое отходничество и связанная с этим необходимость питаться вне дома и, наконец, праздники, семейные торжества, поминки, в которых принимали участие жители всего квартала или селения. Естественно, что заимствование тех или иных блюд другой этнической среды имело место, в первую очередь, среди горожан, а также относительно состоятельной части населения.

Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области духовной культуры

Взаимоотношения в области духовной культуры между различными группами узбекской народности были двойственными и противоречивыми. С одной стороны, близкие говоры тех и других, общая религия, многие обряды и обычаи не должны были препятствовать сближению их. С другой стороны, разные формы хозяйства, обусловившие различия в материальной культуре, быте, традициях полукочевого и оседлого населения, служили определенным барьером на пути объединения. Только массовое оседание полукочевников в конце XIX—начале XX в. и связанное с этим сближение материальных культур послужили основой для интеграции и в духовной сфере. Этому, естественно, способствовали и другие факторы, порожденные развивающимся капитализмом: совместная работа на фабриках, заводах и прочих предприятиях, массовое отходничество, формирование местных кадров пролетариата и передовой интеллигенции, проникновение и рост революционных идей среди местного рабочего класса, возникновение новометодных школ не только в городах, но и в селениях, появление и увеличение числа смешанных браков и т. д.

Для Ферганы была характерна относительная конфессиональная однородность, и потому принадлежность к одной религии (ислам суннитского толка) не играла здесь той роли в объединении оседлых и полукочевых групп узбеков, какую играла бы в районе с более сложной конфессиональной ситуацией. Более того,

[39] Институт «торгового друга» существовал почти во всех районах Средней Азии: скотовод в селении или городе имел друга (ошно) из среды сартов, который помогал ему продать скот. Подробнее об этом см. у Б. Х. Кармышевой (94, с. 131).

этот фактор (вернее, отношение к исполнению религиозных треб) имел часто не интегрирующее, а дезинтегрирующее значение. Полукочевники, как и кочевники, никогда не отличались особой набожностью и к религиозным отправлениям относились с легкостью, если не легкомыслием. Религиозное невежество их было причиной насмешек со стороны более приверженных к ортодоксальному исламу сартов. В свою очередь и скотоводы, особенно богатые, не благоговели не только перед поднаторевшим в области религии сартом вообще, но даже перед имамом и муллой и часто помыкали ими в своих кочевьях (97, с. 99—100).

Несколько большее влияние на полукочевников оказывал суфизм. Все они, как и представители оседлого населения, имели духовного наставника и покровителя (пира). Более того, как пишет Б. Х. Кармышева, не иметь пира в глазах полукочевника было даже неприличным, и часто близость тех или иных родов определяли по общему пиру (92, с. 152, 153). Пир кураминских подразделений джалаир, тупар, джастабан, кочевавших у подножия Кураминского хребта, жил в Самарканде; кураминских подразделений каракуйли, карасийрак, джапалак — в Коканде; уроклы — в Сардобе; юзов-баявутов — в Самарканде; тюрков Кулинской волости Андижанского уезда — в Андижане и т. д. Но и к своим духовным наставникам большинство полукочевников относились без должного почитания. Такое различное отношение к религии и ее служителям служило препятствием на пути к сближению полукочевых и оседлых групп населения Ферганы.

Усиленное оседание полукочевников, приведшее к появлению новых селений и мечетей в них, а значит и духовных служителей, часто из числа оседающих, несколько изменило отношение последних к религии (исламу). Мечети в возникающих селениях и особенно имамы (причт мечети) из числа недавних скотоводов стали для полукочевников даже предметом особой гордости. Как отмечает Б. Х. Кармышева, имамство стало «престижным занятием, возможностью показать свою ученость, оказывать влияние на общественную жизнь своего рода, иметь большой общественный вес» (97, с. 100). Так, один из информаторов Абдумуталиб Саидназаров (узбек-курама, 1914 г. р.) из селения Токмак Чкаловского района Ходжентской области с упоением говорил, что его отец был кори (чтец Корана; человек, знающий Коран наизусть), причем самым грамотным во всей округе, так как образование он якобы получил в самой Бухаре[40]. С неменьшей гордостью информаторы-кураминцы рассказывали, что селение Токмак было средоточием богословской учености на всей территории кураминских кочевий (в пределах Ферганской долины). По их словам, здесь были мечети и мактаб (низшая конфессиональная школа), гото-

[40] Это явное преувеличение, так как другие информаторы в этом селении и его окрестностях утверждали, что в те времена не было ни одного кураминца, обучавшегося в Бухаре; в лучшем случае муллы из их среды получали образование в Коканде.

вившие мусульманских служителей из числа кураминцев для окрестных селений. Новое, более уважительное отношение к служителям ислама, а значит и к исламской обрядности способствовало сближению разных групп узбекского народа в духовной сфере. Несомненно, что этому способствовали почитание общих святынь локального или общеферганского характера; деятельность купцов из числа сартов (и татар), помимо торговли занимающихся в кочевьях и укреплением исламского духа, и странствующих дервишей, и другие факторы.

Кочевники и полукочевники хоронили своих покойников на родовом кладбище, которое часто оказывалось (в силу кочевого образа жизни скотоводов) на довольно отдаленном расстоянии от места, где горестное событие постигло тот или иной род. Это вынуждало везти покойника в течение нескольких дней для захоронения (97, с. 96; 175). У кураминцев рода карсийрак, например, родовое кладбище находилось в районе селения Токмак. Здесь хоронили своих сородичей все карасийраки, кочевавшие в северо-западной части современной Ходженской области, даже в 30—40 км от Токмака. С началом оседания бывшие полукочевники стали устраивать кладбища рядом с селениями, как и оседлые жители. Но, как говорили информаторы, на первых порах кладбища полукочевников находились отдельно от кладбищ оседлого населения, несмотря на то, что те и другие были мусульманами. Со временем, в результате длительной совместной жизни оседлых и недавних полукочевников, они стали хоронить на общем кладбище, объясняя этот факт тем, что ведь все они мусульмане. Этому способствовало и совместное проведение семейных обрядов, в первую очередь похоронных и поминальных. Правда, отличия, порой незначительные, в проведении тех или иных семейных мероприятий у разных групп узбекской народности еще долго играли этнодифференцирующую роль, а иногда были предметом заимствования.

Так, в обрядах юзов, тюрков, кипчаков, курама, особенно похоронных и поминальных, сохранилось большое количество пережиточных явлений, уходящих корнями в прошлое (кочевой и полукочевой образ жизни способствовал консервации многих обычаев и обрядов)[41]. Например, во время оплакивания умершего у этих групп узбекской народности (как и у киргизов Ферганской долины) близкие родственницы покойного в знак глубокого траура распускали волосы, царапали лицо до крови. Считалось постыдным, если лицо царапалось не до крови. У сартов этот обычай давно исчез, хотя, видимо, когда-то существовал, о чем свидетельствует сохранение его у отдельных групп ходжей, например Бешарыка, Тюракургана, Чимиона и некоторых других районов.

В Бозском районе Андижанской области у кипчаков (и у киргизов) был записан не менее архаичный обычай. Если умирал

[41] Погребально-поминальным обрядам узбеков Ферганской долины посвящена специальная статья Б. Х. Кармышевой (98).

достигший брачного возраста неженатый молодой человек (или незамужняя девушка), то родители перед похоронами устраивали нечто вроде свадьбы: вешали в доме, где лежал усопший (или усопшая) свадебную занавеску (чимылдык), раскладывали и развешивали на всеобщее обозрение приданое (если умирала девушка), пели свадебные песни и только после этого оплакивали и хоронили. Делалось это для того, чтобы парень или девушка не ушли на тот свет неженатым или незамужней. Распространение этого явления у многих народов рассмотрено и интерпретировано Б. Х. Кармышевой (98, с. 166—167). Добавим к этому свидетельство, приведенное Марко Поло. У монголов, видимо, существовало представление о недопустимости безбрачия. Родители стремились заключить брачные контракты даже для умерших детей. «Если у двух помрут, у одного сын, лет 4-х или около того, а у другого дочь, они их женят, мертвую девку дают в жены мертвому парню, пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимется на воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет..., а кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы дети были живыми» (116, с. 23).

У сартов Ферганы такого обычая не было, во всяком случае на рубеже XIX—XX вв. Если он когда-то и существовал (был же он характерен для таких издавна оседлых народов, как русские, марийцы, таджики и т. д. (98, с. 166—167)), то давным-давно исчез. Но в Бозском районе подобный обычай зафиксирован и у сартов, который появился у них, по словам информаторов, под влиянием соседнего кипчакского (и киргизского) населения. Еще один обряд, имевший в прошлом этнодифференцирующий характер, существовал у некоторых полукочевых групп узбеков: тюрков, кипчаков, юзов (а также у киргизов, арабов) — и отсутствовал у сартов. Эта так называемый *гушт тортиш* (букв. «дележ мяса»). В день смерти в доме умершего резали и варили барана (юзы из селения Марка-юз близ Андижана варили мясо у соседей, там же и ели). Вареное мясо делили на одинаковые части, примерно по полкилограмма, и раздавали присутствующим; мясо съедали тут же и обязательно до выноса покойного. После похорон есть что-либо уже не полагалось. Этот интересный и, видимо, очень древний обряд перекликается с обрядом вкушения атали (похлебки из семи частей барана), бывшим отголоском одного из архаичных обычаев и подробно рассмотренным и интерпретированным Б. Х. Кармышевой (98, с. 151—154, 159—163, 169—171). В ряде мест, например, у тюрков в Ходжаабадском и Кувинском районах, мясо жертвенного барана ели после похорон, что свидетельствует, видимо, о начавшемся вырождении этого обряда. В районах дисперсного расселения бывших полукочевников среди издавна оседлого населения *гушт тортиш* и вовсе исчез, сохранившись в памяти только некоторых стариков.

У юзов, тюрков и, возможно, у других полукочевых групп на свадьбы, тои по поводу обрезания, поминки родственники делали крупные вклады (*кушиш*): один приводил корову или овец, другой приносил рис, третий муку и т. д., что значительно облегчало устройство этих дорогостоящих мероприятий и было пережитком патриархально-родового быта. Возвращался этот вклад не тут же, а в период проведения подобного мероприятия другим родственником. У сартов в рассматриваемый период (и в наши дни) было принято приносить лишь так называемый дастархан — поднос с лепешками, сладостями и подарком (на свадьбу), чаще всего отрезом ткани,— который возвращался сразу же после проведения тоя, свадьбы, поминок. При этом на поднос гостя клали уже другие лепешки и сладости, другой, но равнозначный отрез ткани, если он был, и т. д. Думается, дастархан генетически восходит к вкладу-кушиш в общеродовое дело, но уже в рудиментарной форме, на последней стадии существования его, превратившись у издавна оседлых народов — сартов, таджиков — в ритуал и только. Но в предреволюционной Фергане (да и в наши дни) кушиш и дастархан рассматривались как разные явления и служили отличительным признаком у разных групп населения. Постепенная замена крупных вкладов дастарханом происходила у юзов и тюрков, несомненно, под влиянием сартов и воспринималась теми и другими как заимствование.

Одним из проявлений процесса этнической консолидации узбекского народа стали смешанные браки, которые начали практиковаться (хотя и не так уж часто) в рассматриваемый период. Будучи результатом сближения разных этнических групп, смешанные браки ускоряли течение этого процесса, как и вообще этнических процессов. По сообщению М. Ф. Гаврилова в 1929 г., в Ура-Тюбинском районе, граничащем с Ферганой, юзы стали родниться с тюрками (и таджиками) лет 30—40 тому назад (50, с. 10), т. е. на рубеже XIX—XX вв. «До этого времени,— писал он,— они старались избегать этого или ограничивались только женитьбой» (50, с. 10). То же явление было и в Ферганской долине. И данные различных исследователей, и мой полевой материал свидетельствуют о том, что смешанные браки не были характерны не только между представителями полукочевых и издавна оседлых групп, но даже разных полукочевых групп. Тюрки, кипчаки, юзы, караминцы старались вступать в брачные отношения только внутри своих групп и, по возможности, внутри родовых подразделений. Широко практиковался кузенный брак, который не изжит и в наши дни, имели место левират и сорорат.

Такой консервативный взгляд на брак сохранился в некоторых районах компактного расселения бывших полукочевников по сей день. В районах дисперсного расселения представителей тех или иных этнографических групп в конце XIX—начале XX в. сближение на основе смешанных браков уже наблюдалось. Тюрки, живущие небольшими группами в окрестностях Маргилана и Ферганы, на браки с сартами смотрели довольно спокойно. Юзы-баявуты и караминцы, населявшие предгорья Караминского хребта, также вступали в брачные отношения друг с другом.

Оседлая жизнь бывших полукочевников среди сартовского населения в течение многих лет привела к утрате не только привычного, характерного для скотоводов быта, не только элементов материальной и духовной культуры, но и самоназвания, а значит и самосознания. Так, жители селения Хакулабад Балыкчинского района Андижанской области, предки которых были юзами подразделения карабуйин, давно уже считают и называют себя сартами. С подобным явлением пришлось столкнуться во многих районах Ферганской долины, когда потомки полукочевых групп узбеков на вопрос «какой вы этнической принадлежности?» отвечали: «мы давно стали сартами». А «появление у людей (как у отдельного человека, так и группы) нового этнического самосознания,— писал Ю. В. Бромлей, — означает (отражает) их принадлежность к новому этносу» (33, с. 174).

Изменение этнического самосознания имело место у отдельных представителей полукочевников, живших не только в районах компактного расселения сартов, но и среди полукочевников. Одним из показателей этого является взаимопроникновение названий родовых подразделений. Так, в составе подразделений ферганских тюрков мне назвали курукказан (куруглукказан), хотя этот этноним зафиксирован многими исследователями в числе юзских (129, с. 39; 57, с. 93; 67, с. 84). И, напротив, в числе подразделений юзов назвали кальтатай, а оно является наименованием крупного племени тюрков (92, с. 173—177). Это объясняется не только неточной информацией, но и «поглощением» тех или иных групп тюрков юзами и наоборот, тем более, что те и другие жили издавна в близком соседстве не только в Заамине, Ура-Тюбе, Ташкенте, но и в Фергане.

Кипчаки в Былыкчинском и Московском районах Андижанской области, где они жили в соседстве с юзами, в числе своих подразделений назвали не только пучугай и саккиз-сары, которые А. И. Макшеев в свое время приводил в числе юзских (129, 39), но даже юз. В селениях Курама-чаукен и Курама-кипчак (близ Андижана) живут караминцы, которые считают, что их селения своими наименованиями обязаны соответствующим караминским этнонимам. Но чаукены всегда считались подразделением юзов (129, с. 39), а этноним кипчак и вовсе не требует комментариев. В числе наименований караминцев назвали и каратай. Но Т. Файзиев, который исследовал караминцев Ангренского оазиса, считает, что хотя каратаи и жили в близком соседстве с караминцами, но они были самостоятельным узбекским племенем (228, с. 10).

Факторами, препятствовавшими консолидации узбекского народа, были его сословная и социальная неоднородность. Издавна

оседлое население, как уже говорилось, подразделялось на привилегированные группы ходжей, составлявших малую часть, и чернь, представлявшую основную массу сартов. Никаких отличий в языке, культуре, быте между ними не было, кроме осознания как представителями ходжей, так и чернью, исключительности первых. Более высокий социальный статус ходжей и связанные с этим замкнутость и изолированность их мешали слиянию этой группы узбекского (и таджикского) населения с остальной массой, что отрицательно сказывалось на процессе консолидации узбекской нации. Правда, стирание, начавшееся между этими сословными группами к концу XIX — началу XX в., усиливается, о чем свидетельствуют, например, смешанные браки, имевшие место до революции. Заключение этих браков облегчалось тем, что значительная часть ходжей принадлежала к трудящемуся слою населения. Принадлежность к имущему или неимущему классу в среде ходжей и раньше играла немаловажную роль. С развитием же капитализма сословные различия не только становятся менее важными, чем социальные, но в ряде случаев даже заменяются ими. Возможности для окончательного преодоления сословных предрассудков появились только после победы Октябрьской революции в стране.

Глава III. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У ТАДЖИКОВ ФЕРГАНЫ

К вопросу о формировании таджикского населения Ферганы

Таджиков Ферганы можно условно разделить на две группы: древние насельники этого края, которые не были ассимилированы тюркоязычными группами, прибывшими сюда в древности и средневековье, а также более поздние переселенцы из Самаркандского, Бухарского, Ура-Тюбинского и Ташкентского оазисов известны в литературе под названием равнинные таджики; выходцы из горных районов Таджикистана (Матчи, Каратегина, Дарваза, Куляба, Гиссара и др.), также составлявшие значительный слой среди таджиков Ферганы, известны в литературе как горные таджики[42]. Эти группы, будучи компонентами одного народа, имели тем не менее антропологические (относились к равнинному и горному подтипам европеоидной брахицефальной расы Среднеазиатского междуречья (161, с. 38)), языковые (равнинные таджики говорили на диалектах северо-западной[43] или северной[44] группы таджикских говоров, горные — на диалектах юго-восточной[45] или центральной, южной и юго-восточной[46] групп таджикских говоров) и культурно-бытовые отличия.

Специальной работы о таджиках всей Ферганской долины конца XIX—начала XX в. нет, но население Ходжентской области ТаджССР, где они составляют большинство, а также таджикское население некоторых районов Наманганской и Ферганской областей изучались этнографами (114; 110; 111; 7; 8; 103; 105; 72; 73; 166; 167; 231; 222; 223; 66), антропологами (54, с. 309—330; 161, с. 41; 172; 164; 69; 70), лингвистами (35; 155; 183; 184). Данные по этнической истории и этнографии Северного Таджикистана имеются и в некоторых археологических работах (63; 119; 120; 121; 121; 118; 34).

Почти все эти труды посвящены преимущественно равнинным

[42] В дореволюционной литературе они были известны также под названием «галча» от «гарча», т. е. «горец», хотя сами себя они никогда так не называли. Об этимологии этого слова, эволюции его значения и употреблении см. работы В. В. Бартольда (19, с. 197; 20, с. 458; 7, с. 157; 192, с. 3—6).

[43] По классификации М. С. Андреева (9, с. 60—63).

[44] По классификации В. С. Расторгуевой (184, с. 156).

[45] По классификации М. С. Андреева (9, с. 60—63).

[46] По классификации В. С. Расторгуевой (184, с. 156—157).

таджикам. Сведения о горцах, если таковые имеются, приводятся лишь попутно. Только исследование М. А. Хамиджановой целиком посвящено переселенцам из Матчи, но в основном советского периода, хотя в нем имеются сведения и о миграциях дореволюционного времени. Поэтому в основу данной главы легли материалы полевых исследований автора предпочтительно по горным таджикам, осевшим в Ферганской долине. При этом больше внимания уделено каратегинским таджикам: во-первых, потому, что они были более многочисленны по сравнению с выходцами из других горно-таджикских областей, а, во-вторых, они не изучены в аспекте данной темы.

Таджики Ферганской долины были сосредоточены в основном в ее западной и северо-западной частях. В Ходженте и его окрестностях таджики составляли 85% населения (223, с. 37). Чустская волость Наманганского уезда была сплошь таджикской (196, с. 128—129). В Бабадарханской волости того же уезда было 76,5% таджиков, в Аштской — 61,5% (223, с. 46), в Исфаринской волости Кокандского уезда — 81,6%, Канибадамской — 73% (223, с. 43—44), в Сохской из 14 селений 10 было таджикских (196, с. 57—58). На остальной территории долины таджикские кишлаки представляли лишь вкрапления среди сплошь узбекских. В целом же в Ферганской области Русского Туркестана таджики (и равнинные, и горные) составляли всего 6,62% (136, с. 66).

Точное число горцев в Ферганской долине трудно назвать даже приблизительно, так как ни перепись 1897 г., ни статистические издания Ферганской области не выделяли их отдельно. Но число переселенцев из горных районов Таджикистана в Фергане было так велико, что как отмечал В. П. Наливкин, это имело для долины (в плане заселения) громадное значение (151, с. 17). Так, только в Маргиланском уезде, где таджики составляли всего 5,41%, в 1890 г. было зафиксировано 16 000 их хозяйств, в том числе в Чимионской волости — 5427, Алтыарыкской — 1308, Аувальской — 1202, Коканкишлакской — 1071, Мингтепинской — 1427, Ассакинской — 1268, Шахриханской — 883 и т. д. (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 532, л. 226—240). Полевые исследования показывают, что во всех этих волостях жили преимущественно горные, в первую очередь каратегинские таджики, хотя не исключались и равнинные. Как свидетельствуют информаторы, горные таджики в прошлом были расселены по всей Ферганской долине. Трудно найти здесь район, куда бы не приходили горцы на заработки и не обосновывались в той или иной степени. Причем на западе долины было больше выходцев из Матчи, на востоке (начиная с долины Соха) — из Каратегина, Дарваза, Бадахшана, в том числе Гунта и Шугнана, и др.

Таджики из Самаркандского, Бухарского, Ура-Тюбинского и Ташкентского оазисов мигрировали в Фергану в разное время (110, с. 11—16; 8, с. 110; 73, с. 15; 223, с. 27, 82, 119, 181; 175). Обусловливались эти переселения в основном теми же причинами, что и переселения узбеков.

Миграция горных таджиков в Ферганскую долину имела место еще при Бабуре (16, с. 19). В последующие века число горцев здесь лишь увеличивалось. Но основное переселение их, по словам информаторов, происходило в XVIII и особенно в XIX — начале XX в. В этот период феодальные владения горного Таджикистана страдали от постоянных усобиц. Кроме того, они то и дело попадали под влияние более могущественных соседей, в первую очередь Кокандского и Бухарского ханств[47]. Все это вынуждало местных жителей искать спасения в сопредельных странах, в том числе и Фергане. А. П. Федченко писал в прошлом веке: «Местность эта (между Учкурганом и Вуадилем, а именно районы кишлаков Авваль, Каптархана, Наукат, Ляган, Аирваз, Джаильма, Гурган.— *С. Г.*) сравнительно недавно стала заселяться оседлыми жителями. Эти поселенцы преимущественно выходцы из Каратегина. Недавние междоусобия и поселение в Учкургане Музафар-ша, бывшего правителя Каратегина, тоже не остались без влияния на увеличение населения» (229, с. 339). Представляет интерес и сообщение А. Ф. Миддендорфа о том, что местность между Вуадилем и Учкурганом вообще начала осваиваться лишь вследствие переселений из Каратегина (143, с. 344—345). Здесь же поселились дарвазцы, бадахшанцы, вахиочи и кулябцы, о чем свидетельствуют архивные (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 367, л. 1) и полевые материалы и данные топонимии. В Ош после занятия афганскими войсками Шугнана переселились 100 семейств шугнанцев общим числом в 450 человек, которые заселили целый квартал (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1649, л. 1). В 1885 г. «Вестник Европы» писал: «После неоднократных междоусобных войн Гунт побит, разорен (шугнанским шахом.— *С. Г.*). Большинство жителей искало спасения в Кокане и Кашгарии» (79а).

Фергана привлекала горцев и как место паломничества. Так, в селение Шахимардан, где, по преданию, был похоронен один из первый халифов Али, стекались богомольцы из сопредельных с Кокандским ханством территорий, особенно из Каратегина (229, с. 310—311). Многие из них оседали здесь. Не случайно в Шахимардане и соседнем с ним Иордане в 1890 г. были зарегистрированы только таджики (в одном кишлаке 305 семей, в другом — 156) и ни одного представителя других этносов (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 532, л. 238). Как показал этнографический материал, здесь жили именно каратегинцы[48].

Более тесными, чем политические и религиозные, были экономические контакты населения горных областей Таджикистана и Ферганы. В конце XIX — начале XX в. горные страны, в силу суровых природных условий и недостатка земли, находились на низком уровне экономического развития. Здесь еще господствовало натуральное хозяйство, так как связь не только с внешним миром,

[47] О политической истории горных владений см. работы Н. А. Кислякова (104) и Б. И. Искандарова (84; 85; 86).

[48] Об этом свидетельствует и материал Б. Х. Кармышевой (240, с. 34).

но даже с соседними районами была осложнена из-за труднодоступных горных путей. Тем не менее торговые контакты с Ферганой существовали.

Ферганские купцы, алайские киргизы и наиболее предприимчивые из среды горных таджиков доставляли в горные страны хлопок, хлопчатобумажные кустарные ткани, обувь ремесленного производства, железо и изделия из него, различные галантерейные товары, чай, сахар, а с появлением в Ферганской долине фабрик и заводов — промышленные изделия. Отсюда в Фергану вывозили невыделанную кожу, шерсть и другую продукцию скотоводства, меха диких животных, пшеницу, из Каратегина — золото, добываемое промывкой песка из речных наносов. Но главным образом в Фергану гнали скот из Каратегина, Гиссара и Куляба (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 2292, л. 4—8; 175).

Одной из форм социально-экономических связей Ферганы и горных областей Таджикистана было отходничество. В «Туркестанских ведомостях» писалось по этому поводу: «Население (Дарваза, как и других горных стран.— *С. Г.*) поддерживает свое существование отхожими промыслами в Фергане и даже Ташкенте, потому что занятие земледелием по недостатку годной для культуры земли не дает средства и для самого умеренного пропитания» (221а)[49]. Были в Фергане отходники и из Бальджуана (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 1567, л. 3), Куляба (в частности, из долины Камароу), Гиссара, но особенно из Каратегина (в том числе из Джергатала) и Матчи (175). Из отдельных селений верховьев Зеравшана ежегодно уходило на заработки от 25 до 75% взрослого мужского населения (71, с. 72). Даже политические осложнения не останавливали поток отходников.

Отходники часто нанимались на военную службу к кокандским ханам. А те предпочитали вербовать в свои войска горцев, так как доверяли им больше, чем местной военной аристократии, и ценили в них мужество, выносливость и исполнительность. Кроме того, простодушными, доверчивыми отходниками, целиком зависящими от ферганцев в экономическом отношении, ханам легче было управлять (19, с. 288; 26, с. 80, 81). На рубеже XIX—XX вв. горцы в Фергане в основном нанимались поденщиками и чернорабочими.

Отходники уходили на заработки практически в течение всего года. Если дома имелся клочок земли, и в семье было несколько мужчин, в отход отправлялись по очереди. Один из мужчин обязательно оставался дома, чтобы присматривать за посевами. Если в семье был всего один мужчина, он обрабатывал землю, засевал ее и оставлял следить за посевами жену, а сам уходил на заработки с тем, чтобы вернуться ко времени уборки урожая. Некоторые отправлялись в отход только после уборки урожая, осенью, чтобы, проработав зиму на фабриках и заводах, вернуться домой к началу весенних полевых работ. Многие бедняки уходили на заработки на несколько лет. Весной, летом и ранней осенью они нанимались на строительные и поденные работы, на плантации, а поздней осенью и зимой работали на заводах и фабриках прессовщиками, грузчиками и т. д. На заработанные деньги отходники покупали товары фабричного и ремесленного производства: ткани, обувь, металлические изделия, краски, чай. Но главным образом покупали хлопок для изготовления тканей домашним способом. Покупки набивали в тюки по 70—80 килограммов и несли на себе; редкий отходник имел осла. Многие, особенно те, кто приходил на заработки на несколько лет, обзаводились в Фергане семьями и оседали. Этому содействовали более высокий уровень жизни в Ферганской долине, непосильные таможенные пошлины и поборы феодалов на родине.

[49] О причинах отходничества см. также работу Н. А. Кислякова (104, с. 120).

Консолидационные процессы у таджиков Ферганы

Равнинные таджики Ферганской долины, являющиеся исконными жителями ее, пополнялись за счет прибывавших сюда в течение веков таджиков из Самаркандского, Бухарского, Ташкентского, Ура-Тюбинского и других оазисов. Хотя их материальная и духовная культура, формы быта, говоры имели некоторые локальные различия, а земляческие самоназвания (самарканди, бухори и т. д.) сохранились в ряде мест до наших дней, в целом они были представителями равнинных таджиков и сближение их на территории Ферганской долины в процессе консолидации таджикского народа не было осложненным.

Несколько иным был процесс сближения ферганских (и вообще равнинных) таджиков с переселенцами из горных районов Таджикистана. Он затруднялся различиями в диалектах, материальной и духовной культуре, а в некоторых случаях и конфессиональными (равнинные таджики были суннитами, а ваханцы, шугнанцы, рушанцы, ишкашимцы — исмаилитами). Тормозил процесс консолидации таджиков и малопрестижный род занятий горцев на территории Ферганы. Ферганские таджики издавна занимались земледелием (причем были, как и узбеки-сарты, очень искусными земледельцами), ремеслами, торговлей. Все эти виды деятельности требовали определенной подготовки, знаний, сноровки. Приходившие же на заработки горцы могли предложить местному населению в основном силу, выносливость, трудолюбие, но не высокую специализацию в какой-либо области. Исключение составляла лишь часть каратегинцев, которые славились среди ферганцев (и не только среди них) как специалисты высокого класса по возведению глинобитных стен (пахса девол). В Фергане их называли уважительно «деволкаш», т. е. «мастер по возведению глинобитных стен». Стены, выложенные каратегинцами, отличались высокой прочностью, влаго- и сейсмоустойчивостью и были предметом мечтаний многих домохозяев. Секрет прочности этих стен заклю-

чался в особом способе приготовления глины, которую делали из лесса, без примесей, и тщательно вымешивали ногами[50]. Традиция ферганцев по возможности приглашать на эту работу именно каратегинцев сохранилась до наших дней[51].

Горцы нанимались на любую работу, даже тяжелую, грязную, малооплачиваемую—была бы возможность заработать. Преимущественно это была поденная работа. Горцы составляли также основную рабочую силу на фабриках, хлопкоочистительных заводах, где они занимались опять-таки самым тяжелым и грязным трудом. Узбеков и равнинных таджиков, по словам информаторов, там было намного меньше. Так, грузчики-горцы (их можно было узнать по специальным твердым подушкам на заплечных ремнях — паланг, которые они постоянно носили на спине) поднимали до 200 и более килограммов, на что не были способны ни равнинные таджики, ни узбеки.

На хлопковых плантациях горных таджиков использовали как сезонных рабочих для вскапывания земли и уборки урожая. После сбора урожая матчинцы нанимались на очистку полей от хлопковых стеблей (гузапоя). Для этого привязанный к поясу серп они подводили под нижнюю часть куста и, резко выпрямившись, выдергивали последний с корнем.

Среди горцев-отходников было немало жнецов (приходили со своими серпами или покупали их в Фергане, а порой получали у нанимателя), дроворубов (срубали деревья, пилили и кололи их, корчевали пни; при этом за день работы получали по 15 копеек при своих харчах), водоносов, ночных сторожей и т. д. Рабочими местных маслодавилен также были в основном горные таджики, чаще матчинцы и каратегинцы. Работали они на следующих условиях. Семена (льняные, дынные, арбузные и др.) покупал рабочий. Маслодавильня и волы или лошади, приводившие в движение пест, принадлежали баю. За это бай получал по фунту масла с одной закладки семян. А так как в день выжимали масло из трех закладок, то ему доставались три фунта масла и весь жмых ежедневно. Остальное масло получал рабочий, которое продавал местному населению, разнося по домам[52]. Очень часто горцы работали на маслодавильнях и вовсе за харчи. При этом семена для масла покупал хозяин маслодавильни.

Перечисленные виды труда не требовали специализации и были малооплачиваемыми, а потому малопрестижными. Часть ягнобцев и матчинцев и вовсе занимались сбором подаяния (32, с. 49, 51; 108, с. 10; 233, с. 503—504; 175).

Своего рода барьером между равнинными и горными таджиками было и чувство неуверенности, присущее любому бедняку (в отход уходила самая бедная часть населения), прибывшему на чужбину для заработков, и экономическая зависимость от нанимателя — ферганского таджика (или узбека). Ощущение социальной незащищенности, не покидавшее горцев в течение длительного времени даже после оседания в Фергане, заставляло их сплачиваться между собой и замыкаться в своем кругу. Они селились компактными группами, занимая отдельный кишлак или квартал, который чаще всего называли по имени селения, откуда прибыли (что, кстати, представляло попытку создать психологический комфорт, давало ощущение, что они находились на родине). Например, названия селений Гульпион, Ляган, Лянгар, Калача (сокращенное от Кала-ляби-об), Пингон, Уртакакир, Хаит в Кокандском оазисе, Пингон недалеко от Чуста, Кызылкия — в долине р. Сох и другие идентичны каратегинским. То же можно сказать о селениях матчинцев и других горцев в Фергане. Замкнутость усиливалась эндогамными браками. Все это вызывало у горца вполне естественное желание слиться с местным населением, называться ферганским (а не каратегинским, например) таджиком, что и делалось при первой же возможности.

В свою очередь имелся ряд факторов, способствовавших сближению равнинных и горных таджиков на территории Ферганы[53]. Во-первых, в течение многих веков этносы двух регионов, Ферганской долины и горных областей Таджикистана, тесно соприкасались в политическом, социально-экономическом и культурном отношениях. Во-вторых, процессу сближения (и слияния) содействовали близость языков горных и равнинных таджиков, культуры, единая религия (жители Каратегина, Дарваза, Куляба, Гиссара, Матчи и других были, как и равнинные таджики, суннитами). Дисперсное расселение горцев — важный фактор, ускорявший этот процесс. Большое значение имел и психологический фактор. Горные таджики, по словам представителей коренного таджикского (и узбекского) населения Ферганы, были простодушными, покладистыми, неприхотливыми и, главное, трудолюбивыми. Все эти качества не могли не вызвать симпатии у коренных жителей Ферганы, в первую очередь, у таких же бедняков, как и мигранты.

Горцы считались отличными работниками и в среде заводчиков и плантаторов. Не случайно, когда ферганская администрация стала высылать таджиков-отходников, не имевших паспортов, на-

[50] О способе подготовки глины см. работу А. К. Писарчик (213, II, с. 21—22).

[51] Для строительства мазаров из жженого кирпича, украшения росписью мечетей и частных домов приглашались мастера из Ферганы в Каратегин (213, II, с. 46; 213а, I, с. 96—97).

[52] Хотя к концу XIX в. в Фергане появилось большое количество маслозаводов, местное население с неохотой покупало заводское масло, производимое горячим способом, а предпочитало привычное масло из необжаренных семян, получаемое в кустарных маслодавильнях (244, с. 51).

[53] В восточной части Ферганы сближение шло в основном между горными таджиками и узбеками, поскольку равнинных таджиков здесь было очень немного. Но в связи с тем, что материальная культура узбеков-сартов и равнинных таджиков Ферганы была очень близка, процесс интеграции между равнинными таджиками и горцами, с одной стороны, и между узбеками-сартами и горцами,— с другой, был во многом схожим, во всяком случае в области материальной культуры.

зад, в Бухару (по ходатайству бухарских властей, в чьем подданстве находились горные районы Таджикистана в конце XIX — начале XX в.), хозяева заводов и фабрик, владельцы плантаций обратились к военному губернатору Ферганской области с просьбой отменить паспортную систему в отношении горцев (ЦГИА, ф. 2, оп. 1, д. 221, л. 1).

Иные экологические и социально-экономические условия, этнокультурные контакты горцев с народами Ферганы, в первую очередь с равнинными таджиками (и узбеками-сартами), приводили к постепенной потере горными таджиками многих этнических признаков. Со временем переселенцы из Каратегина совершенно утратили, например, такое исконно каратегинское ремесло, как возведение глинобитных стен. В настоящее время даже в селениях, сплошь заселенных каратегинцами (например, в треугольнике Вуадиль — Авваль — Учкурган), эту работу стараются выполнять не сами, а приглашать специалиста из Каратегина (теперь деволкаши летают в Фергану самолетами). Горянки перестали вязать джурабы — длинные шерстяные узорчатые носки из цветных ниток и т. д. И вообще материальная и духовная культура горцев претерпела значительные изменения в сторону нивелировки этнических особенностей, отражая тем самым процесс сближения горных таджиков с коренным населением Ферганы, таджикским и узбекским[54]. Этому способствовало и появление смешанных браков, что вынуждалось обстоятельствами, так как на заработки приходили только мужчины, часто неженатые.

Процесс консолидации таджиков, горных и равнинных (не только ферганцев, но и переселившихся сюда из Самарканда, Бухары, Ташкента и др.), на территории Ферганской долины, начавшийся в прошлом веке, близок к завершению. Локальные самоназвания как горцев (каратегин́, масчо́й, кулоб́, хисор́ и др.), так и переселенцев из других оазисов (самаркан́д, бухор́, тошкент́ и др.) почти вышли из употребления. Повсеместно бытует самоназвание *таджик*. Почти везде на вопросы «Какой вы таджик? Откуда родом?» отвечают: «Местный» (т. е. ферганский). Только старики знают, откуда прибыли их предки, да пока еще живы некоторые элементы материальной и духовной культуры, могущие служить этническими определителями при изучении населения.

Сближение части таджиков с узбеками

Особенности расселения таджиков на территории Ферганской долины определили направление сближения их с узбеками. В Ленинабадской области, а также в долине р. Сох, в Чустском, Касанском районах Наманганской области, где преобладающим этническим компонентом были таджики, менее многочисленные узбеки попадали под их влияние. На остальной территории долины, где большинство населения составляли узбеки, шел обратный процесс.

Уже говорилось, что равнинные таджики, как и издавна оседлые узбеки, были известны у полукочевого населения Ферганы под названием «сарт». А поскольку именно таджикоязычные сарты составляли основу населения Ходжентского уезда, а узбекская часть здесь была представлена полукочевыми группами кураминцев, юзов, кипчаков, тюрков (в южных предгорьях кочевали киргизы), то процесс сближения между теми и другими шел здесь примерно в том же направлении, что и между полукочевыми и оседлыми узбеками. Схожесть этого процесса усугублялась тем, что материальная и духовная культура узбеко- и таджикоязычных сартов Ферганы была не только очень близка, но в ряде черт и совершенно одинакова.

Сближению таджиков-сартов с полукочевыми узбеками содействовали те же факторы, что рассматривались в главе об узбеках. Прежде всего, это давние тесные экономические контакты между оседлым и полукочевым населением долины. Например, кураминцы, юзы-баявуты, кочевавшие по правобережью Сырдарьи в западной части долины (и киргизы предгорий), ездили для продажи скота и продукции скотоводства, а также для приобретения товаров земледельцев и ремесленников на базары Ходжентского уезда и в первую очередь г. Ходжента. Здесь почти у каждого скотовода был торговый друг (ошно), у которого он останавливался на период базарных дней и который помогал ему продать товар и купить необходимое. За эту услугу скотоводы расплачивались деньгами или овцами. В свою очередь таджики-сарты отправлялись продавать продукты земледелия, прежде всего фрукты, свежие и сушеные, в кочевья и также останавливались у своего ошно. Были и другие взаимные услуги.

Взаимные угощения, участие в период пребывания у друга в семейных событиях способствовали взаимопроникновению различных черт материальной и духовной культуры полукочевых групп узбеков (и киргизов) и таджиков. Усиленное оседание полукочевников в конце XIX — начале XX в., часто среди таджикского населения (полукочевники оседали и вдали от населенных пунктов, в местах своих былых кочевий), ускоряло появление общих черт в культуре тех и других. Причем преобладали инновации в среде недавних полукочевников. Это объясняется, во-первых, новыми условиями, в которых оказывались бывшие скотоводы, а, во-вторых, значительным численным преобладанием таджикоязычных сартов, более высоким культурным уровнем их, чего уже не могли не осознавать осевшие полукочевники[55].

Функцию межэтнического общения в подобной ситуации, естественно, выполнял таджикский язык. У узбеков (и киргизов) стало распространяться двуязычие. Особенно интенсивно этот про-

[54] Этому в свое время была посвящена мною специальная статья (61).

[55] Об утилитарной и престижно-знаковой функциях инноваций см. статью С. А. Арутюнова (13).

цесс шел в городах и городках (Ходжент, Канибадам, Чуст и др.).

Е. М. Пещерева в 1951 г. сделала в Канибадаме запись о том, что узбеки (в основном юзы) пришли сюда лет 200 назад из Самаркандского оазиса. За это время они отаджичились настолько, что ни в языке, ни в обычаях не отличались от коренных канибадамцев, в то время как потомки их соплеменников, осевших на берегу Сырдарьи, до наших дней сохранили свой язык и самосознание[56]. Н. Турсунов, обследовавший население Ленинабадской области, отмечал, что узбеки-сарты, выходцы из Ташкента, Сайрама, Коканда, Джизака, а также полукочевники групп тюрк, курама, юз, переселившиеся в Ходжент, Канибадам, Кыстакоз, слились с таджиками и перешли на таджикский язык (223, с. 119, 181, 185—194, 259; 211, с. 28). Но о полном слиянии осевших полукочевников с таджиками, особенно в дореволюционной период, говорить трудно (узбекам-сартам слиться с таджиками было гораздо проще, о чем речь пойдет ниже). Н. Турсунов отмечал, что в Ходженте узбеки говорили на таджикском языке только с таджиками, между собой же — на узбекском (223, с. 194). Даже в хозяйственной деятельности (сближение идет в первую очередь в этой сфере) осевшие узбеки долго сохраняли своеобразие, которое заключалось в том, что они не занимались такими высокоинтенсивными видами деятельности, как садоводство, виноградарство, шелководство (223, с. 195).

Процесс сближения (но, думаю, не полного слияния узбеков и таджиков) шел и в районах с преобладанием узбекского населения. Менее многочисленные таджики усваивают узбекский язык[57], более того, утверждают, что полностью обузбечились. Так, в крупном селении Гулякандоз и его окрестностях живут в основном осевшие юзы, прикочевавшие когда-то из Заамина и Самаркандского оазиса. Таджики, переселившиеся сюда из Ходжента, составляют меньшинство. В настоящее время они считают, что обузбечились настолько, что самоназвание некоторых является «узбек», хотя почти все помнят свое таджикское происхождение и таджикский язык (175).

Иначе складывались взаимоотношения с узбекоязычным населением у горных таджиков. Горцы, приходившие на заработки в восточную часть долины, обычно имели дело с узбеками-сартами (и очень немногочисленными таджиками), к которым они нанимались поденщиками, рабочими маслодавилен и т. д. Контакты горцев с издавна оседлыми узбеками были в значительной степени такими же, как и с равнинными таджиками. Только к тем факторам, что заставляли горцев жить на начальных этапах оседания в Фергане замкнутыми землячествами, добавлялись и разные языки, и осознание того, что узбеки — отнюдь не родственный народ,

[56] Запись Е. М. Пещеревой любезно предоставлена мне Б. Х. Кармышевой.

[57] П. Е. Кузнецов сделал это наблюдение перед революцией в Наманганском уезде (110, с. 23—24).

как равнинные таджики. Поэтому, видимо, как писал П. Е. Кузнецов, «каратегинцы (и вообще горцы.— *С. Г.*) сохраняют свою самобытность и не подвергаются тюркизации» (110, с. 14, 23). Но такое положение было лишь в первые десятилетия после оседания их в Фергане.

Со временем под влиянием тех же факторов, что рассматривались в предыдущем разделе, процесс сближения горцев с узбеками не только наметился, но и все больше укреплялся. Но теперь «донором» выступала уже культура узбеков-сартов, а «реципиентом»— таджиков-горцев, поскольку культура издавна оседлых узбеков (как и равнинных таджиков) была и выше, и в данном случае престижнее.

Взаимоотношения горцев с полукочевыми узбекоязычными группами (во всяком случае, на востоке долины) складывались обычно не по модели «работодатель и наемный рабочий», как чаще всего развивались их отношения с узбеками-сартами, а, в лучшем случае, по модели «наемный рабочий и наемный рабочий», так как оседал обычно совершенно разорившийся скотовод, который вынужден был идти в поденщики и осваиваться в новой атмосфере. Поэтому заимствования горцами элементов культуры полукочевых узбеков в конце XIX — начале XX в. не могли быть значительными.

Необходимость приспосабливаться к новой среде заставила в первую очередь усвоить узбекский язык, господствующий в Ферганской области Русского Туркестана. Процесс усвоения узбекского языка таджиками (как горными, так и равнинными) на рубеже веков был, видимо, достаточно активным, если в 1907 г. в отчетах по ревизии Туркестанского края отмечалось, что «среди таджиков наблюдается так называемая сартизация их: они принимают сартовский (т. е. узбекский.— *С. Г.*) язык, оставляя коренной» (136, с. 62). В настоящее время многие потомки переселенцев говорят только на узбекском. Ходирбек Мадкаримов, каратегинский таджик 82 лет из селения Таджик близ Шахрихана, рассказывал, что его жена, тоже каратегинская таджичка, но выросшая в этих краях, родного языка не знает. С ней он вынужден объясняться по-узбекски, в то время как с соседями и собственными детьми говорит по-таджикски. При этом у большинства каратегинцев в Ферганской долине тот же диалект, что и у равнинных таджиков, хотя некоторая часть их сохранила, правда далеко не в чистом виде, свой диалект, которым пользуется исключительно в семейном кругу.

Независимо от степени сохранения элементов родного говора речь большинства ферганских каратегинцев отличает наличие в глаголах повелительного наклонения частицы -чи, усиливающей просьбу, пожелание, приказание (*биёечи*—«входите же», *гиречи*, или *бигиречи*,—«берите же», *бидовчи*—«бегите же» и т. д.). На это обратили мое внимание сами каратегинцы. Равнинные таджики и узбеки, знающие таджикский язык, также отмечали этот элемент

в языке каратегинцев. Это свидетельствует о том, что само население считает его этноотличительным признаком. Более того, во многих районах Ферганской долины каратегинцев отличают от других территориальных групп таджиков именно по частице -чи. О них говорят «Чи-чи» гапирашади», т. е. «говорят с «чи-чи». Или даже называют их *«чи-чилар»,* букв. «чи-чинцы» (кстати, таджиков, прибывших в Ферганскую долину из Самаркандского оазиса, отличает в речи частица *-тон,* имеющая то же значение, что и -чи. Поэтому их называют *«тон-тонлар»,* т. е. «тон-тонцы»). В свое время я считала, что это особенность говора каратегинцев вообще (61, с. 93). Но в беседе с этнографом И. М. Мухитдиновым, уроженцем Дарваза, выяснилось, что для собственно каратегинского говора эта частица не характерна, как не характерна она и для других говоров таджикского языка. Значит, она была заимствована каратегинцами-переселенцами из узбекского языка, в котором эта частица существует с указанной выше функцией. На определенном этапе это заимствование стало настолько характерным для ферганских каратегинцев, что начало служить этническим определителем.

Двуязычие содействовало нарушению замкнутости и строгой эндогамии у горцев. Браки между горцами, в частности каратегинцами, и узбеками имели место и раньше, до оседания первых в Фергане. Так, об отходниках-каратегинцах, привозивших на родину жен-узбечек, писала Р. Л. Неменова (213, т. 1, с. 63). Дед одного из моих информаторов был богатым человеком в Каратегине. У него было семь жен, в том числе учкурганская и кокандская узбечки (кстати, эти жены в качестве приданого получили земли, и дед информатора, будучи каратегинцем, стал владельцем обширных земель в Фергане). В первой четверти XX в. смешанные браки, преимущественно узбекско-каратегинские, встречаются уже чаще. Значительное число моих информаторов, родившихся в начале века, женаты на узбечках. А таджиков из селения Авваль, в основном потомков каратегинцев, и вовсе в народе называют *хашаки* (букв. «несортовой»), так как они давно начали смешиваться с узбеками и потеряли свою «чистоту».

Своеобразным был и процесс сближения равнинных таджиков с издавна оседлыми узбеками. Те и другие — автохтонное население края, древние земледельцы, ремесленники, торговцы. Они были известны у полукочевого населения под названием «сарт». Материальная и духовная культура их, как уже говорилось, во многом была близка, что объясняется и генетической близостью этих народов, и общностью их исторических судеб. Единственным дифференцирующим моментом на пути сближения этих двух групп, казалось бы, были языки. Но языкового барьера между ними не существовало. Почти все таджики, жившие в окружении узбеков, и, наоборот, узбеки — среди таджиков, были двуязычны. Более того, по наблюдениям лингвистов, таджикский и узбекский языки, в частности, на территории Ферганской

долины, подверглись очень сильному обоюдному влиянию. По В. С. Расторгуевой, к настоящему времени почти во всех таджикских говорах Ферганы имеются следы влияния узбекского языка, причем не только в лексике, но и в фонетике, морфологии, синтаксисе (183, с. 44, 45, 50—52, 63, 71 и др.; 184, с. 40, 52, 140—148, 151—153).

Столь же интенсивно таджикский язык влиял на узбекский. Наибольшей иранизации, по наблюдениям Е. Д. Поливанова, подвергся ходжентский говор (в Ходжентском уезде, как уже говорилось, жили в основном таджики); наименьшей — андижано-шахриханский (в Андижанском уезде таджиков было всего 0,61%. — *С. Г.*); промежуточное место занимал маргилано-кокандский говор (в Кокандском уезде было 12% таджиков, в Маргиланском — 5,41. — *С. Г.*) (177, с. 31—46).

Сравнение демографических данных по Ферганской области Русского Туркестана за 1897 и 1907 гг. показывает, что число таджиков здесь (в области их было немного; в 1907 г., как уже говорилось, они составляли всего 6,62% населения) уменьшилось за десятилетие на 6083 человека, т. е. почти на 5,3% (138, с. 11, 17)[58]. В уменьшении числа таджиков (и, напротив, увеличении числа узбеков-сартов за их счет) главную роль, видимо, сыграли численное превосходство в этой части долины узбекоязычного населения и, может быть, политическое господство узбеков.

[58] По Ходжентскому уезду сведения о национальном составе за 1907 г., к сожалению, отсутствуют.

Глава IV. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КИРГИЗОВ ФЕРГАНЫ

Киргизам, в том числе и ферганским, их этногенезу, локализации, материальной и духовной культуре, хозяйству, быту, историко-культурным связям посвящено немало работ. Среди исследований о киргизах последних десятилетий, в которых уделено внимание и ферганским, можно назвать «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции» (220), «Материалы по истории киргизов и Киргизии» (139), монографии К. И. Антипиной (11), В. М. Плоских (173; 174), К. И. Петрова (165), К. Усенбаева (225), А. Абышкаева (4), С. М. Абрамзона (3) и др. Монография С. М. Абрамзона интересна не только многоплановостью, глубиной, обобщающим характером, но и всесторонним и основательным освещением истории изучения киргизского народа (в книге приводится обширная литература по вопросу). Очень много внимания уделено в ней и вопросам консолидации киргизов, процессам сближения их с другими народами.

Проблема взаимодействия и взаимовлияния киргизов и других народов, в том числе на территории Ферганской долины, рассматривается в большей или меньшей степени почти в каждой работе, посвященой материальной и духовной культуре киргизского народа. Не обойтись и в данном исследовании без рассмотрения вопросов взаимоотношения киргизов с различными этническими группами Ферганы, в первую очередь с узбекоязычными сартами. Во-первых, в конце XIX—начале XX в. киргизы представляли большую группу в долине. По численности в Ферганской области Русского Туркестана они стояли на 2-м месте после сартов; в 1897 г. их здесь было 423 639 человек, или 26,3% (136, с. 62)[59]. Кроме того, им принадлежала главнейшая роль во внутриферганском торговом обмене между земледельцами и скотоводами. Все это определило их роль в этнических процесах в Фергане дореволюционного периода.

[59] В это число входят киргизы и каракиргизы. До революции под киргизами понимали казахов, а под каракиргизами — собственно киргизов. В определении числа тех и других в Ферганской долине постоянно допускалась большая неточность. Как показывает этнографический материал, казахов здесь было не очень много (небольшие группы мигрантов из Туркестана, Сайрама, Чимкента и т. д., поселившиеся в основном в Наманганском уезде, к настоящему времени совершенно слились с местным населением, прежде всего в силу своей немногочисленности), в то время как, по статистическим данным Ферганской области за 1907 г., число их составляло 208 553, а собственно киргизов — гораздо меньше, 173 758. Вероятно, обе эти цифры указывают на число собственно киргизов.

К вопросу о формировании киргизского населения Ферганы

Киргизы начали осваивать пастбища Ферганской долины уже в XVI в. Два особо крупных переселения их в Фергану имели место в XVII и XVIII вв., оба под натиском калмыков (81, с. 67, 70, 96). Прибывали киргизы в этот край и в последующие времена, вплоть до революции, причем с различных территорий: Семиречья, Аулие-Аты, Таласа, Кашгара, Алая, Каратегина (и Джергатала), Кашкадарьи и т. д. Все они сыграли существенную роль в формировании киргизского населения Ферганы.

Одной из главных причин переселения киргизов были поиски новых пастбищ. Но кашгарских киргизов Фергана привлекала не только великолепным травостоем Алайской долины (туда прикочевывало немало киргизов из Восточного Туркестана). Причиной их миграции были и высокие подати в пользу китайского правительства (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 10679, л. 71; ф. 23, оп. 1, д. 126, л. 10). Так, в 1878 г. «киргизы в числе 200 кибитковладельцев во главе с Османом Дадахановым рода Сайляк перекочевали из кашгарских владений на границы Андижанского уезда и просили разрешения остаться в Кугартской волости Андижанского уезда» (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 10679, л. 1). В 1879 г. из Кашгара в Ферганскую область прикочевало «50 кибиток» киргизов (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 126, л. 10). Часть киргизов, поселившихся в окрестностях Язъявана Маргиланского уезда, прибыла, как свидетельствует полевой материал, из местечка Сараиди в Восточном Туркестане примерно 325 лет назад (с тех пор сменилось, по словам информаторов, примерно 13 поколений), т. е. в середине XVII в. Предки киргизов рода канды, облюбовавших окрестности Ассаки, прибыли из района Янгисара (город в Восточном Туркестане), а предки киргизов, живущих в селении Гадай (близ Ассаки) — из кашгарского местечка Туябуйин. Из Кашгара же, в частности из местечка Джамбоз, прибыли киргизы, осевшие близ Яйпана (крупное селение к югу от Коканда).

В 1874 г. в Наманганский уезд прикочевало 12 юртовладельцев из Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 13846, л. 1). Притеснения правителей Токмакского уезда вынудили часть киргизов обратиться в 1876 г. к военному губернатору с просьбой о причислении их к Андижанскому уезду (ЦГИА, ф. 1, оп. 16, д. 2348, л. 1—9). Большая часть наманганских и чустских киргизов, как писал В. П. Наливкин, — родственники и свойственники таласских (151, с. 146), что сви-

детельствует, естественно, о переселении киргизов из Таласа. Предки киргизов селения Акбура (близ Ассаки) прибыли из Каратегина около 200 лет тому назад. Путь их лежал сначала в Заамин, а затем, лет через 5—10, они откочевали в места нынешнего их расселения, так как здесь в те времена были более богатые пастбища. Часть киргизов осталась в горах Заамина. Первоначально они гнали овец по адырам, огибающим Ферганскую долину с юга, а затем, когда корм на адырах иссяк, спустились в долину, да так и остались здесь (175). Киргизы селения Хыдырша близ Шахрихана являются потомками одноименного киргизского рода[60] подразделений аккозы и каракозы, прибывших одновременно 150 лет назад из местечка Джаилган-Аксай в Джергатале (Восточный Каратегин)[61]. В окрестностях Язъявана живут потомки алайских киргизов, в окрестностях Боза — кашкадарьинских и т. д.

Поиски новых пастбищ стимулировали и внутриферганские перемещения киргизов. Так, подразделение каракозы рода хыдырша откочевало со временем из-под Шахрихана в окрестности Кызылкия (к югу от г. Ферганы). Несколько хозяйств рода чапкуллык переселилось из окрестностей Сулюкты Ходжентского уезда в Яккатутскую волость Маргиланского уезда. Киргизы рода Бустан, кочевавшие в окрестностях Хайдаркана, откочевали в сторону Маргилана и Яйпана и т. д. (175). Но для рассматриваемого периода характерны были передвижения киргизов, связанные с отходничеством. Нужда гнала массы паупе-ризированных киргизов Алая, Каратегина, Кашгара и других территорий на заработки, часто с семьями, в развивающуюся Фергану. Здесь они нанимались на хлопко- и маслозаводы, каменноугольные и озокеритовые копи, работали поденщиками, батраками, слугами и т. д. и часто оседали в Фергане (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 7897, л. 11; д. 4157, л. 2; 90а, 28; 175). Правда, немало бедняков-киргизов уходили на заработки и из Ферганы в другие области Туркестана (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 33341, л. 91). Но приток в Фергану, остро нуждающуюся в рабочей силе, был более значителен.

Киргизы расселились практически по всей долине. Больше всего их было в Ошском уезде, где они составляли 98,85% населения. Но значительное число киргизов было и в других уездах: Маргиланском — 29,65%, Наманганском — 25,73, Андижанском — 39,66, Кокандском — 6,05 (136,66)[62].

[60] Один из предков этого рода, по преданию, был каратегинский таджик, о чем свидетельствует и наличие частицы -ша в этнониме.

[61] О киргизах Каратегина, в частности Джергатала, см. работы Б. Х. Кармышевой (90а) и А. Абышкаева (4).

[62] О родо-племенном составе и расселении киргизских племен и родов в Ферганской долине см. работы Н. Ф. Ситняковского (193). А. С. Сыдыкова (212), Я. Р. Винникова (46), С. М. Абрамзона (3, с. 10—70).

Сближение части киргизов с узбекским и таджикским населением Ферганы

На всем протяжении существования Кокандского ханства киргизы играли видную роль в его политической жизни. Более того, возникновение этого государственного объединения в значительной степени было обязано и киргизским племенам[63]. Южные киргизы, писал Н. Северцев, как кипчаки и горные таджики (у Н. Северцева «горные сарты»), составляли ядро военной силы Кокандского ханства (190, с. 147—148; 38, с. 422). Они, в частности, принимали активное участие в попытках кашгарских ходжей, осевших в Фергане, вернуть власть в Восточном Туркестане (189; 37, с. 115—116). Киргизы, кочевавшие в Ферганской долине и приписанные к Андижанскому, Ошскому, Наманганскому округам, платили налоги правителю города, около которого кочевали, записаны были в войска этих округов и находились, как писал Ч. Валиханов, «в совершенном подданстве Коканда» (40, с. 379). Тем не менее кокандские ханы вынуждены были считаться с ними. В частности, их заставляло быть более почтительными с киргизами то обстоятельство, что те владели горными перевалами Талдык, Шарт, Терек-Даван, соединявшими Фергану и Кашгар (173, с. 9). Киргизский род сартар, кочевавший близ перевала Терек-Даван, вообще пользовался монополией проводить караваны через перевал и получал от этого главные доходы.

Но и сами киргизы находились в зависимости, прежде всего экономической, от ферганского оседлого населения. Обмен продуктами между киргизами-скотоводами и сартами-земледельцами существовал издавна. Кроме того, «зависимость от Ферганы обусловливалась (и) тем, что на зиму алайские киргизы (как, впрочем, и киргизы других высокогорных пастбищ. — *С. Г.*) должны были опускаться в долину и, следовательно, отдаваться в руки оседлого ферганского населения» (109, с. 373). Взаимная зависимость и потребность друг в друге вынуждала кокандских ханов и киргизских манапов относительно мирно сосуществовать, хотя, как писал М. Д. Скобелев, первый военный губернатор Ферганской области, киргизы Алая отличались воинственностью и часто выступали против ханов (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 137).

С завоеванием Кокандского ханства Россией усилились процессы консолидации ферганских киргизов, сближения их с другими народами края, наблюдались отдельные случаи ассимиляции их сартами.

Взаимоотношения киргизов с различными этническими группами Ферганы, в первую очередь, с сартами, узбеко- и таджикоязычными, имели двоякий характер. С одной стороны, скотоводы-киргизы и земледельцы-сарты, как уже говорилось, издавна зави-

[63] О политической роли киргизов в Кокандском ханстве см. работы В. М. Плоских (173, с. 6—22; 174).

сели друг от друга, поскольку различные типы хозяйства всегда были взаимодополняемыми. С другой стороны, разные типы хозяйственной деятельности, формы быта, обычаи и традиции, ценностные ориентации, определенные этнические предубеждения вызывали у тех и других осознание в представителе противоположного этноса чужака, которое граничило порой с откровенной враждебностью[64].

В конце XIX — начале XX в. сближение киргизов с оседлым населением Ферганы, начавшееся задолго до рассматриваемого периода, резко усилилось. Одним из основных факторов, способствовавших этому, был переход киргизов к оседлости, причем в основном вынужденный. Наиболее благоприятные условия для оседания киргизов (как и других полукочевых групп) сложились в равнинной части Ферганы, хотя процесс оседания достаточно активно шел и на окраинах. Увеличение плотности населения и уменьшение в связи с этим площади пастбищ приводили к падежу скота, что заставляло кочевника, по словам начальника Маргиланского уезда, «идти в среду оседлого жителя, относящегося по старой памяти к нему враждебно, и браться за кетмень» (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 6). Для киргиза, как и любого другого полукочевника, переход к оседлости был нелегким. Условия для оседания, как отмечал начальник Андижанского уезда, «создались отнюдь не в последнее время, не со времени занятия нами края, они существовали и прежде, изменяясь не в пользу киргиз с развитием сартовских поселений, которые все более стесняли территорию, занятую кочевым населением» (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 15, 16).

Превращение Ферганской долины в район монокультуры хлопчатника в значительной степени за счет сокращения пастбищ и выгонов, систематическое изъятие земель у киргизов предгорной зоны для переселенцев из России (кстати, изъятие удобных земель у киргизов имело место и при кокандских ханах (151, с. 34)), начавшееся и все растущее расслоение в киргизских кочевьях — все это ускорило процесс оседания киргизов. Так, в Ошском уезде, население которого состояло в основном из киргизов, ежегодно оседало примерно 480 полукочевников. В целом по уезду только с 1880 по 1892 г. осел 2791 человек (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 24). В 1902 г. в «Ежегоднике Ферганской области» отмечалось: «После сартов по числу идут каракиргизы (киргизы. — *С. Г.*), которых по всей области около 300 000 человек. Из них почти 200 000 человек уже осели в Ферганской долине и занялись земледелием, а остальные занимаются скотоводством и кочуют в долинах и ущельях, окружающих Ферганскую долину гор» (74, с. 5). Даже такие волости, как Кугартская и Яссынская Ошского уезда, которые официально относились к кочевым (196, с. 15, 19), по мнению В. В. Бартольда, только считались кочевыми, а фактически и здесь киргизы перешли к оседлости (19, с. 331). В результате в начале XX в. земледелием занимались 75% киргизов Ферганской области (136, с. 85).

Оседание киргизов (как и других полукочевников) приводило не просто к изменению вида хозяйственной деятельности, что само по себе сближало их с издавна оседлым населением. Оседание постепенно изменяло психологию бывшего полукочевника. В частности, оседлый образ жизни привел к изменению у киргизов (как и других полукочевников) ценностных ориентаций. В прошлом для полукочевника-киргиза пригодная для посева земля не имела никакой ценности (были бы пастбища), чем пользовались земледельцы-сарты, скупавшие ее у киргизов за бесценок. В. П. Наливкин привел целый ряд подобных случаев, среди которых и анекдотический, когда киргиз в 60-е гг. XIX в. продал участок земли в 1/4 десятины около селения Нанай Наманганского уезда за чашку бузы — опьяняющего напитка из проса (151, с. 34).

В конце XIX—начале XX в. земля и вода уже составляли главное богатство осевшего киргиза. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные данные о тяжбах киргизов Ферганской долины уже не из-за пастбищ, а из-за поливной земли (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4317, л. 1; ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 616, л. 1; ф. 23, оп. 1, д. 2280, л. 1—2 и др.). Более того, киргиз не просто экстенсивно использовал плодородную землю, а научился, как сарт, приспосабливать для земледелия и малопригодные участки. Любопытно в этом отношении высказывание начальника Маргиланского уезда в 1892 г.: «К категории осевших кочевников принадлежат те, кои, приобретя недвижимость в долине, совершенно сроднились с оседлым населением, усвоили его привычки, образ жизни и, сделавшись земледельцем, совершенно прикрепились к земле, которую обрабатывали так же хорошо, как и соседи их, таджики и сарты»[65]. (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 6). Это был качественный скачок в психологии недавнего полукочевника, у которого совсем еще недавно, в середине XIX в., по словам В. П. Наливкина, была «какая-то ненависть ко всякому вообще труду, крайнее пренебрежение к земледелию» (151, с. 34).

Если хлебопашеством (плохо ли, хорошо ли) полукочевой киргиз занимался и раньше, то садоводство для него было не характерно. Киргизские селения, как и селения других полукочевников, отличались от сартовских именно отсутствием деревьев. Однако киргизы селения Карагуз Ошского уезда обратились в мае 1881 г. к заведующему ирригацией в Ферганской области (а он к военному губернатору Ферганской области) с просьбой разрешить им переселиться в другое место, так как поливная вода до них не доходит. При этом они просили и раз-

[64] Об этом писал в свое время и В. П. Наливкин (151, с. 39).

[65] Разрядка моя.— *С. Г.*

решения «вырыть из Шахрихансая небольшой арык для орошения деревьев (разрядка моя.— *С. Г.*), которые будут рассажены во вновь построенных курганчах» (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 616, л. 1). Это был следующий значительный шаг в освоении киргизами нехарактерного для полукочевников вида деятельности: с одной стороны. С другой, переход к оседлой жизни привел со временем к тому, что они утратили некоторые типичные только для кочевников и полукочевников виды занятий, например валяние кошм. Так, киргизы селения Кызылаяк (близ Андижана) давно приглашают для этой работы специалистов (как, кстати, и каракалпаки Бозского района), причем из среды узбеков, недавних полукочевников.

Одним из факторов, способствовавших сближению киргизов с сартовским населением Ферганы и даже ассимиляции части киргизов сартами, было дисперсное расселение первых, небольшими группами по 20—60 человек, в равнинной части Ферганы, среди сплошного узбекского населения. Например, в 1890 г. в Яккатутской волости Маргиланского уезда в селении Ахшак жили 349 сартов, 152 уйгура и всего 34 киргиза; в селении Кумарык — 367 сартов, 34 киргиза; в Язъяванской волости того же уезда в селении Буткачи — 223 сарта и 50 киргизов; в селении Янгисай — 1277 сартов, 106 уйгуров, 41 киргиз и т. д. (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 532, л. 226—228). Такая картина наблюдалась почти во всех оседлых волостях.

Расселение небольшими группами в среде почти сплошь узбекского (сартовского) населения облегчало усвоение этой частью киргизов узбекского языка (тем более, что оба они относятся к тюркской семье языков), отдельных элементов материальной культуры[66], а затем и духовной, способствовало появлению смешанных браков, формированию нового этнического стереотипа, отражающего уже симпатию к узбекам-сартам или таджикам. Со временем такие небольшие группы киргизов были и вовсе поглощены сартами, как узбеко-, так и таджикоязычными. «В прежние времена, — писал начальник Кокандского уезда военному губернатору Ферганской области в 1892 г., — в Исфаринскую волость переселилось 12 семей киргизского рода чапку из Ходжентского уезда и 13 семей из Наугут-кипчакской волости и почти слилось с местным населением. В Канибадамскую волость 35 лет назад переселилось 5 семей киргизского рода авахат из Ляйлякской волости и основали выселок Парманкурган, где живут оседло, в Яйпанской волости лет 100 назад поселилось 25 семей киргизов и основали селение Ягнан-яр, живут оседло. И наконец, в Кудашской волости лет 45 тому назад поселилось 10 семей киргизов в селении Чек-Худоярхан и Чек-Малляхан и живут оседло, слившись с местным населением» (ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 4)[67].

Ч. Ч. Валиханов, перечисляя киргизские подразделения, кочевавшие в пределах Ферганской долины в прошлом веке, писал: «Вышепоименованные поколения от постоянных близких сношений с оседлым населением Коканда, по необходимости подчиняясь влиянию узбеков, совершенно потеряли национальный характер и в нраве и в языке совершенно сходствуют с джагатайскими тюрками. Все они занимаются хлебопашеством, многие имеют сады и огороды и большей частью стоят аулами, нередко поблизости городов» (39, с. 342). В материалах по ревизии Туркестанского края отмечалось, что киргизы Найгут-кипчакской волости Кокандского уезда не только переняли язык и обычаи сартов Ферганской долины, но давно признали шариат[68] вместо обычного у киргизов адата[69]. А женщины-киргизки, хотя и не носят покрывал, как сартянки, «но убегают и закрываются при встречах с мужчинами, чего обычно киргизские женщины не делают» (136, с. 183). В. П. Наливкин, бывший очевидцем «сартизации» киргизов, также отмечал: «Нередко случается и теперь слышать в разговоре, что такой-то киргиз сделался сартом. Это значит, что такой-то, оставив кочевой или полукочевой образ жизни, сделался в силу тех или других обстоятельств совершенно оседлым жителем того или иного селения или города» (151, с. 32).

Сближение киргизов шло не только с узбекоязычными, но и с таджикоязычными сартами. Выше уже говорилось о переселении в Исфаринскую и Канибадамскую волости ряда киргизских семей и о почти полном их слиянии с местным населением. В этих волостях основную часть населения составляли таджики. Основой сближения киргизов с таджиками, как и узбеками-сартами, были давние экономические связи земледельцев и скотоводов, что привело к обоюдным заимствованиям элементов материальной и духовной культуры. Причем порой доходило до парадоксов. Так, А. Ф. Миддендорф привел такой пример: «В Нанае (одно из пограничных с киргизскими кочевьями селений на севере Наманганского уезда. — *С. Г.*) таджики уже успели заразиться от товарищей своих, киргизов, и если не совсем подражали им относительно глубины борозды (речь идет о менее глубокой вспашке, чем это было принято у древних земледельцев — таджиков. — *С. Г.*), то уже приблизились к ней» (143, с. 228). В районах контактирования с таджиками киргизы становились двуязычными, а если жили и узбеки, то трехъязычными, как это было, например, в селениях Таджик и Яильма близ Риштана.

Сартизации киргизов содействовали и совместное участие в общественных работах, таких, как рытье каналов, подготовка малопригодных участков к посевам, работа на заводах и фаб-

[66] Материальной культуре киргизов посвящены специальные работы Е. М. Маховой (141), К. И. Антипиной (11), глава в монографии С. М. Абрамзона (3, с. 111—154).

[67] Разрядка моя.— *С. Г.*

[68] Шариат — свод мусульманских правовых и теологических нормативов.

[69] Адат — совокупность норм обычного права.

риках, плантациях и т. д., участие в событиях, радостных и печальных, представителей всех этнических групп того или иного селения или квартала и т. д. Так, каратегинец Комилтога Таиров (82 лет) из селения Холдевонбек близ Шахрихана рассказывал, что в данном селении, основное население которого состояло из узбеков-сартов и каратегинских таджиков, жили и 38 киргизских семей. Отношения между всеми этими этническими группами в начале века были дружественные, приглашали друг друга на свадьбы, празднества по поводу рождения ребенка, обрезания, на похороны и поминки. Киргизы, жившие здесь, со временем переняли многое у сартов, в частности черты свадебной обрядности. Бурихон Мутабекова, киргизка (80 лет) из этого же селения, подтвердила, что свадьбы у киргизов этого селения мало чем отличаются от сартовских. Даже в поминальных обрядах (которые, как известно, особенно устойчивы) здешних киргизов появилось многое, не свойственное им ранее. В частности, если человек умирал зимой или весной до появления первых роз и первых дынь, киргизы этого селения устраивали поминки, помимо обычных поминальных дней, и в период цветения роз, и в период поспевания дынь. Если человек умирал до начала зимы, они устраивали поминки в день первого снега[70]. Подобные поминальные обряды могли быть характерны только для земледельческого населения, но никак для скотоводческого, в данном случае киргизского.

Сближение киргизов с оседлым населением, прежде всего с сартами, в области хозяйственной деятельности, быта, материальной и духовной культур сопровождалось утратой первыми не только остатков родовых связей (в конце XIX — начале XX в. у киргизов равнинной части Ферганы, как писал С. М. Абрамзон, были уже типичные соседские общины земледельцев (3, с. 178)), но и родо-племенных названий. Как говорил мне 80-летний киргиз Мирзаахмат Эралиев из селения Яккатут (близ Маргилана), «алай қырғызлари уруғ қубив юради. Биз қувиб юрмаймиз, чунки ўзбеклашдик»[71], т. е. «это алайские киргизы гоняются за родо-племенным делением. Мы уже не гоняемся, так как обузбечились». Это, конечно, еще не полное слияние с узбеками (или таджиками), хотя сам информатор говорит об обузбечивании. Но этническое самосознание киргизов, особенно на родо-племенном уровне, значительно ослабилось еще до революции. В наши дни оно и вовсе стерлось (что, кстати, свидетельствует и о консолидационном процессе в среде киргизов). Многие старики-киргизы с трудом вспоминают, к какой родо-племенной группе принадлежали их предки, не говоря о молодежи. Киргизы равнинной части Ферганы давно уже осознают себя частью здешнего населения. И когда их звали к себе алайские киргизы, соблазняя овцами, пастбищами, раздольем, они отвечали: «Здесь жили наши деды и отцы, здесь они похоронены, здесь мы родились и выросли. Это наша родина, и она дороже нам овец и пастбищ Алая».

Таким образом, киргизы Ферганской долины к концу XIX — началу XX в. стали подразделяться на две группы. Киргизы, жившие в равнинной части Ферганы и занимавшиеся земледелием, называли киргизов, ведущих полукочевую жизнь в горных и предгорных районах, «адыри қырғызлар» (букв. «адырные киргизы») или «саҳройи қырғызлар» (букв. «степные, т. е. кочующие киргизы»). В киргизском языке слова «саҳро» (степь) нет. Оно явно заимствовано у узбекско-таджикского населения Ферганы. В свою очередь, алайские киргизы и киргизы предгорий называли равнинных киргизов «сарт» (175).

Многовековые тесные культурно-экономические контакты южных киргизов с оседлым узбекским и таджикским населением Ферганы не прошли бесследно и для киргизского языка. В частности, язык южных киргизов, вобравший в себя из языков соседей большое количество ирано-арабских слов, стал серьезно расходиться с языком северных киргизов (243, с. 41).

С 1897 по 1907 г. число киргизов в Ферганской области Туркестана уменьшилось на 41 328 человек, что составило более 9% киргизского населения Ферганской области. Такой в общем-то немалый переход киргизов в состав узбеков-сартов — в определенной степени результат этнокультурного сближения под влиянием естественных факторов. Определенную роль в смене самоназвания (а не полной ассимиляции) сыграл и так называемый «перепад уровней этнической престижности» (14, с. 54). Еще в 1865 г. А. Вамбери писал, что «самоё название узбек[72] приняло (в Кокандском ханстве. — *С. Г.*) некоторый оттенок «бон-тона», так что киргизы, кипчаки, калмыки, обжившись в городах, отрекаются от своих национальностей и называют себя узбеками» (41, с. 188). Причина этого, несомненно, заключалась в более высоком социально-экономическом и культурном уровне оседлого жителя, а также в политическом господстве узбеков[73]. В период активного оседания киргизов (как и других полукочевников) на рубеже XIX—XX вв. фактор этнической престижности узбеков-сартов еще больше усилился, что также сыграло роль в уменьшении численности киргизов на территории Ферганской долины.

[70] О подобных поминках у сартов см. у Б. Х. Кармышевой (98, с. 157).

[71] Беседа с киргизами велась на узбекском языке, так как в Фергане все они давно двуязычны, а представители среднего и молодого поколений говорят предпочтительно на узбекском языке.

[72] По А. Вамбери, это были осевшие (осартившиеся) узбекские племена, не утратившие своего самоназвания (41, с. 188).

[73] А. Вамбери объяснял это явление следующим образом: «Узбеки были несколько сот лет назад преобладающим племенем в Туркестане и приняли учение ислама раньше всех других номадов» (41, с. 188).

Глава V. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Наряду с основными народами (узбеками, таджиками, киргизами) на территории Ферганской долины жило немало представителей других этносов (среднеазиатских арабов, среднеазиатских евреев, среднеазиатских цыган, калмаков, уйгуров, дунган, русских, украинцев, татар и др.). Различная степень давности поселения, неодинаковая численность, этнические особенности, конфессиональная принадлежность и другие факторы определяли своеобразие течения этнических процессов в каждой из этнических общностей. К сожалению, рассмотреть в данном разделе все этнические группы невозможно. Выбор той или иной из них зависел как от степени изученности, так и от той роли, которую они играли в этнических процессах на территории Ферганской долины в предреволюционный период.

Уйгуры в Ферганской долине

Уйгуры — коренные жители Восточного Туркестана, или Кашгарии, — составляли в конце XIX — начале XX в. заметную по численности группу в Ферганской области Русского Туркестана. Здесь они жили практически во всех уездах. По данным за 1907 г., в Ферганской области было зарегистрировано 56 742 уйгура, в том числе в Андижанском уезде 26 182 человека, в Маргиланском — 27 209, в Ошском — 2446, в Кокандском — 235, в Наманганском — 770 (197, прил. 2). Хотя эти цифры очень занижены, они дают представление о расселении уйгуров в Ферганской долине в начале века. И ныне трудно найти здесь район, в котором не было хотя бы одного селения или квартала с уйгурским населением или носящего название Кашгар[74].

Фергану (как и Среднюю Азию вообще) и Восточный Туркестан издавна связывали политические, экономические и культурные взаимоотношения. Население этих двух регионов было

[74] О расселении уйгуров в Ферганской долине в советское время см. работы Т. А. Садвакасова (187, с. 3; 188, с. 96), И. В. Захаровой (79, с. 215—216), Я. Р. Винникова (47, с. 390), Г. М. Исхакова, А. М. Решетова, А. Н. Седловской (89, с. 74).

близко и этнически. По предположению К. К. Юдахина, ферганские узбеки и уйгуры когда-то говорили на схожих диалектах. И только многовековое раздельное существование этих близких в языковом отношении коллективов привело к появлению расхождения в языках (241, с. 30). Б. А. Литвинский же считает, что в древности и средневековье Средняя Азия (и в первую очередь Фергана. — *С. Г.*) и Восточный Туркестан вообще представляли собой единый этнокультурный и исторический регион (122, с. 23).

Одна из важных причин массовых миграций из Восточного Туркестана — борьба кашгарских ходжей за власть в XVI—XIX вв. Родоначальником их был ходжа Махмуд-и А'зам[75], вернее, два его сына, создавшие в Восточном Туркестане две враждебные партии: *актаглыков* (букв. «белогорцев») и *каратаглыков* (букв. «черногорцев») и положившие начало власти ходжей в этом крае. Власть эта длилась с перерывами до середины XIX в. Наибольшего накала борьба достигла в середине XVII в. при Аппак-ходже, главе партии актаглыков, который приобрел славу религиозного патрона и святого не только в Кашгарии, но и в Средней Азии (память о нем до сих пор жива в Ферганской долине). В период междоусобной борьбы ходжей за власть, а также при столкновении их с цинским правительством многие ходжи обеих партий вынуждены были вместе со своими многочисленными мюридами и почитателями спасаться в сопредельных странах, прежде всего в Фергане. По сообщению Ч. Ч. Валиханова, число семей кашгарских ходжей, обосновавшихся в Коканде и Маргилане, в середине XIX в. превышало 200 (40, с. 369). Они были богаты, владели большими землями, имели право на титул «тюра» (букв. «принц, господин, человек высокого происхождения»), который присваивался только принцам. Они могли родниться с бухарскими эмирами и кокандскими ханами (40, с. 369), были особо почитаемы в Фергане. Более того, по словам местного населения, «настоящими, истинными» ходжами в Фергане были только кашгарские ходжи, а титул «тюра» связывают в Фергане только с уйгурами. В этих заявлениях, думается, есть некоторое преувеличение. Но, видимо, популярность кашгарских ходжей в Фергане была так велика, что «святость» и значимость ходжей иного происхождения значительно померкли в глазах ферганцев. Широкая известность кашгарских ходжей была связана, видимо, и с тем, что в числе их мюридов были не только уйгуры, но и киргизы, кочевые узбеки, калмаки, горные таджики (40, с. 369; 175) и даже сарты (175).

Многие из беженцев возвращались на родину, когда страсти несколько утихали и там устанавливался временный мир. И тем не менее значительное число кашгарлыков осталось в Фергане. К 1830 г. в Кокандском ханстве насчитывалось 10—12 тысяч уй-

[75] Ходжа Махмуд-и А'зам Касани — один из крупнейших представителей религиозно-дервишского ордена накшбандийа-ходжаган, родоначальник касанских (Касан — город в Ферганской долине) ходжей, живший в XVI в.

гуров (186, с. 450). К середине XIX в. их было в Ферганской долине уже около 300 тысяч (40, с. 172), а может быть, и больше. Значительная часть переселенцев была известна в Фергане не только под названием кашгарлык (букв. «житель Кашгара»), но и таглык (букв. «горец»). В одной из своих работ Ч. Ч. Валиханов писал: «Таглык — горец есть нарицательное название, распространенное на всех малобухарцев для отличия от низовых туркестанцев (кокандцы кашгарских эмигрантов называют таглыкскими)» (40, с. 364). Вероятно, этот термин есть сокращение от актаглык, так как сам Ч. Ч. Валиханов подчеркивал, что в Кокандском ханстве под названием таглык были известны представители именно белогорской партии (40, с. 369). А поскольку в Фергане актаглыков было намного больше, чем каратаглыков[76], то и сложилось представление о том, что этим термином здесь называли всех выходцев из Восточного Туркестана. Наименование таглык сохранилось как в памяти информаторов, так и в топонимии (60, с. 87; 175). В Восточном Туркестане была известна и этническая группа таглык. Это жители отрогов Западного Куэнь-Луня, ведшие полукочевую жизнь и занимавшиеся скотоводством (59, с. 95). По мнению Б. Х. Кармышевой, они представляют собой остатки древних тюркских насельников этой страны, а именно карлукских и уйгурских племен, впитавших в себя ираноязычных аборигенов (92, с. 204). Но в данном случае речь идет не об этой этнической группе, а о политической, название которой со временем приобрело этнический оттенок.

С занятием русскими Кокандского ханства не прекратились массовые переселения из Восточного Туркестана в Фергану. В 1877 г. умер правитель Кашгарии Якуб-бек[77]. Снова начались смуты, связанные с попытками китайцев захватить Кашгарию, и население этого края вынуждено было искать защиты в соседних странах, в первую очередь в Фергане. Вместе с уйгурами бежали обычно много ферганцев, обосновавшихся в Восточном Туркестане, дунган и представителей других народов. «Кашгарские выходцы прибыли в Ош 29 декабря 1877 г. через Терек-Даван. Всего перешло через Ош 5675 душ, в том числе 4413 мужчин и 1262 женщины. Кроме того, от 100 до 150 человек прошли мимо города Ош», — писал в рапорте от 11 января 1878 г. Туркестанскому генерал-губернатору военный губернатор Ферганской области (ЦГИА, ф. 1, оп. 16, д. 2363, л. 59). Из них «осталось в Оше на жительство, — говорится далее в рапорте, — 1273 дунган и 959 сартов, кашгарских уроженцев (т. е. уйгуров. — *С. Г.*); из этого числа 250 дунган и 50 сартов не имеют никаких средств к существованию. Остальные же или имеют собственные средства к жизни, или нашли себе приют у родственников, так как почти 1/3 Оша — уроженцы Кашгара, поселившиеся в Оше еще во время мусульманского владычества. Все прочие кашгарские переселенцы, принадлежащие к уроженцам городов Ферганской и Сырдарьинской областей, Зеравшанского округа, а также Хивы, Бухары, Афганистана, за весьма малым исключением отправились из Оша на родину» (ЦГИА, ф. 1, оп. 16, д. 2363, л. 60).

Одной из важных причин переселения из Кашгарии было и отходничество. Отходники приходили в Ферганскую долину обычно весной и уходили осенью. Шли пешком через Терек-Даванский перевал. Некоторым моим информаторам доводилось самим ходить по этому пути (в 20-е гг. XX в.), и они дали его описание: г. Ош — мест. Мады — перевал Чигырчик — г. Гульча — сел. Кызылкурган — сел. Супи — перевал Терек-Даван — мест. Коксу — пограничная крепость Иркештам — пограничный пункт Нагора — перевал Машраб-Даван — мест. Кушуки — сел. Кызылуй — г. Кашгар[78]. В быстром темпе летом от г. Ош до г. Кашгар можно было добраться пешком за 11—12 дней, а до г. Яркенд — за 20—23 дня.

В Фергане кашгарцы нанимались на разную работу, но чаще всего на поденную. Они обрабатывали поля, делали гуваля, возводили глинобитные стены и т. д. Правда, в деле возведения глинобитных стен они значительно уступали каратегинским таджикам. Зато кашгарцы были искусными кулинарами и лепешечниками и потому открывали в Ферганской долине большое количество лепешечных и харчевен, особенно в городах, что, кстати, сыграло немалую роль во внедрении в Ферганской долине уйгурской (и дунганской) кухни. Большое число отходников работали на хлопковых полях. На плантациях они в основном обрабатывали в течение сезона хлопчатник. Заработок здесь (он был в несколько раз выше, чем в Восточном Туркестане[79]) давал возможность сезонным рабочим на родине кормиться вместе с семьей в течение зимы. Кроме того, отходники уносили отсюда (чаще всего на себе) мануфактуру, керосин, сахар, железные изделия, в частности гвозди, подковы для лошадей и т. д. И, наконец, здесь они испытывали гораздо меньший, чем на родине, произвол и притеснения со стороны властей.

Развитие промышленности, железнодорожного строительства, увеличение посевов хлопчатника в Ферганской долине, связанные с присоединением ее к России и вовлечением в сферу рос-

[76] Так, только в окрестностях Андижана в середине прошлого века было отмечено 50 тысяч семей актаглыков (40, с. 369), в то время как каратаглыков было относительно немного — 6 тысяч семей (40, с. 369; 40а, с. 137).

[77] Якуб-бек, выходец из Коканда, талантливый полководец, правивший в Кашгарии в 1864 г. сначала от имени Бузурук-ходжи, последнего белогорского правителя, а затем от своего имени.

[78] Ср. этот маршрут с приведенным А. Н. Куропаткиным (113, с. 23).

[79] По сообщению Алима Курбанова, уйгура 84 лет из селения Гузар Пахтаабадского района Андижанской области, поденщик в Фергане зарабатывал в день 1 руб., в Кашгарии же — гораздо меньше. Согласно «Туркестанским ведомостям», в Кашгаре в 1906 г. чернорабочий получал в день 10—11 коп., а в Фергане — от 40—60 коп. до 1,5 руб. (221б).

сийской экономики, повлекли за собой еще больший прилив рабочей силы. Так, по официальным данным, в 1906 г. из Восточного Туркестана в Фергану прибыли 14 689 человек, в 1907—24 107 (217а, с. 143), а в 1908 — более 28 000 (153а, с. 82—83). Степень участия кашгарцев в обработке хлопчатника и в работе на хлопковых заводах была так велика, что когда правительство Китая по совету английского консульства в Кашгарии[80] ограничило переход сезонных рабочих, это поставило под угрозу всю хлопковую промышленность в Ферганской долине (101).

Многие из отходников оставались в Фергане навсегда, обзаводились семьями, вызывали из Кашгарии родственников. Число остающихся в Фергане кашгарцев было довольно большим. Так, только в 1912—1913 гг. разница между вышедшими из Китая и вернувшимися туда составила 13 175 человек (199, прил. 3). Селились выходцы из Восточного Туркестана чаще на свободных землях, там, где было достаточно воды или ее можно было вывести из реки или канала, поскольку они были в основном земледельцами. Многие информаторы отмечали, что раньше на месте уйгурских поселений были тугайные заросли. Выходцы из одного кашгарского селения или квартала обычно и в Фергане занимали один кишлак. В том случае, если уйгуры оказывались первыми поселенцами в том или ином районе, в названиях их кишлаков сохранились наименования кашгарских селений. Так, в Пахтаабадском районе Андижанской области в сельсовете Уйгур, сплошь заселенном уйгурами, все кишлаки одноименны с кашгарскими: Пайоноб, Ковул, Тукё, Пушмон, Озох, Шаврук, Тахтакуприк, Ортиш, Туккиззок, Джанджал, Чангот, Гузо, Пайдо. В сельсовете Илгор Ленинского района Андижанской области, тоже сплошь уйгурском, большинство названий селений также идентичны кашгарским: Олаканот, Курганолди, Кургантепа, Ортиш, Эшакчи, Товокчи, Овот, Кырмачи, Каракий, Повон, Туккиззок, Годира, Кепакчи, Кучачи, Долан, Кашгар; в сельсовете Мустахкам того же района — кишлаки Повон, Ортиш, Джигдазор, Кумарык, Аякчи, Модай и др. (175).

Среди уйгуров, поселившихся в Ферганской долине в прошлом, выделялась этнографическая группа, известная под названием *долан*[81]. В одной из работ Ч. Ч. Валиханов писал, что в 50-е гг. XIX в. в Кокандское ханство переселились 24 тысячи уйгуров, в том числе 9 тысяч доланов, которые осели между Шахриханом и Карасу (крупное селение близ г. Ош) (40, с. 222). Действительно, на всем протяжении от Шахрихана до Карасу по сей день имеются кишлаки с наименованием Долан, свидетельствующим о расселении здесь в прошлом одноименной этнической группы: одно селение — в шести километрах от Шахрихана, два — в Ленинском, два — в Ходжаабадском, одно — в Джалакудукском районах Андижанской области. Старое название селения Карасу тоже было Долан[82]. Население этих кишлаков помнит о том, что их предки были доланами, и о том, что прибыли они сюда примерно в середине XIX в. Об этом же говорят и уйгуры из соседних селений. В большинстве своем доланы — выходцы из кашгарских городов Яркенд, Хотан, Маралбаши, Янгисар, Оват, Меркит. Эти сведения, полученные от информаторов, совпадают с литературными данными о местах былого расселения доланов в Восточном Туркестане (178, с. 488; 40, с. 389; 242, с. 57; 214, с. 94).

[80] Англия, как уже говорилось, была одной из главных соперниц России в Восточном Туркестане.

[81] О происхождении этой этнографической группы, этимологии названия писали Ф. Юнгхесбенд (247, с. 150), С. Гедин (52, с. 332—335), Н. М. Пржевальский (178, с. 488), М. В. Певцов (163, с. 251), Э. Р. Тенишев (214), В. П. Юдин (242, с. 62), С. М. Абрамзон (3, с. 26, 29).

Взаимоотношения уйгуров и узбеков-сартов в конце XIX — начале XX в. имели два направления. С одной стороны, шла ассимиляция части уйгуров сартами Ферганы. С другой, многие элементы материальной и духовной культуры уйгуров были восприняты узбеками (и другими народами Ферганы). Отдельным моментам интеграции ферганских уйгуров и узбеков в области материальной культуры в свое время уделила внимание И. В. Захарова (79, с. 226—298). Г. С. Садвакасов проследил этот процесс в языковой сфере (187, 188). Мы рассмотрим сближение этих народов преимущественно на материале агиологии.

Как уже говорилось, в середине XIX в. в Фергане насчитывалось около 300 тысяч уйгуров, в начале XX в. их число, по официальным данным, не достигало даже 57 тысяч (197, прил. 2). Такое резкое сокращение численности уйгуров в Ферганской долине можно объяснить не только несовершенством сбора статистического материала и возвращением части переселенцев на родину. Довольно важной причиной уменьшения численности уйгуров в этом крае было и слияние части их, причем значительной, с узбекским населением.

Ассимиляция уйгуров с узбеками имела место в первую очередь, естественно, в районах дисперсного расселения первых. Но даже в районах былого компактного их проживания наблюдалось сначала резкое уменьшение их численности, а затем и полное растворение среди местного узбекского населения. Так, анонимный автор начала прошлого века писал: «Город Шахрихан, незадолго перед тем основанный Умар-ханом, и его окрестности почти исключительно населены кашгарцами. Их считают тут 20 000 семей в одном месте» (158, с. 196). Уже в середине XIX в. Ч. Ч. Валиханов писал, что в Шахрихане лишь более половины жителей составляют кашгарцы (40, с. 222). По административным же данным за 1890 г., в Шахрихане было зарегистрировано всего 304 человека при общей численности населения 2273 человека

[82] Узбеки часто называют эти селения Дулона (узб. *дулона* — «боярышник»). В таком же написании они встречаются на картах.

(ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 532, л. 231а). По свидетельству В. А. Парфентьева, часть жителей селения Вуадиль в начале XX в. считали себя узбеками рода «хина» (162, с. 59), но не уйгурами, хотя название «хина» свидетельствует о том, что предки их были переселенцами из Китая, скорее, из Кашгарии. В настоящее время во многих районах Ферганской долины лишь топонимика и рассказы стариков напоминают о былом расселении уйгуров, что свидетельствует о полной ассимиляции их с узбеками.

Несомненно, процесс слияния уйгуров с узбеками облегчался тем, что эти народы очень близки по происхождению, языку, культуре, исповедовали единую религию. Еще один важный фактор способствовал этому—роль кашгарских ходжей в Кокандском ханстве в XVII—XIX вв., которые, как уже говорилось, были очень популярны в Фергане. Созданию вокруг них атмосферы сверхпочитания в немалой степени способствовали сами кашгарские ходжи и их обряды. Так, обряд приготовления и вкушения ритуального блюда белогорских ходжей *сукут* (информаторы называют его «ҳазрат Оппоқ-хўжамнинг ошлари», т. е. «пища нашего святого Аппак-ходжи») обставлялся так торжественно и сопровождался таким количеством предосторожностей и запретов, что невольно вызывал благоговейный трепет и страх, особенно у тех, кто не имел права вкушать его. Особенно подчеркивалась необходимость в соблюдении идеальнейшей чистоты и белизны (белая скатерть, на которой приготовлялось это блюдо, белый фартук, который обязательно надевал приготовляющий сукут, белые полотенца, молочный, т. е. тоже белый, чай и т. д.) во всем, что было связано с этим обрядом. Это должно было, по-видимому, свидетельствовать о том, что учение Аппак-ходжи (букв. «белейший ходжа»), которому посвящался этот ритуал, было чистейшим (белейшим), а значит и истинным.

Делали сукут при различных обстоятельствах: обычно перед обрезанием (за день до этого события), в период болезни одного из членов семьи, при дурном сне, после удачного исхода какого-либо дела и вообще, когда решали на всякий случай помянуть Аппак-ходжу в надежде, что благодать его падет на совершающих этот обряд. Перед началом приготовления сукута совершали ритуальное омовение, одевались во все чистое, садились вокруг скатерти на узкие одеяла (курпача). На скатерть клали продукты, из которых должны были готовить сукут (муку, курдючное сало, соль, сухой чай, молока), а ахун (духовное лицо) читал молитву, освящая их. Затем замешивали несдобное пресное тесто и раскатывали из него небольшие сочни скалкой (сакалак), предназначенной только для этого случая. Сочни обжаривали в растопленном курдючном сале, из которого предварительно извлекали выжарки. После этого в котел с оставшимся жиром (в ряде районов, напротив, считали, что котел обязательно должен быть чистым и сухим) наливали молоко, бросали сухой чай, соль, выжарки и кипятили. Делалось все это молча, говорили лишь при крайней необходимости (кстати, слово сукут на многих тюркских языках, в том числе и на уйгурском, означает «молчание»). Причем, все, начиная от замешивания теста и кончая приготовлением чая, должны были делать старики-ахуны. Правда, во многих районах уже в начале века сукут готовили и пожилые женщины, что, как мне кажется, свидетельствует о вырождении обряда.

Варево в чашах (каса) подавали каждому присутствующему при обряде. В него крошили обжаренные сочни так, чтобы ни одна крошка не упала даже на скатерть, и, помолившись, ели. После еды в посуду наливали немного чая и ополоснув ее, выпивали чай. Делалось это для того, чтобы в чаше не осталось ничего от сукута. В противном случае это было бы кощунством. Всю посуду, полотенца, скатерть ополаскивали в проточной воде арыка, которая считалась сакрально чистой. В арыке же мыли руки и ополаскивали рот. Или воду после мытья посуды и рук выливали в тот же арык, но чаще в укромном месте во дворе, иногда прямо в доме (полы были земляные), в уголке под паласом, где ничто не могло осквернить обмывки. Детям и молодым людям сукут не давали, так как они по неосторожности могли уронить крошки на землю, что являлось величайшим грехом и было чревато плохими последствиями. В частности, считалось, что если ребенок, не вымыв руки после сукута, заденет свое тело, то оно покроется болячками. Кроме того, ни дети, ни молодые люди не умеют читать молитв, а это необходимо было сделать перед вкушением этого ритуального блюда. Нельзя было есть сукут и «черни». Если же у них появлялась необходимость помянуть Аппак-ходжу, они несли все нужные продукты ахунам (а со временем и старухам из рода белогорских ходжей), чтобы они от имени просителей совершили необходимый обряд. Не имели права ни делать, ни есть сукут каратаглыки (принадлежащие к противоположной актаглыкам партии), а также представители иной национальности. Более того, они боялись даже думать об этом, так как вкушение запретного блюда грозило им болезнями, в лучшем случае у них могла высыпать «лихорадка» (герпес).

Слава «святого» Аппак-ходжи была так велика, что со временем его стали признавать и почитать в Фергане и те, кто когда-то отрицал его (например, каратаглыки), и сукут стали готовить почти все уйгуры, независимо от сословной принадлежности. Даже некоторые из ферганских ходжей, сартов по происхождению, тайно, а порой и явно, чтили Аппак-ходжу и при необходимости прибегали к испытанному средству белогорцев — сукуту. Так, Ахмаджон из селения Темирходжа близ Андижана помнит, что его мать, будучи представительницей такой известной в Кокандском ханстве фамилии, как Майдони-ходжа, когда болели дети, тайно ходила к 95-летней старухе-уйгурке с необходимыми для приготовления сукута продуктами, с тем чтобы та совершила обряд в честь Аппак-ходжи и помолилась за здоровье

больных детей. Сама же просительница сукут не ела, так как ей, не уйгурке, есть его было нельзя.

Еще проще смотрели на это ходжи из селения Сайкельди близ Кувы, предки которых (они относились к ходжам рода Имам-А'зам, т. е. «Великого имама») прибыли сюда из Маргилана. Бува-ходжа Султанов (1900 г. р.), в частности, утверждает, что сукут мог есть любой верующий мусульманин, даже если он не уйгур. Но готовить его имел право не каждый. В их селении был старец Якубджан-ота, который имел на это право. И все старики кишлака Сайкельди, независимо от национальной принадлежности, собирались у него для вкушения сукута. При этом Бува-ходжа Султанов признавал, что выучились они этому обряду у уйгуров.

Приобщение ко вкушению сукута для многих ферганцев-узбеков стало большой честью. Так, Амирахон Якубова из селения Кашгар близ Кувы рассказывала, что ее мать, будучи уйгуркой, как и многие уйгуры в первой четверти XX вв., не принадлежавшие к белогорской партии, готовила сукут. Отец же Амирахон был сартом, причем из «черни», и не имел права принимать участия в этом торжественном обряде, хотя очень хотел. Но однажды он зарезал барана в честь Аппак-ходжи, пригласил всю махаллю и объявил всем, что хочет быть кашгарцем, как и его жена, и отныне будет таковым, а значит, будет иметь право вкушать сукут.

Ореол святости вокруг кашгарских ходжей постепенно переносился местным ферганским населением на уйгуров вообще (многие информаторы и в наши дни относят всех уйгуров к представителям «белой кости»), что даже вызывало желание у ферганских сартов сочетаться браком с уйгурами (последние, между прочим, тоже назывались сартами, только кашгарскими), хотя они и были чужеземцами. Что касается уйгуров, то их бракам с ферганцами, помимо указанных причин, способствовали и численное превосходство узбекоязычного населения в Фергане, и определенная социальная зависимость от него. Так или иначе, но сартовско-уйгурских браков в Ферганской долине конца XIX — начала XX в., видимо, было уже немало. Пожалуй, только в нынешнем Пахтаабадском районе Андижанской области, где находится в настоящее время самый крупный массив уйгурского населения, уйгуры сохранились ко времени советской власти в относительной чистоте. Многие старики даже в наши дни говорят только на уйгурском языке и совершенно не знают узбекского, хотя здешние узбеки знают уйгурский. Браки заключаются только эндогамные, самосознание сохранилось довольно четко, в то время как на остальной территории Ферганы сплошь и рядом уйгуры называют себя узбеками.

Несколько иные взаимоотношения сложились между ферганскими сартами и этнографической группой уйгуров долан. Группа эта эндогамная, не вступавшая в прошлом в брачные связи даже с другими группами уйгуров. Для сартов-узбеков они тоже не представляли «интереса», так как над ними не витал ореол избранности, как над остальными уйгурами: доланы не только не принадлежали к партии белогорцев (поскольку были выходцами не из Кашгарского оазиса, где поклонялись Аппак-ходже, а из Яркендского, Хотанского и др.), но даже со временем не стали последователями их учения.

Цыгане в Ферганской долине

В 1907 г. в Ферганской долине был зарегистрирован 781 цыган (197, прил. 2). Но эти данные вряд ли отвечали действительности. Большинство цыган вели бродячий образ жизни, а это не способствовало сбору точных сведений об их численности. Однако уже до революции существовали в городах и крупных селениях цыганские кварталы, что свидетельствовало о наличии у них определенной оседлости в то время. Так, в том же году в Андижане было зарегистрировано 195 цыган, в Коканде — 150, Скобелеве — 146, Оше — 12, Старом Маргилане — 6 (197, прил. 2). В сельской местности их было зафиксировано гораздо меньше: в Наманганском уезде 93 человека, Андижанском — 69, Кокандском — 48, Ошском — 38, Маргиланском — 24 (197, прил. 2).

В Ферганской долине, как отмечал В. И. Кушелевский, жили цыгане нескольких групп. Одна группа — *люли*, которая, по В. И. Кушелевскому, подразделялась на оседлых, занимавшихся ремеслом (*касиб*, букв. «ремесленник»), и бродячих (*мультан*)[83] (115, т. II, с. 155). Самоназванием другой группы было *балюджь*, т. е. «белуджи». Местное население называло их *кара-люли* («черные люли»), *ауганы-люли* («афганские люли») или *индустани-люли* («индийские люли») (115, т. II, с. 156). Отмечал В. И. Кушелевский и цыган-*маганг* (115, т. II, с. 158). Происхождение, образ жизни, занятия, язык, материальная и духовная культура указанных групп, взаимоотношения их с окружающим населением были в целом такими, как и у остальных цыган среднеазиатского региона, и исследовались многими авторами (218, 219; 193а; 193б; 148; 149; 159). Поэтому остановлюсь лишь на совершенно не исследованной малочисленной группе так называемых кашгарских цыган, или *ага*, которые жили в Ферганской долине в конце прошлого — начале нынешнего века.

Из литературы об этой группе на территории Ферганы известно очень мало. Лишь В. И. Кушелевский отметил в своем труде «небольшой народец» ага, который называли еще кашгарскими цыганами (115, т. II, с. 158). В. П. Наливкин, а вслед за ним И. И. Гейер привели легенду о том, как пленным персам, поселенным в Ферганской долине в XV в., были отданы в жены каш-

[83] Название дано по индийскому городу Мултан.

гарские цыганки рода ага (151, с. 23; 53, с. 253)[84]. Мое знакомство с этой группой началось с легенды, услышанной в селении Акбура близ Андижана. Давным-давно, когда жил Аппак-ходжа, представители одной, тогда еще безымянной группы преподнесли своему патрону вырезанную ими деревянную чашку — аяк[85]. Выпил Аппак-ходжа из этой чашки воды — а она ледяная. Понравилось ему. И назвал он эту группу аякчи, т. е. «специалисты по выделыванию деревянной посуды». Другую же группу, представители которой поднесли Аппак-ходже бусину, он назвал повон[86].

Согласно легенде, в Восточном Туркестане существовали две близкие друг другу этнические группы — аякчи и повон. Первая занималась, видимо, деревообделочным ремеслом, а вторая—ювелирным или мелочной торговлей[87]. Самоназвание этих групп, помимо указанных, — ага. Кроме того, они считают себя одним из подразделений уйгуров, хотя четко отличают себя от них. Представители же молодого поколения и вовсе считают себя уйгурами. Сами уйгуры не смешивают себя с повонами и аякчи. Узбеки в наши дни именуют тех и других кашгарлыками, т. е. кашгарцами, как и вообще всех выходцев из Восточного Туркестана. Родным языком повоны и аякчи считают уйгурский, но употребляют в речи и значительное число лексем, отсутствующих в уйгурском языке. Мой информатор, уйгур, живущий по соседству с повонами и аякчи, в качестве примера привел два слова: сухолла («бей»)[88] и газла («ругай»). Являются ли эти лексемы элементами «секретного» языка, сказать пока трудно, но уйгуры утверждают, что многого не понимали в речи этих групп. Различалась также речь повонов и аякчи. Но отличия эти, судя по объяснениям информаторов, видимо, в основном интонационного характера. В настоящее время все они, как и уйгуры, говорят на узбекском языке. Раньше повоны и аякчи вели бродячую жизнь небольшими группами, каждая из которых объединяла несколько, по всей вероятности родственных, семей. Но в конце XIX — начале XX в. они начали постепенно оседать, хотя элементы прежней бродячей жизни долго сохранялись и после революции.

[84] Вопрос об общности ага и ферганской группы среднеазиатских цыган пока не выяснен. В литературе имеются сведения о связи цыганообразных групп населения Средней Азии, в частности Ферганы, с цыганами Индии и Восточного Туркестана (159, с. 25).

[85] Одно из значений аяк//аяг во многих тюркских языках — «чаша, посуда» (191, с. 105). В Кашгарии так называли чаши средней величины (52, с. 456).

[86] Этимология слова «повон» пока неясна.

[87] Ср. с группами среднеазиатских цыган *тавоктарош* («мастер по изготовлению деревянной посуды») и *маханг*, которые занимались отчасти ремеслом, отчасти мелочной торговлей (148, с. 9, 10; 92, с. 253—256).

[88] Ср. soxuntmoq — «бить», soxun — «бей» в языке абдалов Восточного Туркестана (219, с. 273).

Прибывали отдельные группы кашгарских цыган, видимо, с уйгурами, бежавшими от засилья китайского правительства. В своих рассказах они, как и уйгуры, упоминают о смутных временах в Кашгарии. Было это предположительно в первой половине XIX в. Почти все повоны назвали родиной своих предков кашгарское селение Похтак, вторым названием которого было Повон, а аякчи — кашгарское же селение Буйрактай. По разрешению кокандского хана беженцы решили поселиться в окрестностях Ассаки. Эти места привлекали их густыми тугайными зарослями, напоминавшими о родине. Кроме того, здесь росли в изобилии турангул и ива, ветви которых служили основным материалом для плетения корзин. Затем часть из них переселилась в окрестности Коканда и другие районы. В настоящее время, по полевым данным, группа ага живет компактно в кварталах Повон и Аякчи селения Акбура (примерно 100 семей), Повон селения Кызылаяк (примерно 80 семей) недалеко от Андижана. Примерно 60 семей повонов живет в Коканде. Несколько семей зарегистрировано мною и в Базаркурганском районе Ошской области, одна семья — в Гулькишлаке Туракурганского района Наманганской области. За пределами Ферганской долины, по словам информаторов, около 50 семей живет в совхозе «Учхоз» Тойтепинского района Ташкентской области и около 10 — в селении Караболти Фрунзенской области Киргизской ССР.

Хотя кашгарских цыган было не очень много в Ферганской долине, как, впрочем, и в Восточном Туркестане[89], они сумели найти свое место среди населения долины и внести свой вклад во внутрихозяйственный обмен, существовавший здесь на рубеже веков. В характере основных занятий этих двух групп были особенности. Основным занятием группы аякчи на территории Ферганской долины, как и на ее родине, в Восточном Туркестане, было плетение из ветвей ивы и турангула корзин различной формы и назначения и кузовов для арб, изготовление из ореховой древесины ленчиков для седел, лопат, чашек различной величины, калош на трех ножках (*хаккаль-ковуш*, букв. «сорока-калоши»), которые носили в дождливую погоду, а также шитье хомутов, потников и других предметов конской сбруи из кожи[90]. Изделия из дерева и кожи изготовляли в основном мужчины, а плели корзины женщины и дети. Занимались ли аякчи изготовлением сит, решет, бубнов, сказать трудно, так как сами аякчи и родственные им повоны отрицают это (этим видом ремесла якобы занимались среднеазиатские цыгане — люли, с которыми, по утверждению информаторов, ага не имели никакой связи),

[89] М. В. Певцов в прошлом веке писал: «К числу оседлых обитателей Кашгара принадлежат еще около 300 семейств цыган, из которых 270 проживает в Кашгарском оазисе, а остальные 30 — в Яркендском» (163, с. 112).

[90] М. В. Певцов писал: «Они (цыгане Восточного Туркестана.— *С. Г.*) занимаются преимущественно плетением корзин и отчасти барышничеством (163, с. 112).

а живущие по соседству уйгуры утверждают, что занимались. При этом женщины якобы плели сита, а мужчины гнули ободья. Вполне возможно, что к настоящему времени этот вид ремесла утрачен ими, как и перечисленные. Сохранилось только плетение корзин. Корзины, сделанные аякчи (а их плели и каракалпаки, и узбеки), даже в наши дни ценятся в Ферганской долине как изделия высокого класса. А сами аякчи известны среди местного населения в основном под названием *саватчи* («мастер по плетению корзин»). Более того, в настоящее время все аякчи из селения Акбура объединены в бригаду по плетению корзин при Андижанской фабрике художественных изделий (надомный труд), а их работы постоянно демонстрируются на выставках узбекского (обратим внимание: узбекского!) народного искусства, хотя в бригаде нет ни одного узбека и вообще представителя другой национальности.

В прошлом повоны, подобно среднеазиатским цыганам мазанг, занимались ювелирным ремеслом, отчасти мелочной торговлей. Ювелиры выделывали дешевые украшения из меди (кольца, браслеты, серьги и т. д., возможно и бусы). Их называли *заргар* («ювелир») или *мунчоқчи* («специалист по изготовлению ожерелий из бусин» — вспомним, что, по легенде, они поднесли Аппак-ходже бусину). Кроме того, одним из их занятий была торговля вразнос галантерейным и парфюмерным товарами (нитками, иголками, зеркалами, красками и т. д.), а также жевательной смолой (сақич), леденцами.

Сбытом своих изделий аякчи и повоны занимались сами. До революции продавали и обменивали на что-нибудь в основном по дворам, разъезжая на арбах, запряженных ослом (лошадь была у более зажиточных), или просто на осле. На базаре продавали редко. Поскольку их товар предназначен был прежде всего для женщин, продажей по дворам занимались женщины: аякчи с пирамидой из восьми-десяти корзин на голове, а повонки — с хурджунами из алачи (мешки из хлопчатобумажной полосатой ткани) через плечо. Мужчины в это время караулили арбу. Даже на базаре продажей занимались женщины, а мужчины сидели рядом.

В поисках мест, богатых сырьем, и для сбыта своих изделий кашгарские цыгане отправлялись всей семьей на несколько месяцев и даже лет в отдаленные районы, доходя до самых дальних районов Ферганской долины и даже до Ташкента и Фрунзе. При этом аякчи предпочитали районы, богатые тугайными зарослями, например берега Сырдарьи, изобилующие ивой и турангой, где делали для тамошнего населения корзины. Повоны отправлялись в зерновые районы, где обменивали керамическую посуду на зерно и шерсть, а свой немудреный товар — и на утиль, который сдавали на заготовительные пункты. Ни нищенством, ни знахарством, по свидетельству информаторов, эти группы не занимались, считая это недостойным ремеслом.

К концу XIX — началу XX в. некоторая часть повонов стала переходить к земледельческому труду, который, правда, долгое время совмещали со своим основным ремеслом. Нишанбай Фазылов (повон, 1900 г. р.) рассказывал, что его отец имел четыре танапа земли, чего, конечно, было мало. Сам информатор по этой причине вынужден был идти в издольщики. Судя по тому, что Нишанбай Фазылов разбирается в тонкостях земледельческого труда, можно думать об определенной потомственности в этом виде деятельности. Ни повоны, ни аякчи ткачества в прошлом не знали. Но выучились ему у узбеков, правда, относительно недавно, в период первой мировой и гражданской войн, когда исчезновение мануфактуры вынудило заниматься этим ремеслом очень многих. В настоящее время повоны, живущие в селениях Акбура и Кызылаяк, — колхозники, а живущие в Коканде работают на различных предприятиях. В свободное время повоны-кокандцы продолжают заниматься традиционным ремеслом и продают свои украшения из меди и алюминия оптом или в розницу. Кстати, одним из оптовых покупателей их изделий являются мазанги, которые и сами делают подобные вещи.

В конце прошлого — начале настоящего века кашгарские цыгане жили в глинобитных домах. Но, как говорили сами представители аякчи и повонов, в весенние и осенние дождливые дни, когда начинала протекать крыша в домах, они временно переселялись в шалаши из дугообразно согнутых ветвей ивы. Верх шалаша покрывали мелкими ветвями ивы, камышом, который рос в изобилии в тугайных зарослях, сухой травой и даже войлоком. Вход в шалаш закрывали не плетеной циновкой, а полотнищем из камыша или куском старого паласа. Летом тоже переселялись в шалаши, так как в них, по свидетельству информаторов, было прохладнее, чем в домах. В холодное время года в шалаше (ближе к выходу) разжигали костер. Для приготовления пищи над костром устанавливали треножник. Все это заставляет предполагать, что исконным жилищем кашгарских цыган был шалаш, а глинобитные дома появились у них после оседания под влиянием местного населения. При этом в одном дворе, обнесенном глинобитной стеной, жили часто несколько родственных семей, ведущих раздельное хозяйство. Такой двор называется курган. В период поездок по населенным пунктам (а отправлялись чаще всего на весенний и осенний период) они устраивались в пустовавших домах отходников или, по договоренности, в одном из свободных домов местных жителей. Вне населенного пункта на ночь старались не останавливаться: шатров у них не было. В крайнем случае устраивались спать в арбе.

Одежда и мужчин, и женщин также не отличалась от общеферганской. Но старые повонки носили на голове и небольшие тюрбаны (лякки) из квадратного белого платка. На тюрбан накидывали белый же платок большего размера. Женщины-аякчи носили не тюрбаны, а только платки, сложенные треугольником.

Один из повонов говорил по этому поводу с оттенком некоторого превосходства: «Яланг юрар эдилар» (букв. «ходили непокрытыми», т. е. без тюрбанов). Паранджу женщины-ага в отличие от узбечек и таджичек не носили. Татуировкой себя не украшали, но дешевые браслеты, кольца, серьги любили.

В рассматриваемое время повоны и аякчи пользовались в основном керамической посудой, что объясняют исчезновением деревянной посуды на рынках. Но отголоском использования в прошлом преимущественно деревянной, более удобной при бродячем образе жизни, служит признание одного из информаторов-повонов о том, что есть из деревянной посуды было бо́льшим подным делом *(савоб)*, потому они до сих пор стараются при случае купить деревянные чаши у киргизов, которые даже в наши дни еще делают их, правда, в основном для собственных нужд.

Кашгарские цыгане — мусульмане-сунниты, но отношение их к религии было более чем индифферентным. Необходимые обряды совершались в упрощенном виде без особого рвения и должного благоговения. Даже к Аппак-ходже, который, судя по легенде, дал имя (а значит и самосознание) обеим группам кашгарских цыган, относились, видимо, спокойно, без трепета, а к ритуальному блюду — сукуту — как к обычной пище.

И аякчи, и повоны — группы эндогамные. В брачные союзы не вступали не только с уйгурами, узбеками и другими окружавшими их народами, но и между собой. Запрет на браки между повонами и аякчи был даже более жесткий, чем с представителями других национальностей. Правда, в рассматриваемое время запрет вступать в родственные отношения с представителями других национальностей уже начал нарушаться. Но при этом, если допускалась женитьба, например, на узбечках, то своих дочерей старались узбекам не отдавать. Хотя были и исключения. Так, мать одного из информаторов была аякчи (1900 г. р.), а отец — узбек (1886 г. р.). Стремление вступать в браки только в своей среде в значительной степени сохранилось до наших дней. Предпочитались всегда (и в настоящее время тоже) кузенные браки. По этому поводу у повонов существовала даже поговорка: «Тоғанинг ямаги тоғага» (букв. «Заплатка одного дяди по матери для другого дяди по матери»), что означало предпочтительность браков внутри близкородственной группы. Единственным условием при этом было, чтобы вступающие в брак не были молочными братом и сестрой.

Строгая эндогамия усиливала замкнутость аякчи и повонов и замедляла естественные процессы сближения не только с узбеками, но и с уйгурами Ферганы. Однако в настоящее время процесс стирания былых граней, начавшийся в конце прошлого века, усилился. Зарегистрированы браки не только между ага и узбеками, уйгурами, но и между повонами и аякчи.

Среднеазиатские евреи в Ферганской долине

Среднеазиатских евреев относят к коренным жителям Средней Азии[91], так как поселились они здесь очень давно[92]. Большая часть их жила в Самарканде и Бухаре. В городах же Ферганской долины они появились довольно поздно. Так, по данным администрации Ферганской области за 1894 г., многие евреи прибыли сюда из Самарканда и Бухары в первой половине XIX в. (ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 415, л. 1—17; ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3606, л. 2—6). Об этом же свидетельствуют и мои информаторы. По материалам, представленным туркестанским генерал-губернатором Главного штаба в мае 1899 г., в Ферганской области к этому времени жили уже 3113 среднеазиатских евреев (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 202). В Самаркандской области Русского Туркестана в это же время зарегистрирован всего 1891 представитель этой этнической общности. А, как известно, в эту область входил и Ходжентский уезд. Значит, число среднеазиатских евреев в Ферганской долине было еще бо́льшим. В Сырдарьинской области их насчитывалось 1505. Таким образом, больше всего среднеазиатских евреев на территории Русского Туркестана проживало именно в Ферганской долине.

Переселения евреев в пределы Русского Туркестана, в том числе и в Ферганскую долину, были вызваны в основном тяжелым положением их в Бухарском и Хивинском ханствах. Из-за враждебного отношения властей к иноверцам, в данном случае к представителям иудейской веры, среднеазиатские евреи находились в указанных ханствах (как впоследствии и в Кокандском) на положении парий (152, с. 12; ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 80—90). Еще более приниженным было положение евреев-мусульман, т. е. тех, кого угроза смертной казни или беспросветная нужда заставили принять мусульманство. За ними закрепилось прозвище «чала», т. е. «неполноценный (еврей)» или «полуеврей-полумусульманин» (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 10437, л. 1; 15). Их сторонились не только мусульмане, но и правоверные евреи, хотя почти все «чала» только по внешним проявлениям были мусульманами, в душе же оставались верными иудаизму и у себя дома взаперти совершали еврейские религиозные обряды. Такая жизнь, естественно, приводила к еще большей замкнутости этой группы. Селились они отдельно, в особых кварталах, и сочетались браками только между собой, так как ни истинный мусульманин, ни тем более еврей не отдавали им своих дочерей (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 10437, л. 1).

[91] Специальных работ по среднеазиатским евреям очень немного (179; 5; 6; 15; 90). Сведения о них имеются и в неспециальных работах, например, у В. П. Наливкина (152, с. 11—13), В. В. Бартольда (19; с. 374—375).

[92] Исторические сведения о времени поселения евреев в Средней Азии и позднейших их миграциях приведены В. П. Наливкиным (152, с. 12) и Я. И. Калонтаровым (90, с. 611—614).

После присоединения Средней Азии к России тяжелое положение еврейского населения в Русском Туркестане, в том числе Фергане, было несколько смягчено, что вызывало массовые переселения их сюда из Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Новая власть особенно устраивала евреев-чала, так как при ней они получали возможность вернуться в свою веру. Определенная часть евреев, более или менее состоятельная, решила переселиться на территорию Русского Туркестана в надежде заняться здесь предпринимательской деятельностью. В Фергане, где развитие капитализма началось раньше, чем на остальной территории Русского Туркестана, было больше возможностей для предприимчивого человека. При ханской власти торговлей занималось относительно небольшое число евреев. Как писал В. П. Наливкин, полная бесправность заставляла «всех евреев, не имевших покровителей среди правящего класса, тщательно скрывать свои сбережения и капиталы», чтобы они не были конфискованы (152, 13). Царское же правительство не только разрешило евреям торговать, но на первых порах даже всячески поощряло их. Более того, первый туркестанский генерал-губернатор К. П. фон-Кауфман видел «высокую полезность их в деле торговой жизни края и товарообмена с Россией» (106). И расчеты эти оправдались.

Роль среднеазиатских евреев (как впрочем и европейских) в экономической жизни Туркестана, Ферганской области в том числе, стала довольно значительной. Так, только в Ферганской области по состоянию на декабрь 1898 г. 693 торговых и промышленных заведения находились в руках евреев (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 126). Оптовые торговцы из числа среднеазиатских евреев, приобретавшие товары большими партиями у московских фабрикантов, пользовались у них широким и долгосрочным кредитом (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 144), что свидетельствовало о доверии к ним как торговым деятелям. По признанию московских мануфактуристов, ведущих дело со Средней Азией, «бухарские евреи представляют главный элемент покупной силы» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 143).

Несмотря на то, что среднеазиатские евреи своей деятельностью способствовали укреплению торговой и промышленной жизни в завоеванном крае, что, по признанию русской печати того времени, готовило почву «для русской гражданственности» (106), положение их в Туркестане было далеким от равноправия. Особенно ухудшилось оно в 1890—1900 гг., когда политическая и экономическая власть царизма здесь укрепилась и надобность в проводниках русской экономики отпала. Кроме того, в эти годы усилилась колонизационная политика в Туркестанском крае, одним из элементов которой было заселение края наиболее надежным для царского правительства населением — русскими крестьянами. Именно поэтому в лицах других национальностей

и вероисповедания, в том числе и среднеазиатских евреях, администрация Туркестана отныне не нуждалась. И наконец, в эти годы в России, в том числе в Туркестане, усилилось революционное движение и царизму необходимо было направить возмущение масс в другое русло. «Еврейский вопрос» здесь был как нельзя кстати. Правда, в Туркестане этот вопрос особенно остро был поставлен лишь с 1910—1911 гг. До этого местная администрация относилась к евреям более или менее доброжелательно и давала им возможность обходить закон «о праве на жительство» (5, с. 19), хотя заговорили об ограничении прав евреев уже в 1886—1887 гг.

Ограничение в правах среднеазиатских евреев проявилось прежде всего в запрещении приобретать земельную собственность. Статья 262 «Положения об управлении Туркестанского края» гласила: «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских вероисповеданий воспрещается» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3606, л. 7). К иностранным подданным причислялись те евреи, которые появились в крае после присоединения его к России. Те же, которые поселились здесь раньше, относились к местному населению. Для евреев — иностранных подданных с 1900 г. была сокращена черта оседлости в Туркестане. Они имели право жить лишь в трех пограничных городах края: Катта-Кургане (на границе с Бухарским эмиратом), Петро-Александровске (на границе с Хивинским ханством) и Оше (на границе с Восточным Туркестаном). Со временем, вследствие ходатайства еврейских общин, они получили право жить еще в трех городах Русского Туркестана: в Самарканде, Коканде, Старом Маргилане (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 14; ЦГИА, ф. 298, оп. 1, д. 116, л. 6; 5, 21). Три города из шести указанных находятся на территории Ферганской долины: Ош, Коканд, Старый Маргилан.

В дальнейшем, следуя общей для всей империи тенденции ограничивать права евреев, туркестанская администрация стала причислять к иностранному подданству всех туркестанских евреев, независимо от времени поселения их здесь, с тем чтобы выселить. Никакие доказательства и свидетельства о давнем проживании их в том или ином городе Русского Туркестана еще при ханском владычестве администрацией не принимались, а на прошениях налагалась резолюция: «Отказать и выселить на основании секретного представления Туркестанского генерал-губернаторства» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4211, л. 1). Выселению подлежали около 5000 человек (106).

Еврей, признанный по «Положению» 1887 г. местным жителем, вынужден был теперь выносить массу унизительных процедур для получения особого удостоверения, признававшего за ним права местного еврея, или «Билета», разрешавшего ему прожи-

вание в Туркестанском крае в течение определенного срока (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, л. 1). Местная администрация могла незаконно конфисковать его имущество (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2452, л. 3), отказать в решении того или иного пустячного вопроса (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3745, л. 4, 17) и т. д. Рассчитывать на человеческое отношение не могли даже те, кто имел непосредственные заслуги перед царским правительством. Так, Борух Юшваев служил в отрядах генерал-адъютанта Скобелева и принимал участие в завоевании Кокандского ханства в 1876 г. Затем он поселился в Узгене, где вел небольшую торговлю шелком и мануфактурным товаром. К старости он стал хлопотать о назначении ему пенсии. Туркестанская администрация, хотя и признавала его заслуги, в пенсии ему отказала, мотивируя отказ тем, что он обеспечивал себя торговлей (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2187, л. 3). В архивах сохранилась масса прошений среднеазиатских евреев о разрешении им проживать в Андижане, Коканде, Старом Маргилане. Среди просителей были и те, кто служил в Туркестанском крае пять лет (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4211, л. 1, 10, 11).

Усилиями еврейских общин, русских центральных промышленных организаций, купечества, которые были связаны со среднеазиатскими евреями деловыми отношениями, и, наконец, русской прогрессивной интеллигенции, которая постоянно выступала в печати в защиту ни в чем неповинных людей, выселение несколько раз отсрочивалось. Начало Первой мировой войны задержало решение этого вопроса. Но только Октябрьская революция положила ему конец.

Евреи и при ханской власти, и при царизме не имели права жить в сельских местностях. Существовал даже специальный закон от 3 мая 1882 г., запрещавший евреям селиться в сельской местности и приобретать или арендовать там недвижимое имущество (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 80—90; д. 4262, л. 64; д. 2083, л. 5). Поэтому они жили в городах, где занимались различными видами ремесел. По данным переписи 1897 г., в Коканде жили 1029 евреев, в Андижане — 721, Старом Маргилане — 652, Новом Маргилане — 188, Намангане — 121, Оше — 46 (138, с. 11). Были среди евреев резники, ювелиры, парикмахеры, портные, сапожники, повара, пекари, кучера, прачки, чернорабочие. Женщины из бедных семей, умеющие петь и танцевать, выступали на свадьбах и празднествах не только еврейских, но и мусульманских и назывались *сазонда* (90, 630). Очень многие евреи в Ферганской долине занимались крашением пряжи в синий цвет краской индиго холодным способом (этим промыслом занимались исключительно они) 152, 13)[93]. До прихода русских в край, как писали супруги Наливкины, евреи занимались в Ферганской долине и винокурением, и русской администрации стоило немало труда, чтобы

[93] Технология окрашивания пряжи в синий цвет холодным способом описана С. С. Андроновым (195, с. 118).

хотя бы частично сократить это производство (153, с. 126—127). Часть евреев занималась ростовщичеством, чем закабаляла местное население, очень многие жили торговлей, крупной или мелкой, в зависимости от состояния. Так, в 1896 г. только крупных торговцев в Ферганской долине было зарегистрировано 223 (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1471, л. 26, 71). Из числа евреев же выходили комиссионеры, приказчики, маклеры (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1190, л. 2; д. 1471, л. 153; ЦГИА, ф. 19, оп. 1, д. 8847, л. 1—3; ф. 23; оп. 1, д. 1095, л. 13, 13*а*).

Сближение среднеазиатских евреев с местным населением началось очень давно, несмотря на то, что религия и неблагоприятные исторические условия обрекали их на замкнутый, изолированный образ жизни. Результатом этого является и замена еврейского языка диалектом самаркандско-бухарской группы таджикского языка, и наличие в одежде, пище, интерьере жилища, обычаях, обрядах, музыкальной и бытовой культуре большого количества элементов, характерных для таджикско-узбекского населения. Русская администрация писала в прошлом веке: «Хотя евреи... не смешиваются с туземным мусульманским населением вследствие религиозных особенностей, но в образе жизни, одежде и характере постройки домов мало разнятся от местного сартовского населения» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1190, л. 2). Завоевание Средней Азии, в том числе Кокандского ханства, Россией способствовало некоторому раскрепощению евреев. У них появилось больше предпосылок для сближения с местным населением. В Ферганской долине евреи усвоили и узбекский язык, а также локальные особенности ферганской одежды и вообще ферганской бытовой культуры. Но полного растворения евреев среди местного населения не произошло. Сохранение ими национального самосознания связано прежде всего с религиозной принадлежностью, которая играла роль этнодифференцирующего признака. Ослабление роли религии в советское время привело, например, к появлению еврейско-узбекских, еврейско-таджикских, еврейско-русских и других браков.

Русские в Ферганской долине

После завоевания Кокандского ханства Россией в Фергане начали обосновываться русские, хотя отдельные представители их, естественно, появлялись здесь и раньше. Вначале это были военнослужащие, чиновники ферганской администрации, которых к началу 1877 г. было всего 624 человека, если не считать нижних чинов (143, приложение V). Решение царского правительства заселить Туркестан, в том числе Ферганскую область, русскими крестьянами пришло не сразу. Было немало доводов против этого акта. В 1883 г. военный министр писал: «Дело (колонизация. — *С. Г.*) осложняется тем, что земли здесь должны орошаться искусственно, к чему, во-первых, не привык русский крестьянин, а

во-вторых, требуются на это дополнительные денежные расходы, в-третьих, все удобные для земледелия места заняты местным населением, киргизами и сартами, и отнятие у них земель для водворения русских поселений может произвести только общее неудовольствие населения, что без пользы для обороны края» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 838, л. 22). В Ферганской же области, по признанию ее военного губернатора, колонизация вообще была затруднена из-за и без того чрезмерной заселенности края (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3886, л. 22). Кроме того, русская буржуазия, нуждавшаяся в среднеазиатском хлопке, понимала, что давать земли русским переселенцам, незнакомым со способами выращивания хлопчатника, нерентабельно, особенно если эти земли уже освоены.

Но с 90-х гг. в переселенческой политике царизма наметился некоторый поворот к поощрению крестьянской колонизации Туркестана. Скорейшее заселение Туркестана русскими стало необходимо царской администрации во многих отношениях[94]. Среди различных причин была и «необходимость сдерживать местное население от повстанческих замыслов» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3237, л. 6). Особенно упорно заговорили в официальных кругах о необходимости заселить Ферганскую область русскими после ряда народных выступлений, прокатившихся по Ферганской долине, в частности и так называемого Андижанского восстания 1898 г. (49, с. 122)[95]. Кроме того, в условиях постоянного англо-русского соперничества в Средней Азии, в обстановке обострившихся отношений с Кашгарией (не без вмешательства Англии) русские поселения в Фергане должны были стать оплотом на границе с Восточным Туркестаном (156).

Колонизация Ферганы началась в 1891 г. (99, с. 75) и носила, по признанию самой царской администрации, непланомерный, в значительной степени стихийный характер (ЦГИА, ф. 16, оп. 1, д. 35, л. 3, 7, 9; 99; 112, с. 155). В целом же к 1916 г. в крае появилось 68 селений с 2897 дворами (ЦГИА, ф. ОР. 18, д. 118, л. 114). Земельный фонд для переселенцев создавался за счет насильственного изъятия земель, как обработанных, так и необработанных, у местного, главным образом полукочевого, населения. Как писал В. И. Ленин, переселенческий фонд создавался «путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев» (2, с. 330). В Ферганской области у местного населения было изъято 75 000 десятин (77, с. 41). Естественно, что подобная несправедливость царской администрации вызывала озлобление у исконного населения Ферганы, переходящее во враждебность ко всему русскому. Случались даже столкновения между местным населением и русскими переселенцами из-за воды

[94] О вопросах переселенческой политики царизма см., в частности, монографию А. П. Фомченко (230). Там же приводится литература.

[95] Причины, ход и поражение Андижанского восстания рассматривались в ряде работ (229а; 180; 88, с. 69—90).

и земли. Правда, со временем в некоторых районах киргизы сами начали охотно сдавать в аренду или продавать земли русским крестьянам, так как стали извлекать из этого выгоду (49, с. 120; 107).

Переселенцы были из различных губерний Украины и юга России: Харьковской, Полтавской, Киевской, Области Войска Донского, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, Воронежской, Тульской, Астраханской, Курской, Ставропольской, Оренбургской и других, из Сибири, северной России, с Кавказа (ЦГИА, ф. 7, оп. 1, д. 110, л. 4—7; ф. 1, оп. 11, д. 573, л. 92—94; 246, с. 108; 154). Национальный состав их был довольно однороден. Это были преимущественно русские, украинцы и белорусы, так как, по «Положению об управлении Туркестанского края», к переселению допускались лишь «русские подданные христианского вероисповедания, принадлежащие к состоянию сельских обывателей» (ЦГИА, ф. 1, оп. 11, д. 573, л. 92—94).

Почти все русско-украинские поселки были устроены в северных, северо-восточных и восточных предгорьях долины (Манякская и Куршабская волости Ошского уезда; Базаркурганская, Джалалабадская, Кугартская, Узгенская, Яссынская волости Андижанского уезда; Барышская волость Наманганского уезда), сельскохозяйственные условия которых приближались к привычным для русского и украинского крестьянина, здесь можно было обходиться без искусственного орошения. Только Русское село было основано на месте нескольких кишлаков в Мингтюбинской волости Андижанского уезда[96], и поселенцы получили здесь большое количество орошаемой земли.

Но большая часть европейского населения, прибывшего в Фергану, оседала в городах, где были сосредоточены русская администрация, промышленность и торговые предприятия. Так, в 1907 г. в Ферганской области числилось 24 346 русских (украинцев и белорусов), из них в городах — 14 722 человека, т. е. около 2/3, в сельской местности — всего 9624 (138, с. 27). И это после усиленной крестьянской колонизации. Как и во всех туркестанских городах, в ферганских появились новые районы, заселенные исключительно европейским населением. Для этого администрация опять-таки отчуждала земли у местного населения. Например, в Коканде для расширения русской части города у местных жителей было изъято 100 000 кв. саженей земли (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3190, л. 1). Только Новый Маргилан, переименованный впоследствии в Скобелев[97] (ныне г. Фергана), был задуман исключительно как русский город.

[96] После восстания в Минг-Тюбе в 1898 г. на месте этого селения и ряда окрестных, стертых с лица земли, в 1899 г. возникло Русское село в 200 дворов. Коренных жителей Минг-Тюбе выдворили в соседнее село Какыр, которое переименовали в Мархамат, что значит «милосердие» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2228, л. 4, 6, 20, 24, 206, 208).

[97] В честь первого военного губернатора Ферганской области.

Еще один наплыв русских в Фергану имел место в Первую мировую войну, когда стали прибывать беженцы из западных районов России. За короткий срок Туркестан был буквально переполнен беженцами. По состоянию на 19 ноября 1915 г. в Ферганской области разместились 21 000 человек (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4471, л. 132—293; д. 4472, л. 471) — почти столько же, сколько русского населения уже имелось в долине. Ферганская область, как и вообще Туркестан, не была готова к приему такого количества беженцев. Болезни, непривычный климат, плохие бытовые условия приводили к большой смертности среди них. А составы все прибывали и прибывали, в том числе ошибочно, из отправленных в Уфу, Сибирь и т. д. Все это вынудило правительство издать приказ о переправе несчастных из Туркестана в другие губернии России (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4467, л. 471). В результате на 1 июня 1916 г. в Ферганской области остались всего 2464 беженца (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4472, л. 620).

Несмотря на усиление в начале XX в. переселенческого движения и появление большого числа русско-украинских поселков и хуторов, увеличение европейского населения в городах, общее число его в Фергане было невелико. По состоянию на 1910 г., европейского, преимущественно русского и украинского, населения здесь было чуть больше 2% (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4471, л. 131). Но этот небольшой процент был господствующим, насаждавшим свою волю, политику, что вело, естественно, к усилению враждебности со стороны местных жителей ко всему русскому. Этому способствовала и политика дискриминации, проводившаяся царизмом в отношении нехристиан, и то, что официальным языком государственных учреждений стал русский. Даже прошения и жалобы от местных жителей стали приниматься только на русском языке, для чего просители прибегали к услугам писарей, толмачей или так называемых доверителей.

С другой стороны, экономический подъем, который начался в Туркестане с приходом русских, появление здесь прогрессивно настроенных интеллигенции (среди которой, кстати, немало было и представителей царской администрации) и рабочих — все это не могло не оказать положительного влияния на приобщение народов Туркестана к русской, а через нее — и к общеевропейской культуре, а значит и на сближение народов.

Сближение русских с коренным населением Ферганы проходило в двух социальных плоскостях. Местная аристократия, в которой царские власти искали опору для проведения своей политики, лезла из кожи вон, чтобы, во-первых, доказать преданность новой власти, а во-вторых, продемонстрировать перед соотечественниками свою принадлежность к господствующей верхушке. Она старалась по-европейски одеваться, меблировать жилища и даже дома строить, как европейцы, окнами на улицу (160,

с. 61—67; 19, с. 346), хотя все эти внешние проявления «обрусения» были далеки от истинного сближения с русскими. Но шел и естественный процесс интеграции прибывшего европейского населения с местным.

Планируя колонизацию Ферганы, царская администрация предполагала не только создать из русских переселенцев «оплот к умиротворению туземцев», но и была уверена в том, что русские крестьяне станут «добрым учителем в земледельческом хозяйстве» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3237, л. 6). Правда, по словам В. В. Бартольда, «культурному влиянию русских крестьян могли подвергаться преимущественно кочевники, находившиеся в стадии перехода к оседлости» (19, с. 332). В Ферганской долине это были преимущественно киргизы, в кочевьях которых возникали русские поселения. Более или менее ощутимо это могло быть в Кугартской волости Андижанского уезда, где русских было в 1908 г. 35%, а киргизов — 65% (198, прил. 2). В остальных волостях влияние это не могло быть чувствительным, так как русских в них было очень немного: в Яссынской волости того же уезда всего 10%, в Узгенской — 4, Базаркурганской — 2 (198, прил. 2).

И тем не менее киргизское население выучилось у русских приемам улучшенной обработки почвы, что содействовало увеличению урожая, научилось уходу за скотом в зимнее время, пчеловодству. С приходом русских у киргизов большим спросом стала пользоваться русская коса, а это привело к тому, что киргизы стали запасать на зиму сено. Даже сарты косили ею люцерну (131, с. 438, 501; 216, с. 135—136; ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3237, л. 6). Местные крестьяне начали пользоваться и лемешным плугом вместо омача, и каменным катком для молотьбы, и русскими веялками (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 95/289, л. 86—87). В Туркестане появились такие сельскохозяйственные культуры, как картофель, белокочанная и цветная капуста, помидоры, сахарная свекла, овес (131, с. 450, 558; 175). Была сделана попытка ввести в Фергане тонкорунное овцеводство, в частности в Намаганском уезде К. В. Соловьевым — пионером русского фабричного дела в Туркестане (49, с. 202).

Но главное значение устройства русских поселений в Ферганской долине заключается в том, что с приходом русских усиливается проникновение в кочевья товарности. В прежние времена у киргизов, кочевавших, например, в местности Кетмень-Тюбе (как и в остальных предгорьях Ферганы), земледелие носило подсобный характер и незначительные посевы пшеницы, проса, ячменя производились исключительно для собственного потребления. Когда же в Кетмень-Тюбе провели дорогу (чтобы узаконить здесь самовольный русский поселок) и появилась возможность вывозить излишки сельскохозяйственных продуктов, «киргизы начинают расширять свои запашки, и теперь ежегодно вывозят незначительное количество пшеницы на базары Намаганского и Андижанского уездов» (154).

Древние земледельцы края, сарты, тоже выучились у русских кое-чему в области земледелия. В частности, в селении Ассака в 1908 г. местным населением был впервые построен шлюз — ирригационное сооружение по европейскому образцу «из жженого кирпича, на цементе, с бетонным фундаментом и с железными щитами» (198, с. 23). Но в целом соперничать русским с местными земледельцами было трудно. Здесь, скорее, шел обратный процесс. Русские сами учились у узбеков и таджиков орошаемому земледелию, особенностям местного садоводства, виноградарству.

Русские (и украинцы) сеяли в основном привычные для них культуры: яровую пшеницу, рожь, овес, кукурузу, картофель, клевер, лен. Так, на 100 десятин посевов русских поселенцев 93,83 приходилось на зерновые и картофель, 3,59 — на кормовые травы и только 2,09 — на хлопчатник (136, с. 17). В результате, как писал в отчете за 1913 г. Ферганский военный губернатор, «на долю русского переселенца выпало снабжение хлебом населения долины, занятой преимущественно посевом хлопка» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4365, л. 3). Попытки русских выращивать хлопок, эту высокотоварную, но очень трудоемкую культуру, видимо, кончались неудачей. Те русские крестьяне, которые поселились в Русском селе и имели большое количество освоенной орошаемой земли, стали заниматься более выгодным выращиванием хлопчатника (19, с. 332). Но и здесь наряду с хлопком продолжали высевать привычную пшеницу, причем не только для собственных нужд, но и для продажи. Так, на Араванском базаре одними из главных поставщиков пшеницы и муки были жители Русского села (195, с. 133, 139). Правда, были среди русских крупные землевладельцы, которые на своих плантациях выращивали преимущественно хлопчатник: А. В. Петренко, Бадамов, Беньковский, Томич, Кудрин, Березюк (36, с. 25, 27, 30—34), прадед ферганца М. Шакирова[98], земли которого (прадеда. — *С. Г.*) находились на территории современных селений Бешбала и Кучкарчи близ г. Ферганы, и др. (175). Все их земли обрабатывались чайрикерами из местных жителей, которые, конечно же, знали, как выращивать хлопчатник. Кстати, в предгорных районах разбогатевшие переселенцы (таковыми были, например, Пилюгин, Бажанов, Федотов, Караваев, Богданов из селения Куршаб (Ошского уезда)) тоже нанимали поденщиков из числа узбеков и киргизов (175).

Основными районами взаимовлияния русского (украинского, белорусского) и местного населения служили города и городки, где в основном было сосредоточено европейское население и где оно продолжало расти. Например, с 1897 по 1907 г. европейское население городов Ферганы выросло на 60,58% (136, с. 58). Врачи, инженеры, землеустроители, ирригаторы, агрономы, ветеринары и представители других профессий, имевшие дело с местным населением, были в основном из числа русских, украинцев, белорусов. Так, отец известного среднеазиатского этнографа А. К. Писарчик, родившейся в г. Коканде, К. А. Писарчик, белорус, работал землемером в Кокандском земельном отделе и при земельных тяжбах отстаивал интересы простых людей (123, с. 132). М. Ф. Гаврилов, впоследствии известный востоковед, работал секретарем и классификатором хлопка в Кокандском биржевом комитете (126, с. 146). Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета Д. М. Граменицкий работал в Оше уездным мировым судьей (126, с. 177). Дед Л. Б. Биркиной, жительницы Ферганы, Савин, приехавший в Новый Маргилан в 80-е гг. XIX в. с Украины, был ирригатором. Отец ее, Б. Биркин, родившийся в Коканде в 1886 г., был врачом в г. Скобелеве. Отец ферганца Б. М. Ищенко (украинец, 1900 г. р.) был бухгалтером, мать — учительницей в первой (женской) гимназии г. Скобелева (175).

Именно представители русской интеллигенции впервые и относительно всесторонне обследовали Туркестан. Статистические, экономические, этнографические, санитарно-гигиенические и другие описания Ферганской области Русского Туркестана до сих пор служат одним из главных источников при изучении края. Исследования П. П. Федченко, И. В. Мушкетова, Н. А. Северцова, А. Ф. Миддендорфа, В. П. и М. Наливкиных, В. И. Кушелевского, П. Е. Кузнецова, Н. Ф. Ситняковского и многих других заложили основу не только серьезного изучения края и истории коренных народов Ферганской долины, но и будущего сближения русских, украинцев и др. с местным населением.

Особенно впечатляет жизнь и деятельность супругов Наливкиных, в течение многих лет добровольно проживших с детьми в нелегких условиях среднеазиатского кишлака (в наманганском селении Нанай). Они изучили язык, быт, обычаи и нравы узбеков, таджиков, киргизов и оставили целый ряд статей, книг, очерков о Фергане и ее населении. Между прочим, В. П. Наливкин был одним из представителей царской администрации. Он работал и старшим помощником начальника Наманганского уезда, и младшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Ферганской области, и старшим чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. И, наконец, в тот период, когда военным губернатором Ферганской области стал Г. А. Арендаренко, незаурядный человек, с большим уважением относившийся к местным жителям, знавший их язык, обычаи, обряды, автор многих работ о Туркестане, в том числе и известных «Досугов в Туркестане», В. П. Наливкин был назначен его помощником.

Созданное в 1892 г. Ферганское медицинское общество не только пропагандировало элементарные знания по медицине, са-

[98] Прадед М. Шакирова был украинцем, женат же был на узбечке-сартянке. Со временем он подвергся сильному узбекскому влиянию. Внуки его считают себя чистокровными узбеками.

нитарии, но и открывало для местных жителей врачебные пункты, амбулатории, больницы, часто бесплатные (125, с. 180, 197), что не могло не вызывать благодарных чувств их пациентов. Одними из этих энтузиастов были супруги Д. К. и М. А. Гейштор, прибывшие из Санкт-Петербурга в Туркестан по велению сердца. Вся их нелегкая, полная лишений жизнь была подвигом во имя здоровья местного населения. Особенно нелегко было Марии Алексеевне, которая заведовала Наманганской лечебницей для туземных женщин и детей (Дмитрий Константинович работал старшим врачом в госпитале). К незнанию языка, к общей предубежденности со стороны местного населения ко всему необычному, в том числе и к медицинской помощи, добавлялось затворничество женщин. Марии Алексеевне стоило немалого труда преодолеть эти барьеры. В 1892 г. во время эпидемии холеры эта женщина проявила не только страстное и бескорыстное желание помочь людям в беде, но и непомерное мужество. Не случайно она стала первой женщиной-врачом в Туркестане, награжденной золотой медалью «За усердие». Мария Алексеевна привлекала к медицинской деятельности и местных жителей (32).

Любимцем местных жителей был упомянутый врач Б. Биркин, чья дача находилась в нескольких километрах от г. Скобелева в селении Акарык (ныне на территории дачи расположен пионерский лагерь «Зорька», но в народе эта местность до сих пор известна как «Биркина дача»). Он бесплатно лечил не только всех окрестных жителей, но и их скотину. И сам Биркин, и вся его семья знали узбекский и таджикский языки (в Акарыке жили узбеки и таджики), принимали участие во всех событиях махалли (квартальной общины), узбекские и таджикские ребятишки играли с детьми Биркина, Людмилой и Маргаритой, на их даче. А когда Людмила вышла замуж за друга детства, узбека (уже в советское время), ни ее родители, ни родители жениха не возражали против этого брака: так велико было взаимное уважение.

При непосредственной помощи русских ученых приобщались к науке и представители узбекского, таджикского и других народов Туркестана. О Мулле Сангине из Ходженга и Саттархане Абдугаффарове упоминается, в частности, в «Истории Узбекской ССР» (88, с. 446). Наконец, именно русская интеллигенция стала первой бить тревогу, когда в связи с оседанием многих полукочевников (например, киргизов Ферганы) начали утрачиваться традиционные промыслы. Во многих изданиях стали появляться статьи о необходимости сохранения народной культуры (11, с. 18).

Одним из путей приобщения местного населения к европейской культуре, по мысли царского правительства, должно было быть создание учебных заведений для местного населения с преимущественно русским языком обучения. Ими стали русско-туземные школы и училища. К 1896 г. в Ферганской области было открыто два русско-туземных училища (в Коканде с 7 учащимися и в Старом Маргилане с 18) и шесть русско-туземных школ (в Намангане с 23 учащимися, в Оше — с 20, Чусте — с 18, Ходженте — с 20, Андижане — с 14) (56, с. 86). В них русские преподаватели обучали разговорному русскому языку, чтению, письму, арифметике, элементам русской истории и географии. Преподаватели местных национальностей обучали детей родному языку и мусульманскому вероучению (56, с. 44; 87, с. 329).

Предполагалось, что эти школы станут народными и будут открыты повсеместно. Они «должны были проводить в среду туземного населения русскую грамоту и культуру и служить средством для просвещения и слияния с русскими всей массы туземного населения»,— писал директор народных училищ Сырдарьинской области С. М. Граменицкий (56, с. 44). Но по его собственному признанию и судя по приведенным выше цифрам, эти школы имели мало успеха. Тем не менее русско-туземные школы и училища сыграли определенную роль в деле приобщения местного населения к русской и европейской культуре, в деле подготовки кадров местной интеллигенции.

Во многих из них работали опытные, преданные своему делу учителя. Преподавательскую деятельность они сочетали с изучением истории края, сбором этнографических, археологических материалов. Одним из них был М. С. Андреев, впоследствии известный ориенталист, который сначала заведовал вечерними курсами для таджикского населения в Ходженте, а через некоторое время стал инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах. Он много сделал для увеличения числа школ в подведомственных ему районах, для поднятия качества обучения (170, с. 3—10). Некоторое время в Оше работал учителем крупный востоковед В. Л. Вяткин (126, с. 138). Упомянутый выше В. П. Наливкин с 1890 г. был инспектором Туркестанского округа по надзору за мусульманскими и русско-туземными школами (126, с. 247). С большой теплотой вспоминал первый президент АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов, который учился в русско-туземной школе г. Скобелева, своего учителя Г. В. Андреева (126, с. 84). В русско-туземной школе г. Коканда учился поэт-демократ, основоположник узбекской драматургии и композитор Хамза Хаким-заде Ниязи (201, с. 150), в г. Андижане — крупный специалист в области истории и теории литературы Средней Азии З. Ф. Раджабов (127, с. 53). Испытали на себе благотворное влияние русских интеллигентов лучшие представители общественно-литературной мысли Узбекистана поэты-демократы и просветители Фуркат, Завки, Анбарниса, жизнь и деятельность которых были в значительной степени связаны с Ферганской долиной (88, с. 414—431).

На рост прогрессивных идей среди местного населения Ферганы оказывало влияние и общение с передовыми русскими (ук-

раинскими, белорусскими) рабочими на заводах, фабриках, нефтепромыслах, озокеритовых копях, рудниках, железнодорожных станциях и т. д. Русские обучали местных жителей рабочему ремеслу и тем самым содействовали формированию национальных кадров рабочего класса, что интенсифицировало этнические процессы в Ферганской долине.

Большую роль в сближении русских (украинцев, белорусов) и местных жителей не только в городах, но и сельских местностях сыграли революционно настроенные рабочие, участники революционных выступлений 1905 г. Одним из них был отец ферганца А. Г. Винярского (украинец, 1909 г. р.). Был он (отец) уроженцем Киевской губернии. Работал слесарем-механиком в железнодорожных мастерских в Красноярске. Принимал активное участие в революционных выступлениях 1905 г. После поражения революции бежал вместе со многими рабочими в Ферганскую долину. Сначала устроился с женой в Намангане, затем ушел с единомышленниками в горы вверх по р. Нарын в местечко Кетмень-Тюбе. Здесь беженцы (их было 12 семей, часть из которых бежали с Винярскими из Красноярска) выстроили мазанки по типу украинских (все семьи были украинскими) с двускатной крышей, обзавелись хозяйством. Сначала их поселение было нелегальным («самовольным», как называлось оно царской администрацией), но затем его узаконили, хотя и с большими трудностями. Взаимоотношения с киргизами, жившими рядом, были дружественными. Отец информатора был очень грамотный, много знавший, справедливый, а потому пользовался уважением не только среди своих, но и среди киргизов, которые часто обращались к нему за советами. Его беседы с киргизами на атеистические и революционные темы не пропали без следа. Но за это он поплатился жизнью: в 1914 г. его убили кулаки из разбогатевших переселенцев (175).

Передовые, прогрессивно настроенные интеллигенты и рабочие из европейцев почти всегда выучивались местным языкам. И это было связано не только и не столько с потребностями, возникающими у малых этнических групп в инонациональной среде (ведь они были представителями господствующего в данный момент этноса), сколько с тем глубоким уважением, которое испытывали они к коренному народу, к его культуре, истории. А такое отношение не могло не сказаться на росте самоуважения у местных народов края, не могло не способствовать появлению первых ростков дружбы между ними и русскими, украинцами, белорусами и другими переселенцами из внутренних губерний России.

Татары в Ферганской долине

Трудно сказать, сколько было татар в Ферганской долине в рассматриваемый период, но число их после присоединения Кокандского ханства к России год от года росло. Если в 1882 г.

в Ферганской области зарегистрировано всего 37 татар (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1038, л. 34), что, думается, далеко от действительности, то в 1907 г. их было уже 1323 (267, прил. 2). К 1913 г. по сравнению с 1907 численность татар в крае увеличилась более чем вдвое (269, прил. 3).

Татары появились в Туркестане задолго до завоевания этого края Россией. Многие прибыли в начале — первой трети XIX в. (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 9723, л. 1), а может быть, и раньше. Значительная часть их попала в Среднюю Азию в качестве студентов медресе Бухары и Самарканда, издавна славившихся как центры богословского образования в мусульманском мире. Немало татар прибыли вместе с русскими войсками: одни в качестве солдат и офицеров, другие как переводчики, маркитанты и т. д. (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2865, л. 8). После присоединения Кокандского ханства к России из внутренних районов империи, в частности из Казанской, Уфимской, Оренбургской, Томской, Тобольской губерний, из Петропавловского уезда, городов Верный, Аулие-Ата и др. прибыла новая волна татарского населения (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2865, л. 8; ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 9723, л. 1; ф. 19, оп. 1, д. 838, л. 20—54; 175).

Приведу несколько примеров из своих полевых записей. Шарафитдин Джалалитдинов (1870 г. р.), родом из Казани, попал в Андижан солдатом царской армии. После окончания срока службы устроился чернорабочим на хлопкозавод, принадлежащий сарту Миркамил-баю. Вскоре некий Алия-ака, тоже татарин из Казани, богатый владелец фаэтонов, предложил земляку перейти работать к нему. Сначала Джалалитдинов был конюхом, затем ему доверили работать извозчиком, а со временем хозяин дал ему старенькую коляску, лошадь, и Джалалитдинов стал самостоятельным извозчиком. По словам Абдурахмана Кадыралиева, татарина из Ульяновской области (1907 г. р.), тесть его был буровым мастером в Баку. В 1910 г. тестя пригласили на нефтепромысел в Ферганской долине, в Чимионе. На этом нефтепромысле было много татар. Один из них — Лутфулла Мазитович Сафиулов (1885 г. р.) — прибыл сюда подростком и проработал всю жизнь, пройдя путь от рабочего до директора (175).

Большинство татар жили в городах Туркестана, хотя часть селилась и в кишлаках, особенно если там были место скупки хлопка, нефтепромысел и др. По данным 1907 г., в городах Ферганской области было 1056 татар, тогда как в уездах — всего 277 (267, прил. 2).

В самом начале колонизации Туркестана царская администрация признавала, что татары «не только не приносят вреда, но, напротив, зная русские ремесла, служат хорошим проводником знания в среде туземцев, с которыми им пришлось сродниться» (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 270, л. 1). Но со временем татар стали рассматривать как нежелательный элемент в крае. Статья 262 «Положения об управлении Туркестанского края» от 1887 г.

распространялась не только на бухарских евреев, но и на татар, башкир и других мигрантов как на «не христиан» и «инородцев», не принадлежавших к местному населению. Татары, поселившиеся в крае после прихода сюда русских, как и евреи, были лишены права приобретать в Туркестане земли и вообще недвижимость. Со временем ограничения стали ощущать даже те татары, что поселились в крае до прихода русских (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 14997, л. 13; д. 10554, л. 7). На многочисленные прошения татар — как личные, так и от татарских обществ Ферганской области (а также Самаркандской и Сырдарьинской областей), направленные военному министру России, пересмотреть существующее положение хотя бы для тех, кто когда-то «проливал кровь за царя и Отечество», принимая участие в покорении Туркестана, приходил отказ (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2865, л. 1, 4—7, 15, 16). Татары, как и евреи, должны были удостоверять свою принадлежность к местному населению, т. е. доказывать, что поселились в крае до прихода русских (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1470, л. 172; ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 10554—10590; д. 14997, л. 3, 4, 13, 33). За всеми татарами в Туркестане был установлен тайный надзор, а в административных органах областей имелся их полный подворный список (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 9723; ф. 23, оп. 2, д. 415, л. 18). Все эти меры, дискриминирующие татар, заставляли их скрываться от переписей (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1470, л. 172) или, что было нечасто, называться сартами (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1470, л. 172).

Занятия татар в Ферганской долине были разнообразны: писцы, переводчики, служители мечетей, приказчики, лавочники, купцы, разъездные торговцы, маклеры, караванбаши, скупщики и приемщики хлопка, извозчики, лесные объездчики, конюхи, каменщики, плотники, столяры, кузнецы, портные, сапожники, шапочники, изготовители свеч, ювелиры, булочники, дроворубы и др. (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 9723, л. 1; ф. 19, оп. 1, д. 838, л. 20—54; 175). Кроме того, русские власти предпочитали брать переводчиков (143, с. 403), проводников и руководителей изыскательских партий (215, с. 103) из числа татар. Из их числа назначались даже сборщики податей и волостные управители (143, с. 403). Татары одними из первых стали работать на появившихся в Фергане заводах, нефтепромыслах, озокеритовых копях, рудниках. Значительную роль сыграли они и в деле укрепления торговых контактов между полукочевниками и оседлыми жителями долины. Но особенно много было среди татар учителей. Трудно переоценить роль татарской интеллигенции в развитии местной национальной школы и печати, в подготовке кадров местной интеллигенции.

В конце XIX — начале XX в. в пробуждающийся мусульманский мир России (в первую очередь крымских и казанских татар)[99] проникли новые идеи, появившиеся под влиянием младотурецкого движения (а у младотурков, в свою очередь, под влиянием европейской культуры). Эти идеи были направлены «против косности, невежества и разрозненности мусульманства, остановивших дальнейшее развитие мусульманской культуры» (224, с. 81). Движение просвещенных мусульман, получившее название «джадидизма» (о происхождении названия см. ниже), было явлением сложным. Наряду с культурно-просветительскими идеями оно имело и религиозно-националистические (панисламистские и пантюркистские) черты[100]. На начальных этапах сближению татар с остальным мусульманским миром России, в том числе и в Средней Азии (где просветителями были в основном казанские татары), способствовала именно идея принадлежности их к мусульманству. Но в основе этого движения было прогрессивное начало. Как писал И. И. Умняков, «стремление к свободе, просвещению и знанию с Поволжья постепенно распространяется на восток и юг. Татары в одежде купца, мелкого торговца и ремесленника становятся проповедниками новых идей» (224, с. 82).

Разбудить мусульманский мир России от многовековой спячки должны были так называемые «новометодные школы», обучение в которых проводилось по прогрессивному звуковому методу. Они призваны были дать всем тюркским народам России, в том числе и среднеазиатским, светское образование на родном языке, причем на языке, очищенном от арабизмов, близком к разговорному, а значит доступном всем слоям населения. Особенно заинтересована была в новой школе зарождавшаяся буржуазия, которая нуждалась в грамотных, по-европейски образованных работниках. Этой задачи не могла выполнить старометодная схоластическая мусульманская школа, которая была в основном конфессионального характера, следовательно, давала только религиозные знания. Кроме того, в старометодных школах для обучения элементарной грамоте, особенно письменной, требовалось несколько лет, в то время как в новометодных для этого достаточно было несколько месяцев (198, с. 172).

Уже через несколько лет после появления татарская новометодная школа (создателями этих школ в Туркестане «были исключительно татары, прибывшие из внутренних губерний России» (198, с. 172)) стала оказывать влияние на местную (19, с. 312). Даже в Бухаре, центре мусульманского просвещения, татарские школы за короткий срок завоевали симпатии не только прогрессивной части населения, купечества, которое остро

[99] Как известно, крымские и казанские татары в силу особых исторических условий раньше других народов России приобщились к русской, а через нее — к европейской культуре.

[100] О джадидизме и противоречивом характере этого движения см. работы И. И. Умнякова (224, с. 81—95), Ф. Ходжаева (232), М. Вахабова (43, с. 234—235) и др.

нуждалось в грамотности на родном и русском языках, но и среди мулла-бачей, т. е. учащихся медресе (224, с. 86—87). После официального закрытия этих школ под давлением местного духовенства татар стали тайно приглашать в качестве домашних учителей (224, с. 90) — так велика была потребность в просвещении.

В Ферганской области новометодные школы появились в конце XIX в. (198, 172; 17, с. 310—311). К 1908 г. здесь официально было зарегистрировано 30 школ с 1306 учениками (198, с. 173). Но эти данные, очевидно, очень занижены, так как только в г. Андижане таких школ было 18 (43, с. 111), кроме того, они были почти в каждом более или менее значительном селении, причем как мужские, так и женские (в женских учительствовали татарки).

Одна из таких школ (местное население называло их не иначе как *ногай мактаб,* т. е. «татарская школа») была в кишлаке Катаган Тюракурганской волости Наманганского уезда. В ней учился Киргизали Казаков (узбек, 1882 г. р.), который при беседе со мной вспоминал о ней с большой теплотой. Занятия проводились в мечети. Посещали школу 60 мальчиков. Учитель-татарин Захид Наджимов учил их родному языку, арифметике, чтению корана. Причем до обеда занимались только родным языком, после обеда — арифметикой. Коран же учили только раз в неделю, по пятницам. Когда завершалась программа по родному языку, учитель давал ученикам и элементарные знания по русскому языку (в пределах букваря). Кроме того, Захид Наджимов при всяком удобном случае пропагандировал среди местного населения важность просвещения. Делал он это разными методами. Например, когда в кишлаке у кого-либо было торжество (свадьба, туй по поводу обрезания и т. д.), а значит собиралось много народа в одном месте, учитель водил туда своих учеников. Он обращался к собравшимся с речью о необходимости обучения детей, а ребятишки демонстрировали свои знания. Заодно здесь кормили детей. Ученики шли по улице строем и пели маршевые песни. Одна из них кончалась словами: «Ўқит бизни, азиз отам[101]... тошдай қотам. Ҳечна кўрмай, ҳечна билмай, ихтиёрсиз арам ётам», т. е. «Учи меня, дорогой отец, (иначе) я застыну, как камень. Ничего не видя и ничего не зная, невольно пропадаю зря». Учились в этой школе в течение двух лет по шесть месяцев в году, в весенние и летние месяцы. Зимой занятия не проводились из-за холодов: ни дома́, как известно, ни тем более мечети не отапливались. По завершении обучения ученики сдавали экзамены и получали свидетельство об окончании школы. При этом учитель давал и устную характеристику каждому ученику, и рекомендации, где тот или иной выпускник мог применить свои знания. Плохо учившиеся свидетельство не получали.

[101] Информатору в момент беседы было 90 лет. И хотя он был в полной памяти, некоторые его слова были, к сожалению, неразборчивы.

С таким же почтением вспоминали о своих учителях-татарах Кузибай Мадьяров (узбек, 1900 г. р.) из селения Саримсаклик Чкаловского района Ходжентской области, Имамходжа Рахимов (узбек, 1907 г. р.) из Бешарыка, Набиджан Маруфов (узбек, 1910 г. р.) из селения Шахан Тюракурганского района и многие другие. И все отмечали высокую для того времени образованность учителей и бескорыстное желание просветить местное население.

Новометодная школа имела гораздо больший успех и по сравнению с русско-туземной школой. Это объясняется тем, что, во-первых, татары действовали под лозунгом объединения всех мусульман, в то время как царская администрация придерживалась «системы игнорирования мусульманского духовенства и мусульманских учреждений, в том числе и учебных» (19, с. 297); во-вторых, обучение в татарских школах, как уже говорилось, велось на родном языке, тогда как в русско-туземных — на русском. Царскую администрацию в деле просвещения местного населения больше всего волновал вопрос о том, «как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей в ущерб обрусению» (19, с. 308). Естественно, результаты подобного обучения были невелики, и даже сами работники просвещения, в частности директор народных училищ Сырдарьинской области С. М. Граменицкий, а также автор многих работ по просвещению Н. А. Бобровников, вынуждены были признать, что роль русско-туземных школ в деле распространения «общечеловеческой культуры » была незначительной (56, с. 25; 31, с. 26, 28; 19, с. 309), а «возрождение просвещения у сартов началось под воздействием татар в начале нашего столетия» (31, с. 26).

Царская администрация видела в татарах серьезных конкурентов в деле просвещения местного населения. И чтобы как-то ослабить их влияние в крае, с 1 июля 1912 г. она ввела в Туркестане положение, по которому учитель в мактабах должен принадлежать к той же национальности, что и ученики, а значит татарин не имел права обучать узбеков-сартов и киргизов (30, с. 61). На место татар в новометодную школу пришли сарты. Явление это было само по себе прогрессивным, поскольку содействовало подготовке кадров интеллигенции из числа местных жителей. Кроме того, оно свидетельствовало о том, что новометодная школа действительно пользовалась успехом у местного населения (31, с. 26). Участниками демократического движения за распространение знаний среди населения новым прогрессивным методом были, например, Файзулла Ходжаев, впоследствии известный государственный деятель, первый председатель Совнаркома Узбекистана; Садриддин Айни, основоположник таджикской советской литературы; поэт-просветитель Абдулла Авлони, просветитель Шакури и многие другие. Одним из них был и фер-

ганец Хамза Хаким-заде Ниязи, учившийся, между прочим, в новометодной школе в г. Намангане, на чье творчество, по его признанию, оказал серьезное влияние татарин Абдулла Токмуллин, впоследствии руководитель народного образования в Намангане (201, с. 150). В 1910 г. Хамза открыл школу с обучением по звуковому методу в г. Ташкенте, а впоследствии в различных районах Ферганской долины (в Коканде, Маргилане и др.), где он и учительствовал (201, с. 151).

На пробуждение мусульманского населения Русского Туркестана оказала влияние и прогрессивная татарская печать, как привозимая из Оренбурга и Казани (31, с. 26), так и издаваемая в Ташкенте, Фергане и других городах Туркестана. Здесь, по словам В. В. Бартольда, она целиком находилась в руках татар (19, с. 313). Татарами же были созданы и общественные читальни (19, с. 340). Все это содействовало появлению у местного населения тяги к европейской культуре, европейскому свободомыслию, способствовало ослаблению в них религиозной нетерпимости и мусульманского клерикализма, развитию национально-освободительных идей. Так, Хамза Хаким-заде Ниязи в автобиографии писал о том, что представление о революции 1905 г. он получил в Намангане от молодого татарина, выпускавшего на печатном ручном станке небольшие брошюры и листовки (201, с. 150). Именно с этого времени, по признанию Хамзы, его стихи «принимают национальный и революционный характер» (201, с. 150). И вообще, как писал Файзулла Ходжаев, «в течение многих лет татары Центральной России, Крыма и Кавказа влияли на весь ход политического и культурного развития народов Средней Азии» (232, с. 77). Джадиды выступали и против обезличивающего гнета ислама, и против произвола местных властей, и против тяжелого положения народа, чем вызывали враждебное отношение к себе мусульманского духовенства и правительственных кругов[102].

Не случайно тревожилась царская администрация и стала считать татар нежелательным и опасным элементом в крае (100, с. 14). По ее признанию, если за издание полезных книг и брошюр для местного населения Туркестана не возьмутся русские, то это сделает «татарская печать, задачи и стремления которой далеко не соответствуют русским общегосударственным интересам» (19, с. 310). Даже мусульманские благотворительные общества, которые создавались татарами и под влиянием татар (19, с. 340), несмотря на ярко выраженное религиозное начало, помогали объединению народов Туркестана, что было не в интересах царизма.

Татары оказали значительное влияние и на материальную культуру среднеазиатских народов. В частности, резко изменилась женская мода конца XIX — начала XX в. На смену платьям

[102] Подробнее о прогрессивных целях джадидов см. в работах И. И. Умнякова (224, с. 87 и др.) и Ф. Ходжаева (232).

туникообразного покроя (единственный тип одежды, бытовавший в Средней Азии к этому времени) пришла выкройная одежда, заимствованная у татар (209, с. 26). Отрезные по талии платья с юбкой в сборку трансформировались со временем в платья на короткой кокетке с отложным воротником и длинными вшивными рукавами, которые считаются в настоящее время узбекским национальным костюмом (28, с. 134; 209, с. 26). Новый вид одежды — камзол, как мужской, так и женский, особый фасон кожаных калош также появились в гардеробе среднеазиатских народов благодаря казанским татарам (209, с. 53, 56, 67). В это же время возникают названия кроя и фасонов: *ногай бичим*, т. е. «татарский крой», *ногай ека*, т. е. «татарский воротник»[103], *казонча*, т. е. «казанские», и т. д. (28, с. 134; 209, с. 56; 176). Татары одними из первых в Средней Азии, задолго до прихода русских, стали разводить в Средней Азии картофель и учить этому местное население. А в области сельского хозяйства разведение картофеля, как отметил В. В. Бартольд, считалось «одним из самых существенных признаков влияния европейской культуры» (19, с. 278).

Конечно, шел и обратный процесс заимствования. Так, татары чаще всего жили в домах наподобие сартовских, особенно в старых частях городов и селениях, готовили пищу, характерную для местного населения. Упоминавшемуся Хасану Енгалычеву, прибывшему в Фергану семнадцатилетним юношей, сразу же понравилась узбекская кухня, и с тех пор он предпочитал ее татарской. Почти все татары усвоили местные языки, хотя между собой предпочитали говорить по-татарски.

Сближению татар и местного узбекского населения Ферганы содействовал целый ряд факторов. К важнейшим из них, несомненно, относятся близость языков и общность религии. Не менее важный фактор — взаимные симпатии этих народов. Большая просветительская деятельность татар не могла быть успешной, если бы проводилась без уважения к коренному населению, без любви к узбекским ребятишкам. Хасану Енгалычеву, бывшему даже не учителем, а скромным работником у скупщика хлопка, нравились в узбеках очень многие качества: гостеприимство, мягкость в обращении, уважение и внимание к старшим и вообще к людям, деликатность, выдержка, умение слушать не перебивая и т. д. «Даже к детям узбеки обращаются «на Вы», — говорил он с восхищением. При этом он с особым чувством говорил о наманганских узбеках, может быть, потому, что многие годы жил среди них.

В свою очередь, все информаторы-узбеки, которым приходилось сталкиваться с татарами, в один голос утверждали, что это были очень грамотные и знающие люди. Муллы из татар, по их словам, не только великолепно знали коран, но были также

[103] О вхождении в моду татарского воротника (отложного) в конце XIX в писали, в частности, супруги Наливкины (153, с. 95).

добросовестны в исполнении религиозных треб. Большая ответственность в любом деле, а также честность, прямолинейность, отсутствие двоедушия вообще отличали их, что не могло не нравиться всем тем, кто имел с ними дело. Узбеки и татары участвовали в семейных праздниках друг друга, похоронах и поминальных обрядах, словом, поддерживали добрососедские отношения.

Все эти факторы содействовали появлению смешанных браков. Упоминавшийся выше Алия-ака был женат на андижанской узбечке Хамирахон. На узбечках были женаты и Али Алимов, и Синяков — татары из Андижана. Но в целом таких браков было не очень много.

Еще реже татарка выходила замуж за узбека. Интересно в этом отношении исследование Н. Васильева, опубликованное в 1891 г. (42). Хотя оно было посвящено ташкентским татарам, но выводы его вполне применимы ко всем татарам Туркестана. Одной из важных побудительных причин союзов узбек — татарка, считает Н. Васильев, был недостаток в холостых мужчинах брачного возраста у татар (42, с. 93—94). Но эти браки были непрочны, о чем свидетельствовало значительное число разводов между татарами и узбеками (42, с. 99). «Отсюда ясно, — делает вывод автор, — что татары очень туги по части слияния с киргизами (казахами. — *С. Г.*) и сартами, быть может, в силу значительного превосходства их культуры, а, может быть, вследствие издавна присущей им исключительности характера» (42, с. 99). Под «исключительностью характера», видимо, понималось ярко выраженное национальное самосознание у татар. По мнению историков и этнографов, татары Поволжья уже до революции были вполне сложившейся нацией, и им были присущи «такие собственно этнические признаки, как степень «национальной зрелости» языка, культуры, этнического самосознания и др.» (76, с. 59). Этим объясняются и довольно редкие случаи полной ассимиляции татар с узбекским населением в рассматриваемый период, даже если многие из них поселились в крае достаточно давно. Правда, политика национальной дискриминации, проводимая царским правительством в отношении национальных меньшинств в крае, в том числе и татар, вынуждала некоторых из них называть себя сартами, особенно если мать их была сартянкой, как, например, у братьев Исхаковых (ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 14997, л. 3). Но такие случаи были нечасты.

Таким образом, несмотря на наличие многих факторов (близость языка, общность религии, взаимные симпатии обоих народов, численное превосходство узбеков, социально-политический и правовой факторы), которые, казалось, должны были привести к поглощению относительно небольшой группы татар узбеками, этого не произошло. И именно достаточно сильно развитое самосознание помогало татарам противостоять растворению в местной среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, к концу XIX — началу XX в. в Фергане сложилась непростая этническая ситуация. Это было обусловлено и этнической мозаичностью (следствие постоянных и обширных миграций), и многообразием хозяйственно-бытовых укладов, и неравномерностью социально-экономического развития населяющих ее народов. Новые отношения, которые стали складываться здесь с присоединением Кокандского ханства к России и ускоренным развитием капитализма в этом крае, дали импульс для более интенсивного развития этнических процессов в Фергане. Они отличались, как и на других территориях в период становления капитализма, двойственностью. С одной стороны, формировались буржуазные нации, что было сопряжено с усилением и укреплением собственно этнических аспектов у разных народов, с укреплением национального самосознания. С другой стороны, шел процесс интернационализации элементов материальной и духовной культуры. С одной стороны, широко развернулись процессы объединительного характера: консолидационные, ассимиляционные, интеграционные. С другой, существовало еще немало факторов, которые играли дезинтегрирующую роль и вели к дифференциации народов.

И тем не менее, естественные и неотвратимые процессы формирования наций и сближения народов продолжались. При этом материальная и духовная культура каждого из них не нивелировалась до полного обезличивания, а обогащалась за счет проникновения элементов культуры соседних народов. Обогащались формы ведения хозяйства, обогащались обычаи и традиции, обогащались языки, оставаясь при этом сугубо национальными.

Несмотря на то, что межэтнические отношения в Ферганской долине не всегда были гладкими, все народы, даже самые малочисленные, этого многонационального края в целом были нужны друг другу, все они были глубоко взаимосвязаны. Каждый из них принимал участие в сложившемся здесь внутрихозяйственном обмене, каждый имел свое место в социально-экономической жизни долины. Этнические различия не мешали им быть терпимыми друг к другу, ценить друг в друге трудолюбие, истинное мастерство, бескорыстие. Это были ростки истинного интернационализма, способные поднять представителей всех этнических групп выше национальной розни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Из экономических рукописей 1857—1858 гг.//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 12.
2. Ленин В. И. Переселенческий вопрос//ПСС. Т. 21.
3. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971.
4. Абышкаев А. Каратегинские киргизы в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1965.
5. Амитин-Шапиро З. Л. Очерк правового быта среднеазиатских евреев. Ташкент — Самарканд, 1931.
6. Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935.
7. Андреев М. С. По этнографии таджиков//Таджикистан. Сборник статей. Ташкент, 1925.
8. Андреев М. С. Поездка летом 1929 г. в Касанский район (Северной Ферганы). Ташкент, 1929.
9. Андреев М. С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Материалы). Сталинабад — Ташкент, 1930.
10. Андреев М. С. Новые данные по установлению значения слова «Фергана»//Сообщения Таджикского ФАН СССР. Вып. 24. Сталинабад, 1950.
11. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
12. Антипина К. И. Ворсовое ткачество//Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. ТКАЭЭ. Т. V. Фрунзе, 1968.
13. Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса//СЭ. 1982. № 1.
14. Арутюнов С. А. Роль и место языка в этнокультурном развитии общества//Этнические процессы в современном мире. М., 1987.
15. Бабаханов И. М. К вопросу о происхождении евреев-мусульман в Бухаре//СЭ. 1951. № 3.
16. Бабур-наме. Записки Бабура/Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.
17. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
18. Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
19. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
20. Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
21. Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
22. Батраков В. С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства//ТСАГУ. Нов. серия. Вып. 62. Гум. науки. Кн. 8. История. Ташкент, 1955.
23. Батраков В. С. О разделении труда между кочевыми и оседлыми районами//ТСАГУ. Нов. серия. Вып. 75. Экономические науки. Кн. 1. Ташкент, 1955.
24. Батраков В. С. Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины XVIII до 70-х гг. XIX в.//ТТГУ. Вып. 193. Ташкент, 1962.

25. Бейсембиев Т. К. Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв./по некоторым сочинениям кокандской историографии//Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
26. Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987.
27. Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбечек г. Ташкента//Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960.
28. Бикжанова М. А. Одежда узбечек Ташкента XIX — начала XX в.// Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1979.
29. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена/В 3 т. М.—Л., 1950—1953.
29а. Благова Г. Ф., Данияров Х. Д. Говоры «тюрков» Узбекистана в отношениях к языку староузбекской литературы//ВЯ. 1966. № 6.
30. Бобровников Н. А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы в Средней Азии. Отд. отт. Спб., 1913.
31. Бобровников Н. А. Современное положение учебного дела у инородческих племен восточной России. Пг., 1917.
32. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)/Очерки быта. М., 1908.
33. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1953.
34. Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первую половину I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
35. Бузургзода Л. Чорбатхои халкида хусусиятхои шеваи Конибодом/ на тадж. яз.//ИТФ АН СССР. Сталинабад, 1946. № 1.
36. Бушуев М. По хлопковым районам Туркестана. Ташкент, 1912.
37. Валидов А. З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия //ПТКЛА. Год XX. Вып. II. Ташкент, 1916.
38. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии//Соч. в 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961.
39. Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах//Соч. Т. I. Алма-Ата, 1961.
40. Валиханов Ч. Ч. Материалы и исследования о Кашгарии//Соч. Т. II. Алма-Ата, 1962.
40а. Валиханов Ч. Ч. Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгарии в 1830 г.//Соч. Т. III. Алма-Ата, 1963.
41. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865.
42. Васильев Н. Ташкентские татары, их браки, разводы, рождения и смертность/статистико-бытовой очерк//СМСД. Ташкент, 1891.
43. Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965.
44. Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана. Отд. отт. Спб., 1856.
45. Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве//ВРГО. Ч. XVIII. Кн. 5. Спб., 1856.
46. Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии//ТКАЭЭ. Т. I. М., 1956.
47. Винников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине//СЭС. II. М., 1959.
48. Воронина В. Л. Жилище народов Средней Азии и климат//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
49. Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. Спб., 1911.
50. Гаврилов М. Ф. Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района//ТСАГУ. Серия II. Orientalia. Вып. 2. Ташкент, 1929.
51. Гамбург Б. С. К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в.//Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии. М., 1975.

52. Гедин С. В сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан. Т. I. Спб., 1899.
53. Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909.
54. Гинзбург В. В. Таджики предгорий//СМАЭ. XII. М.—Л., 1949.
55. Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов//История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
56. Граменицкий С. М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1886.
57. Гребенкин А. Д. Узбеки//СРТ. Вып. II. М., 1972.
58. Гребенкин А. Д. Мелкие народности Зеравшанского округа//СРТ. Вып. II. М., 1972.
59. Громбчевский Б. Л. Вести из экспедиции//ИРГО. Т. XXVI. Вып. 1. 1890.
60. Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983.
61. Губаева С. С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX — начало XX в.)//СЭ. 1987. № 1.
62. Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской железной дорогой/В 3 ч. Ч. 1. Асхабад, 1813.
63. Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района//ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1956.
64. Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926.
65. Демидов С. М. Туркменские овляды. Ашхабад, 1976.
66. Джаханов У. Земледелие таджиков бассейна реки Сох в конце XIX — начале XX в. Автореф. дисс... к. и. н. М., 1983.
67. Дониёров Х. Узбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент, 1968.
68. Дубов А. И. Производство традиционных ножей в некоторых районах Средней Азии//Полевые исследования Института этнографии. М., 1975.
69. Дубова Н. А. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана//ВА. Вып. 52. МГУ, 1976.
70. Дубова Н. А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы//СЭ. 1974. № 4.
71. Дынин В. В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана//ИТОРГО. Т. X. Вып. 1. Ташкент, 1914.
72. Ершов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района ТаджССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960.
73. Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954.
74. Ежегодник Ферганской области. Т. I. Новый Маргилан, 1902.
75. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в конце XIX — начале XX в. М.—Л., 1950.
76. Жданко Т. А. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России//Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.
77. Жемчужников Н. Н. Движение на Восток. М., 1927.
78. Заорская В. В., Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915.
79. Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза// СЭС. II. М., 1959.
79а. Иванов Д. Шугнан. Афганистанские очерки//Вестник Европы. 1885. № 1.
80. Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство//ЗИВ. Т. 7. М.—Л., 1939.
81. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX в.) М., 1958.
82. Игнатов П. Подвиг врача//Ферганская правда. 1987. 2 дек.
83. Иногамов Ш. И. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР. Автореф. дисс.... к. и. н. Ташкент, 1959.

84. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, 1960.
85. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в. Ч. 1—2. Душанбе, 1962—1963.
86. Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств. Душанбе, 1983.
87. История народов Узбекистана/В 2 т. Т. II. Ташкент, 1947.
88. История Узбекской ССР в 4 т. Т. II. Ташкент, 1968.
89. Исхаков Г. М., Решетов А. М., Седловская А. Н. Современные этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
90. Калантаров Я. И. Среднеазиатские евреи//Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963.
90а. Кармышева Б. Х. Поездка к киргизам Джергаталя в 1954 г.//ИАН ТаджССР. ООН. Сталинабад, 1956.
91. Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков// СЭ. 1960. № 1.
92. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана. М., 1976.
93. Кармышева Б. Х. Ткачество и прядение у населения южных районов Таджикистана и Узбекистана (XIX — начало XX в.)//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
94. Кармышева Б. Х. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным)//Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
95. Кармышева Б. Х. О товарности женских промыслов (этнографические данные по восточным бекствам Бухарского ханства)//Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
96. Кармышева Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX в. (по этнографическим данным)//СЭ. 1980. № 1.
97. Кармышева Б. Х. О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в.//Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
98. Кармышева Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы//Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1986.
99. Касаткин А. Переселенческое дело в Ферганской области. К истории возникновения русских поселков в Фергане//Ферганские областные ведомости. Скобелев, 1907. № 92, 95, 99.
100. Кауфман К. П. Начальное народное образование в Туркестанском крае. 1881 г. Спб., 1910.
101. Кашгарцы и паспортная система//ТВ. 1909. № 133.
102. Киселевич И. Вести из Ферганы//Туркестанское сельское хозяйство. Ташкент, 1911, № 12.
103. Кисляков Н. А. Таджики долины Соха//ТИИАЭ. Т. 17. 1953.
104. Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1954.
105. Кисляков Н. А. Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков//ИАН ТаджССР. ООН. Вып. 5. Сталинабад, 1954.
106. Кирснер А. Бухарские евреи//ТВ. 1909. № 25—28.
107. Колонизация Ферганской области//ТВ. 1910. № 252.
108. Кондауров А. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940.
109. Костенко Л. Военно-научная экспедиция на Алтай и Памир//Военный сборник. 1877. № 4.
110. Кузнецов П. Е. О таджиках Наманганского уезда//ИТОРГО. Вып. 2. Т. XI. Ч. I. Ташкент, 1915.
111. Кузнецов П. Е. О таджиках Кокандского уезда//ИТОРГО. Вып. 2. Т. XII. Ташкент, 1916.
112. Кузнецов. Из колонизации Туркестана//ТС. Т. 523.

113. Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. Спб., 1879.
114. Кушакевич А. Е. Сведения о Ходжентском уезде//ЗИРГО. Т. VI. 1871.
115. Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области/В 3 т. Новый Маргилан, 1891.
116. Кыпчанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.
117. Левитов И. Значение скотоводческо-земледельческих поселков для Ферганы//ТС. Т. 508.
118. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
119. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы//История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
120. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
121. Литвинский Б. А. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты)//Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
122. Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности)//Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
123. Литвинский Б. А. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии//Этнография Таджикистана. Сборник статей. Душанбе, 1985.
124. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь//Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
125. Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1962.
126. Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974.
127. Лунин Б. В. Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана/В 2 т. Т. II. Ташкент, 1977.
128. Магницкий В. Чувашские языческие имена//Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XX. Казань, 1904.
129. Макшеев А. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае//ЗИРГООС. Т. II. Спб., 1971.
130. Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.)//ТИИАЭ ТаджССР. Т. I—III. Сталинабад, 1957.
131. Масальский В. И. Туркестанский край. Спб., 1913.
132. Материалы Всероссийских переписей. Вып. IV. Сельское хозяйство Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1920.
133. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927.
134. Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. в УзССР. Поселенные итоги ТаджССР. Самарканд, 1927.
135. Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. Т. XIII, XV. Отд. 1. М., 1928.
136. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Ч. 1. Отд. 1. Спб., 1911.
137. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Ч. I. Отд. II. Спб., 1911.
138. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Ч. II. Отд. I. Таблицы. Спб., 1911.

139. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
140. Махмуд ибн Вали. Море тайнотносительно доблестей благородных. Ташкент, 1977.
141. Махова Е. И. Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза//ТКАЭЭ. Т. III. Фрунзе, 1959.
142. Мелик-Саркисян С. А. Хлопковое дело в Ферганской области и меры к его упорядочению. М., 1904.
143. Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. Спб., 1882.
144. Мошкова В. Г. Ковры//Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954.
145. Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1970.
146. Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964.
147. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодальное хозяйство Худоярхана). Ташкент, 1973.
148. Назаров Х. Х. Влияние Великой Октябрьской революции на положение и быт среднеазиатских цыган. Автореф. канд. дисс... к. и. н. М., 1970.
149. Назаров Х. Х. Современные этнические процессы среднеазиатских цыган (люли)//Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
150. Наливкин В. П. Очерки земледелия в Наманганском уезде//ТВ. 1880. № 11—29.
151. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
152. Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
153. Наливкин В. П., Наливкина М. Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886.
153а. Неприятности из Кашгара//ТС. Т. 506.
154. Несколько слов к вопросу об устройстве в местности Кетмень-Тюбе Наманганского уезда Ферганской области русского поселка//ТВ. 1910. № 49.
155. Ниязмухамедов Б. Канибадамское наречие таджикского языка. Сталинабад, 1951.
156. О русских поселениях в Кетмень-Тюбе//ТВ. 1910. № 49.
157. Обзор Ферганской области за 1888 г. Новый Маргилан, 1889.
158. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии//ЗРГО. III. 1849.
159. Оранский И. М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование. М., 1983.
160. Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Вып. 1. Ташкент, 1890.
161. Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии//Ошанин Л. В., Зезенкова В. И. Вопросы этногенеза народов в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
162. Парфентьев В. А. Селение Вуадиль//ЕФО. Т. III. 1904.
163. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М., 1949.
164. Пестряков А. А. Антропологические исследования некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана//СЭ. 1975. № 1.
165. Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961.
166. Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда//В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
167. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии//ТИЭ АН СССР. Нов. серия. Т. XLII. М.— Л., 1959.
168. Писарчик А. К. Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины//СЭС. 1. М., 1954.
169. Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы//ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. XLII. Сталинабад, 1956.

170. Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев (1873—1948)//Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Сталинабад, 1960.
171. Писарчик А. К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX—XX вв//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
172. Платонова Н. А. Антропологические исследования в Средней Азии// Новое в антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.). Вып. II. М., 1974.
173. Плоских В. М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70 гг. XIX в.). Фрунзе, 1969.
174. Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.
175. Полевой материал автора.
176. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
177. Поливанов Е. Д. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. 1. Введение. Ташкент, 1935.
178. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование Северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. Спб., 1888.
179. Радлов В. В. Евреи в Самарканде//ИРГО. Т. V. Вып. 6. 1869.
180. Развадовский В. Н. Опыт исследования кустарных промыслов в Туркестанском крае. Ташкент, 1916.
181. Рассудова Р. Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX — начало XX в.)//Полевые исследования Института этнографии, 1979. М., 1983.
182. Рассудова Р. Я. Этносоциальный состав водоземельных общин северо-восточных районов Средней Азии. К расселению ходжа (начало XX в.)//Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений (вопросы социальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа). Ноябрь, 1983. Л., 1983.
183. Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Южноферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры Ура-Тюбинской группы. Вып. 4. М., 1961.
184. Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
185. Решетов В. В. О диалектной основе узбекского литературного языка// ВЯ. 1955. № 1.
186. Риттер К. Восточный или Китайский Туркестан. Спб., 1873.
187. Садвакасов Т. А. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970.
188. Садвакасов Т. А. К вопросу о взаимодействиях уйгурских и узбекских говоров Ферганы//Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
189. Салахетдинова М. А. Сочинения Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и Ходжаган (жизнеописание ходжей)» как источник по истории киргизов//ИАН КиргССР. Серия обществ. наук. Т. I. Вып. 1. 1959.
189а. Сальков В. П. Андижанское восстание в 1898 г. Казань, 1901.
190. Северцов Н. А. Этнографические заметки о Зачуйском крае//ИРГО. Т. I. 1865. № II.
191. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
192. Сиёев Б. Слово «галча»//Армугон. II. Вопросы таджикской филологии/на тадж. яз. Душанбе, 1971.
192а. Снесарев Г. П. Среднеазиатские цыгане//КСИЭ АН СССР. XXXIV. 1960.
193. Ситняковский Н. Ф. Перечисление некоторых родов киргизов, обитающих в восточной части Ферганской области//ИТОРГО. Вып. I. Ч. II. Ташкент, 1900.
193а. Снесарев Г. П., Троицкая А. Л. Среднеазиатские цыгане//Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963.
194. Современный кишлак Средней Азии. Вып. VI. Ташкент, 1927.

195. Современный кишлак Средней Азии. Вып. VII. Ташкент, 1927.
196. Список населенных мест Ферганской области. Скобелев, 1909.
197. Статистический обзор Ферганской области за 1907 г. Скобелев, 1909.
198. Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелев, 1910.
199. Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916.
200. Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982.
201. Султанов Ю. Автобиография Хамзы//Звезда Востока. 1963. № 3.
202. Сухарева О. А. Художественные ткани//Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954.
203. Сухарева О. А. Тюбетейки//Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954.
204. Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии//СЭС. Вып. 1. М., 1954.
205. Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
206. Сухарева О. А. Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX — начала XX в.//Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
207. Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции//Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1979.
208. Сухарева О. А. Участие женщин в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX — начале XX в.//Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
209. Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд, (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1982.
210. Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955.
211. Сухарева О. А., Турсунов Н. О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии 2-й половины XIX — начала XX в.//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
212. Сыдыков А. С. Родовое деление киргиз//В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
213. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. I, II. Душанбе, 1970.
214. Тенишев Э. Р. Доланы и их язык//Исследования по уйгурскому языку. Т. I. Алма-Ата, 1965.
215. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. Очерк 3. Кураминский уезд//ЗИРГООС. Т. 4. Спб., 1874.
216. Тимаев. Ферганское пчеловодство//ТС. Т. 508.
217. Толстова Л. С. Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959.
217а. Торговля в Ферганской области по данным «Статистического обзора Ферганской области за 1907 г.»//ТС. Т. 508.
218. Троицкая А. Л. Из отчета о командировке в 1936 г. в национальные районы среднеазиатских республик//СЭ. 1937. № 4.
219. Троицкая А. Л. Abdol-tili — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии//СВ. V. 1948.
220. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 1. М., 1956.
221. Трусов. Краткое описание Ферганы 1886 г.//СМА. Вып. 35. Спб., 1888.
221а. Туркестанские ведомости. 1894. № 65.
221б. Туркестанские ведомости. 1906. 26 марта.
222. Турсунов Н. О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974.
223. Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана. XIX — начало XX в. Душанбе, 1976.
224. Умняков И. И. К истории новометодной школы в Бухаре. Ташкент, 1927.
225. Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX в.— до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961.

226. Файзиев Т. К вопросу изучения узбеков-кураминцев//Научные работы и сообщения АН УзССР. ООН. Кн. 3. Ташкент, 1961.
227. Файзиев Т. О родо-племенном составе узбеков-кураминцев в конце XIX — начале XX в.//Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1963. № 11.
228. Файзиев Т. Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. дисс... к. и. н. Ташкент, 1963.
229. Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.
229а. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
230. Фомченко А. П. Русские переселения в Туркестанском крае. Ташкент, 1983.
231. Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1974.
232. Ходжаев Ф. Джадидизм/Избр. тр. в 3 т. Т. I. Ташкент, 1970.
233. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб., 1876.
234. Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в.//ТИВ АН УзССР. Вып. III. Ташкент, 1954.
235. Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964.
236. Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974.
237. Шаниязов К. Ш. Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период//Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
238. Шаниязов К. Ш., Исмаилов Х. Х. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1981.
239. Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
240. Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.
241. Юдахин К. К. Уйгуро-узбекские языковые связи//ИАН КазССР. № 85. Серия уйгуро-дунганской культуры. Вып. 1. Алма-Ата, 1950.
242. Юдин В. П. О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами//ИАН КазССР. ООН. Вып. 3. Алма-Ата, 1965.
243. Юнусалиев Б. М. О формировании общенародного киргизского языка//ВЯ. 1955. № 2.
244. Юферев В. И. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925.
245. Юферев В. И. Очерки по экономике хлопкового хозяйства. М., 1927.
246. Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы//Вопросы колонизации. II. Спб., 1916. № 8.
247. Zonghasband F. The heart of continent. London, 1896.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВА — Вопросы антропологии.
ВРГО — Вестник Русского географического общества.
ВЯ — Вопросы языкознания.
ЕФО — Ежегодник Ферганской области.
ЗИВ — Записки Института востоковедения.
ЗИРГО — Записки Императорского русского географического общества.
ЗИРГООС — Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики.
ЗРГО — Записки Русского географического общества.
ИАН КазССР — Известия Академии наук КазССР.
ИАН ТаджССР — Известия Академии наук ТаджССР.
ИРГО — Известия Русского географического общества.
ИТОРГО — Известия Туркестанского отделения Русского географического общества.
ИТФ АН СССР — Известия Таджикского филиала Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МСТК — Материалы для статистики Туркестанского края.
ООН — Отделение общественных наук.
СМА — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и географии.
СМСД — Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области.
СРТ — Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки.
СЭ — Советская этнография.
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник.
ТВ — Туркестанские ведомости.
ТГИМ — Труды государственного исторического музея.
ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук ТаджССР.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ТС — Туркестанский сборник.
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета.
ТСХ — Туркестанское сельское хозяйство.
ТТГУ — Труды Ташкентского государственного университета.
ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Этническая ситуация в Фергане в конце XIX — начале XX в. 7
Основные этапы политической и этнической истории позднефеодальной Ферганы 7
Социально-экономические факторы этнических процессов . . . 11
Глава II. Консолидационные процессы среди узбекского населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. 30
К вопросу о формировании узбекского населения Ферганы . . . 30
Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области материальной культуры 40
Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области духовной культуры 52
Глава III. Этнические процессы у таджиков Ферганы 59
К вопросу о формировании таджикского населения Ферганы . . 59
Консолидационные процессы у таджиков Ферганы 63
Сближение части таджиков с узбеками 66
Глава IV. Этнические процессы у киргизов Ферганы 72
К вопросу о формировании киргизского населения Ферганы . . 73
Сближение части киргизов с узбекским и таджикским населением Ферганы 75
Глава V. Этнические процессы у малочисленных этнических общностей Ферганской долины 82
Уйгуры в Ферганской долине. 82
Цыгане в Ферганской долине 91
Среднеазиатские евреи в Ферганской долине 97
Русские в Ферганской долине 101
Татары в Ферганской долине 110
Заключение 119
Список литературы 120
Список сокращений 129

Стелла Ситдиковна Губаева

Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в.

Утверждено Ученым советом Ферганского госпединститута им. Улугбека, Научным советом Министерства народного образования УзССР